

2009

ВЫПУСК 1 ТОМ 1

**ЭЛЕКТРОННЫЙ
ЖУРНАЛ**

www.discourseanalysis.org

**[СОВРЕМЕННЫЙ
ДИСКУРС-АНАЛИЗ]**
МЕТОДОЛОГИЯ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОБОСНОВАНИЯ

СОВРЕМЕННЫЙ ДИСКУРС-АНАЛИЗ

Выпуск 1, том 1, 2009

Электронный журнал

Редакционная коллегия:

Кожемякин Евгений Александрович, к.филос.н., доц. кафедры журналистики и связей с общественностью БелГУ

Переверзев Егор Викторович, к.филос.н., сотрудник управления по международным связям БелГУ

Борисов Сергей Николаевич, к.филос.н., доц.кафедры философии БелГУ

Оберемко Олег Алексеевич, к.соц.н., с.н.с. Института социологии РАН РФ.

Корбут Андрей Михайлович – н.с. Центра проблем развития образования Белорусского государственного университета.

Тягунова Татьяна Васильевна – н.с. Центра проблем развития образования Белорусского государственного университета.

Центр коммуникативных и медийных исследований
«Медиаперспектива»

Белгородского государственного университета

Контакты:

dva@bel.ru (Кожемякин Е.), egorpereverzev@gmail.com (Переверзев Е.),
SBorisov@bsu.edu.ru (Борисов С.).

Интернет-страница журнала: www.discourseanalysis.org

СОВРЕМЕННЫЙ АНАЛИЗ ДИСКУРСА

Современный дискурс-анализ переживает период бурного становления не только в качестве новой научной парадигмы, но и в качестве области дисциплинарных теорий и методов, характеризуемых с одной стороны в терминах своей идейной и теоретической разрозненности, а с другой стороны в терминах эскалации дискурса как методологической основы интегрированных исследований. В этих условиях есть основания полагать, что современные теории дискурса обладают научным потенциалом для решения ряда актуальных теоретических проблем, связанных со спецификой таких феноменов, как дискурсивный и коммуникативный поворот, информационное общество, статус субъекта социально-гуманитарных и философско-культурологических исследований, метарефлексивность исследователя социальных объектов и процессов. Кроме того, как нам кажется, концептуальная категория дискурса представляет собой основу для создания эффективных моделей междисциплинарных исследований, актуальность которых экспоненциально возрастает с развитием кризисных внутренних процессов в современных гуманитарных науках.

Наш дискурс-аналитический проект опирается на несколько идейных позиций. Во-первых, несмотря на то, что большинство актуальных практических и теоретических исследований в области дискурса на сегодняшний день ведутся за рубежом, роль отечественной интеллектуальной мысли в формировании идей выхода научного анализа за пределы развернутого предложения и микротекста сложно недооценить. В начале XX века русский формалист Александр Пропп в работе «Морфология Русской Волшебной Сказки» заложил основы морфологии текста, вдохновившие развитие дискурсивной теории. Огромный вклад в развитие теорий дискурса внесли такие отечественные исследователи, как М. Бахтин и Ю. Лотман. И на более позднем этапе дискурсивные исследования продолжались на самых различных уровнях социально-гуманитарных наук. На сегодняшний день российские исследователи дискурса активно заявляют о себе во многих отраслях знания, ведется работа, направленная на объединение исследователей дискурса, создание дискурсно-аналитических исследовательских направлений.

Настоящий журнал – это, прежде всего, попытка совместного концептуального осмысления современных зарубежных и отечественных теорий дискурс-анализа, обсуждения современного состояния, форм и перспектив отдельных методологий.

Кроме того, данное издание ставит своей целью создание площадки для креативного диалога между исследователями, использующими дискурсивные теории как в рамках изолированных научных направлений, так и в рамках локальных междисциплинарных теорий.

Мы и наш журнал открыты для совместной работы, публикаций, критики, обсуждения научных статей, создания совместных научных проектов.

Мы надеемся, что данное издание станет сферой для увлекательного

научного поиска, интересных совместных проектов и качественного общения для всех тех, кто интересуется актуальными исследованиями в области дискурса.

Редколлегия

The today's discourse analysis may be characterized in terms of vivid formation not only as a new scientific paradigm, but also as the new domain of disciplinary methods and theories. The latter are now characterized both in terms of their theoretical fragmentation and on the other side in terms of escalation of discourse as a methodological basis for integrated research. There are reasons to believe that modern discourse theories have the potential for solving some of the acute theoretical problems that emerge due to the specificity of such phenomena as the discursive and communicative turn in humanities, the information society and the status of the subject of social and cultural research.

We believe that the conceptual category of discourse provides the basis for development of effective new models of interdisciplinary research which become more important in the situation of development of internal negative processes in the present-day humanities and social sciences.

The development of Russian discourse-analytical project is based on several main ideas. First, though the majority of actual theoretical and practical research in the domain of discourse-analysis is presently done abroad, the role of Russian intellectual thought in creation of the ideas of analytical penetration of the borders of complex sentences and micro texts is hard to underestimate. In the beginning of XX century Russian formalist Alexander Propp in his work "The Morphology of Russian magic fairytale" created the theoretical basis of the morphology of texts, which inspired the further development of discourse theory. Mikhail Bakhtin and Yury Lotman made a great contribution to the present-day communicative and discourse theories. On further stage, the discourse studies were taken on the wide range of social sciences and humanities. Today Russian discourse-analysts are actively working and cooperating in various fields of knowledge, the up-to-date research is aimed for elaboration of the integrated research projects in discourse analysis.

The present journal is in the place aimed for the mutual conceptual understanding of modern Russian and foreign theories of discourse-analysis and for the discussion of the modern forms and perspectives of specific methodologies.

Moreover, with this journal we seek for the creation of the constructive dialogue between the researchers who use discourse theories both in separated scientific fields and local interdisciplinary approaches.

We and our journal are opened for cooperation, publishing, critics and discussion of scientific works and mutual projects.

We hope this journal to become the land for scientific quests, effective mutual projects and high quality communication for everyone who is interested in modern discourse studies.

Editorial board

Кожемякин Евгений

e-mail: dva@bel.ru

Переверзев Егор

e-mail: egorpereverzev@gmail.com

Борисов Сергей

e-mail: SBorisov@bsu.edu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТОЙН А. ВАН ДЕЙК ДИСКУРС И ДОМИНИРОВАНИЕ

ЕГОР ПЕРЕВЕРЗЕВ КРИТИКА КДА: НЕКОТОРЫЕ
ОГРАНИЧЕНИЯ
КРИТИЧЕСКОГО ДИСКУРС-АНАЛИЗА КАК НАУЧНОГО
ПОДХОДА

ЕГОР ПЕРЕВЕРЗЕВ ДИСКУРСИВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

НЕЛЬСОН ФИЛЛИПС, СИНТИЯ ХАРДИ ЧТО ТАКОЕ ДИСКУРС-
АНАЛИЗ?

ЕГОР ПЕРЕВЕРЗЕВ СОВРЕМЕННЫЙ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ
АНАЛИЗ ДИСКУРСА

ЕВГЕНИЙ КОЖЕМЯКИН ДИСКУРСНЫЙ ПОДХОД К
ИЗУЧЕНИЮ КУЛЬТУРЫ

ГЕРМАН КОЦЫБА ДИСЦИПЛИНИРОВАНИЕ ФУКО. ДИСКУРС-
АНАЛИЗ КАК СОЦИОЛОГИЯ ЗНАНИЯ

СЕРГЕЙ БОРИСОВ НЕВЫСКАЗАННОЕ «ЖЕЛАНИЕ РОДИНЫ»
(рецензия на книгу И. Сандомирской «Книга о Родине. Опыт анализа
дискурсивных практик»)

НОРМАН ФЭРКЛОУ ДИАЛЕКТИКА ДИСКУРСА

ДИСКУРС И ДОМИНИРОВАНИЕ

(Van Dijk, T.A. *Introduction: Discourse and Domination*, in T.A. van Dijk, *Discourse and Power*. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2008. PP. 1-26.)

Если мы определяем критические дискурсивные исследования (КДИ) как академический проект, ориентированный на создание теории и критический анализ дискурсивного воспроизводства злоупотребления властью и социального неравенства, то центральной задачей КДИ является детальное изучение концепта власти. Вместе с тем, как и в случае со многими фундаментальными понятиями социальных наук, понятие власти является сложным и неясным. Не удивительно, что большое количество книг и статей посвящено анализу этого ключевого концепта многих дисциплин. Я считаю необходимым обратиться к тем измерениям власти, которые непосредственно связаны с изучением языковой практики, дискурса и коммуникации.

Тем не менее, предмет моего исследования – дискурсивное воспроизводство злоупотребления властью и социального неравенства – вряд ли сам является проблемным понятием, а значит и сам должен быть подвергнут детальному теоретическому анализу. Например, как особая интонация, местоимения, заголовок, тема, лексические единицы, метафоры, цвет или ракурс, помимо множества прочих семиотических характеристик дискурса, связаны с таким абстрактным и общим явлением, как властные общественные отношения? Иными словами, мы должны каким-то образом связать типичные особенности текста, речи, интеракции и семиотических практик как объекты микро-анализа с типичными характеристиками общества, такими как группы или организации и их отношения доминирования, как объектами макро-анализа.

Более того, КДИ – это направлены не на изучение любой власти, а, главным образом, на исследование *злоупотребления* властью или, иными словами, на исследование таких форм доминирования, которые resultуют в социальном неравенстве и несправедливости. Такое нормативное понятие («злоупотребление» - это «плохо») требует проведение анализа с помощью других нормативных понятий и критериев социальной науки, таких как легитимность, которые, в свою очередь, предполагают привлечение этики и моральной философии. Так, в этой книге (Здесь и далее речь идёт о книге Т.А. ван Дейка “Discourse and Power”, первым – вступительным - разделом которой является этот текст (*прим. переводчика*)) я часто обращаюсь к дискурсивному воспроизводству расизма, а критический анализ таких дискурсивных практик предполагает, по крайней мере с моей точки зрения, что расизм – это плохо, поскольку расистские практики несовместимы с нормами социального равенства.

Главная цель КДИ - изучение дискурсивного злоупотребления властью – предполагает также изучение различий в доступе к социальной власти, и поэтому я обращаю особое внимание на различные способы доступа к публичному дискурсу как одному из ресурсов социальной власти.

Иными словами, мы видим, что многие концепты КДИ требуют

формулировки в контексте наиболее фундаментальных понятий социальных наук. В этой работе я постараюсь внести свой вклад в обсуждение оснований КДИ, разрабатывая теоретические понятия и применяя их к конкретным примерам критического анализа. Во Введении я представляю формулирую общую теоретическую матрицу работы.

Критические дискурсные исследования

Прежде чем представить теоретическую основу изучения дискурсивного воспроизводства использования власти, необходимо в более общих понятиях выразить объект критических дискурсных исследований. Несмотря на то, что сегодня широко распространен термин «критический дискурс-анализ» (КДА), я предлагаю заменить его термином «критические дискурсные исследования» (КДИ) в силу ряда очевидных причин. Главной причиной является то, что КДИ *не являются*, как признают многие авторы в области главным образом социальных наук, *методом дискурс-анализа*. Такого метода просто не существует. КДИ применяют любые методы, которые соотносятся с целями исследования, и эти методы, по большому счету, используются в целом при изучении дискурса. Фактически, в силу той же причины, *дискурс-анализ* сам не является *методом*, а, скорее, областью научной практики, междисциплинарным проектом, распространенным во всех гуманитарных и социальных науках.

По той же самой причине, я предпочитаю использовать термин «дискурсные исследования» (ДИ) для обозначения этой междисциплинарной области.

Методы (критических) дискурсных исследований

Как и в дискурсных исследованиях в целом, так и в КДИ в частности мы можем обнаружить ставшее уже привычным пересечение теории, методов наблюдения, описания и анализа, а также их практического применения. Так, не существует «одного» дискурс-анализа как некоего метода, так же как и не существует «одного» социального или когнитивного анализа. Как ДИ, так и КДИ располагают большим количеством разных методов изучения в зависимости от целей исследования, природы изучаемого объекта, интересов и квалификации исследователя и других параметров исследовательского контекста. Таким образом, в обеих областях мы можем найти такие способы изучения структур и стратегий дискурса, как:

- грамматический (фонологический, синтаксический, лексический и семантический) анализ;
- прагматический анализ речевых и коммуникативных актов;
- риторический анализ;
- стилистический анализ
- анализ специфики (жанровой и т.д.) структур (историй, новостей, парламентских дебатов, лекций, рекламных текстов и т.д.);
- конверсационный анализ разговора;
- семиотический анализ звукового, визуального материала и других мультимодальных параметров дискурса и взаимодействия.

Все эти различные виды анализа (наблюдение, описание и т.д.) могут

комбинироваться и пересекаться различным образом, так что исследование может быть направлено на изучение семантику нарративов, риторичу политического дискурса, прагматику разговора, семиотику стилиа. В каждом виде исследования можно выделить множество альтернативных способов работы с информацией (которые часто обозначаются как «методы» или «подходы»), например, формальный или функциональный виды анализа, которые сами по себе имеют различные версии в различных теориях, научных направлениях или школах в рамках каждой научной дисциплины. Чаще всего эти виды анализа представляют собой качественные описания деталей структуры дискурса, но в тоже время, поскольку они зависят от эмпирических данных, они могут быть и количественными, что в большей мере справедливо в отношении лингвистики, вырабатывающей новые методы для КДИ.

Несмотря на все существующие отличия, мы, тем не менее, можем обозначить все эти подходы *способами* осуществления дискурсного анализа или описания. И хотя в этом случае не принято говорить о *методах* в традиционном смысле, нет никакой серьезной проблемы в том, чтобы описывать эти «способы анализа» как «методы».

Помимо указанных аналитических подходов исследования в области дискурса прибегают также к привычным методам социальных наук, таким как:

- включенное наблюдение;
- этнографические методы;
- эксперименты.

Дискурс анализируется не только как автономный вербальный «объект», но и как контекстуальное взаимодействие, социальная практика или тип коммуникации в социальном, культурном, историческом или политическом контексте. Например, вместо того, чтобы анализировать разговор между соседями, мы можем проводить полевое исследование в сообществах, наблюдать за тем, как люди общаются в кафе и других общественных местах или описывать такие релевантные аспекты этих коммуникативных событий, как временные или пространственные характеристики, особые обстоятельства, самих коммуникантов и их коммуникативные и социальные роли, а также различные виды деятельности, которые сопровождают общение.

С целью проверки определенных гипотез могут быть использованы не только типичные для социальных наук формы наблюдения и анализа, но и многие психологические методы проведения лабораторного и полевого эксперимента. Существует огромное количество исследований, посвященных изучению ментальных параметров, влияющих на производство и понимание дискурса, и часто мы можем понять, что они собой представляют и как они функционируют только в ходе эксперимента, в котором мы можем выявить, как особые экспериментальные условия (обстоятельства, информация, задания и т.д.) приводят к определенным последствиям в отношении общения и понимания дискурса.

Итак, и дискурсные исследования, и критические дискурс-исследования используют разнообразные методы наблюдения, анализа и прочие стратегии сбора, обработки и интерпретации данных, проверки гипотез, развития теории и получения знания.

Специфика предмета анализа КДИ

Важно отметить, что, несмотря на методологический плюрализм, существуют определенные предпочтения и тенденции, особое внимание КДИ к аспектам злоупотребления властью и, в широком смысле, к социальным условиям и последствиям дискурса. Прежде всего, КДИ-анализ обычно использует методы, которые никоим образом не нарушают права человека, которого он изучает, и которые не противоречат интересам социальных групп, с которыми он так или иначе связан. Иными словами, методы КДИ таковы, что они содействуют усилению влияния подчиненных групп, особенно в области дискурса и коммуникации.

Во-вторых, методы КДИ ориентированы на сложные отношения между социальной структурой и структурой дискурса, на выявление того, как дискурсивные структуры могут изменяться или зависеть от социальной структуры. Например, определенные синтаксические структуры предложений являются обязательными (таково, например, обязательное предшествование артикля существительному в английском языке), будучи независимыми от социальной ситуации дискурса, а значит, не будут существенно изменяться как функция власти говорящего. Разделяете ли вы правые или левые взгляды, грамматика языка будет неизменной для всех. Другими словами, злоупотребление властью может проявить себя в языке только там, где есть возможность изменений или выбора, например, назвать человека «террористом» или «борцом за свободу» в зависимости от позиции или идеологии говорящего. Таким же образом сводка новостей обязательно включает в себя заголовки, независимо от того играют они или нет роль воспроизводства этнических предрассудков. С социальной ситуацией связаны, скорее, форма и значение заголовка, а не его структура. И хотя такая перспектива в целом представляется однозначной, существуют случаи, в которых структуры доминирования влияют не только языковые особенности или дискурс, но и на целые семиотические или дискурсивные системы, жанры и прочие социальные практики.

Мы можем заключить, что КДИ в целом фокусируется на таких системах и структурах дискурса, которые могут зависеть или изменяться как функция соответствующих социальных условий использования языка, или которые могут содействовать определенным социальным последствиям дискурса, например, влияние на социальные убеждения и действия реципиентов. В частности, КДИ фокусируется на таких характеристиках дискурса, которые являются чаще всего ассоциируются с выражением, подтверждением, воспроизводством или вызовом социальной власти адресантов как членов доминирующих групп.

Эти характеристики могут включать в себя специальную интонацию или визуальные и аудиальные особенности (цвет, шрифт, свойства изображения, музыка), синтаксические структуры (например, активный или пассивный залог), выбор лексики, семантику пресуппозиций или личные описания, риторические фигуры или аргументативные структуры, а также выбор определённых речевых актов, вежливых речевых оборотов, разговорных стратегий.

Расистский дискурс и, в более широком смысле, идеологический дискурс «ин-группы» обычно с помощью различных присутствующих ему средств акцентирует

позитивные качества «нашей» группы и её участников, а также (предполагаемые) негативные характеристики «других», «аут-группы». Это часто достигается за счёт выбора определённых тем, размера или цвета заголовков, использования фотографий или рисунков, жестов, специальных языковых единиц, метафор, аргументов (или софизмов), рассказов и т.д. Очевидно, что одна общая стратегия, реализуемая в дискурсивном воспроизводстве (например, расистского или гендерного) доминирования, то есть противопоставление (поляризация) «ин-группы» и «аут-группы» («ин-группа» восхваляется, а «аут-группа» принижается), может быть реализована многими способами и на различных уровнях дискурса.

В рамках КДИ значение поляризованных структур дискурса связывается с выражением, установлением, подтверждением и, соответственно, воспроизводством социального неравенства. В то же время отметим, что взаимодействие между дискурсивными и социальными структурами – это не просто корреляционное или каузативное взаимодействие. Скорее, стоит говорить об очень сложном социокогнитивном процессе, включающем в себя, например, ментальные модели и другие когнитивные репрезентации, возникающие в сознании участников. Необходимо также учитывать, как, с одной стороны, на них влияют дискурсивные структуры и, с другой стороны, они влияют на взаимодействие между людьми (а значит и будущие дискурсы).

Основные задачи КДИ

Несмотря на большое количество методов, используемых в рамках КДИ, последние имеют общие задачи, с которыми соглашается большинство ученых. Я уже сформулировал выше одну из этих задач – изучение дискурсивного воспроизводства злоупотребления властью. Иными словами, КДИ испытывают особый интерес к критическому изучению социальных проблем, социального неравенства, доминирования и прочих релевантных феноменов в целом, а также роли дискурса, языковых практик и коммуникации в их реализации в частности. Собственно, можно говорить о сфере специализации КДИ, которые изучают особые социальные феномены, особые проблемы и особые темы исследования.

Тем не менее, это не всё. Понятие «критический» также требует ясности. Изучение социальных проблем – это привычная задача социальных наук, но «мейнстримовые» исследования далеко не всегда являются «критическими». Иными словами, в КДИ содержится нормативный аспект, перспектива, отношение, особый способ проведения социально релевантного исследования.

Дать точное определение этим критическим перспективам и отношениям нелегко, и то определение, которое последует далее, не является абсолютно эксплицитным и достаточным. Дискурс-исследования могут быть определены как «критические», если они удовлетворяют одному или нескольким из следующих критериев определения понятия «доминирование» как «злоупотребления социальной властью со стороны некоторой социальной группы»:

- отношения доминирования изучаются в первую очередь с точки зрения и в интересах подчинённой группы;

- опыт (участников) подчинённой группы используется как свидетельство оценки доминирующего дискурса;
- можно доказать, что дискурсивные действия доминирующей группы – нелегитимны;
- адекватные альтернативы доминирующему дискурсу могут быть созданы только с учетом интересов подчинённых групп.

Из этих положений явным образом следует, что исследователи в области КДИ не являются «нейтральными»; они разделяют интересы подчиненных социальных групп. Они занимают определенную позицию, и делают это открыто. Между тем как «нейтральные» социальные исследования вполне могут имплицитно выражать определенную социальную, политическую или идеологическую позицию (или даже отрицать, что они выражают какую бы то ни было позицию, что очевидным образом тоже является своего рода позицией), исследователи в области КДИ признают и выражают их собственную исследовательскую заинтересованность и общественную позицию. Они не только научно обосновывают свой выбор темы и приоритетов исследования, теорий, методов и данных, но делают это также по социально-политическим основаниям. Они изучают социальные проблемы или формы неравенства не просто потому, что они представляются им «интересными» предметами исследования, но будучи также эксплицитно заинтересованными в социальных изменениях в пользу подчинённых групп. Они подвергают самокритичному анализу результаты своих исследований на предмет того, не содействуют ли они укреплению доминирующей позиции властных групп в обществе. Помимо собственно исследовательского интереса к доминантным группам, представители КДИ стремятся воздействовать и сотрудничать с ключевыми «агентами перемен» или «диссидентами» из этих групп.

Известна обширная дискуссия о том, являются ли ангажированные в социально-политическом смысле исследования «научными». Обвинения критических исследований в предвзятом отношении являются рутинными, и они сами нуждаются в критическом анализе хотя бы потому, что *нев्यражение* политической позиции – это тоже политический выбор. Тем не менее, будучи критическими исследователями, мы должны совершенно серьёзно воспринимать серьёзную критику. Важно подчеркнуть, что критическая и социально-заинтересованная сфера исследований не означает, что сам анализ будет не строгим. Всё, что было высказано в отношении критического анализа в социальных науках, отнюдь не предполагает, что теории и методы КДИ должны быть недостаточно научными.

Напротив, исследователи в области КДИ отдают себе отчёт в том, что дискурсивные исследования социальных проблем, результаты которых могут эффективно содействовать доминантным группам, а также изменению нелегитимных дискурсивных практик символических элит, обычно предполагают разработку комплексных и междисциплинарных исследовательских программ, теорий и методов. Именно благодаря строгой научности формальный анализ, например, местоимений, аргументативных структур, переходов конверсационального взаимодействия и т.д., составляющих часть более

комплексной исследовательской программы, может продемонстрировать, как эти структуры могут быть вовлечены в воспроизводство расизма или сексизма в обществе.

Как мы уже отмечали выше, строгий научный характер КДИ означает изучение связи между дискурсными и когнитивными структурами, с одной стороны, и дискурсными и социальными – с другой. Это требует привлечения междисциплинарных теорий и методов.

Иными словами, КДИ обладают специфичным подходом к изучению сложных социальных проблем, что предполагает, с одной стороны, применение и разработку сложных теорий и методов разных дисциплин, но с другой стороны КДИ должны удовлетворять упомянутым выше социальным критериям, таким как релевантность доминантным группам. Это означает, что в целом критерии КДИ часто являются более строгими, чем в других видах дискурсного анализа.

Подчеркнем, что мы вовсе *не утверждаем*, будто любое дискурсное исследование должно быть *критическим*, а критический анализ лишь потому представляется научным, что он является критическим. Критические исследования должны быть теоретически и методологически адекватными, иначе они не смогут преследовать социально-политические цели. В целом, плохой дискурс-анализ, в том числе в рамках КДИ, - это тот, который не соответствует самому главному критерию КДИ, то есть – не вносит вклад в социальные изменения.

Исследователи в области КДИ могут содействовать развитию теории, которая еще не получила своего прямого практического применения, но могла бы послужить основой КДИ. Если исследователи заинтересованы в общих вопросах дискурсного воспроизводства злоупотребления властью в обществе, они могут исследовать в более общих чертах отношения между дискурсом и властью или условия нелегитимности злоупотребления властью.

Необходимо также отметить, что, несмотря на общие цели и принципы критического социального анализа, КДИ не представляет собой гомогенное научное направление, что в целом характерно для любого направления в сфере социальных наук. Так, я выбрал в качестве предмета КДИ злоупотребление властью, а значит – доминирование и его последствия – социальное неравенство и способы его воспроизводства с помощью дискурса. Тем не менее, цель могла быть более широкой и включать в себя исследования власти и отношений между властью и дискурсом, что также является предметом рассмотрения во многих разделах этой книги. В качестве одной из целей КДИ можно также признать изучение отношений между дискурсом и обществом. Анализ отношений между дискурсом и властью или между дискурсом и обществом лежит в основе КДИ и предполагается в более частных исследовательских проектах. И тем не менее, я предпочитаю формулировать более частные цели, поскольку иначе КДИ сольется или поглотит социологию, лингвистику, социологию языка, лингвоантропологию, политологию и прочие (суб)дисциплины, с которыми КДИ очевидным образом связаны. Причиной моего решения сконцентрировать внимание на нормативном понятии *злоупотребления властью* и *социального неравенства* связаны с логическим

основанием *критического* исследования. Такое исследование направлено на критический анализ того, что признается *неверным, незаконным, ошибочным* или *плохим* в соответствии со специфичными социальными ценностями или нормами. Мы вовсе не претендуем на изучение всех социальных и политических отношений власти в обществе, но обращаем внимание на нелегитимной власти и хотим понять, как и почему эта власть и, в частности, ее дискурсное измерение, является нелегитимной. Мы хотим изучить множество способов, которыми дискурс может использоваться в корыстных целях, и мы связываем такое исследование, например, с систематическим изучением дискурсной манипуляции, дезинформации, лжи, слухов, пропаганды и других форм дискурса, которые нацелены на нелегитимное управление сознанием и контролем над действиями людей в аспекте воспроизводства власти. Я связываю эту сложную исследовательскую задачу с понятиями *дискурса* и *доминирования*. Эта цель является достаточно широкой, но она, как я полагаю, является ключевой целью КДИ. Как мы увидим далее и на протяжении всей книги, это означает, что нам необходимо либо заимствовать, либо разрабатывать теоретические инструменты, трактующие общие понятия власти, социальной структуры, социальных групп, идеологии, контекста и других, использующихся в изучении дискурсивного доминирования.

Дискурс и воспроизводство социальной власти

Я рассматриваю сложные отношения между дискурсом и властью в рамках упомянутой выше более широкой задачи критических дискурс-исследований. Хотя существует множество определений власти в философии и социальных науках, в этой книге я в основном определяю *социальную* власть в терминах *управления*, которое осуществляет одна группа в отношении других групп и их членов. Традиционно определяя управление, имеют в виду управление действиями других. Если управление связано с интересами тех, кто реализует власть, и направлено против интересов контролируемых, то в этом случае мы можем говорить о *злоупотреблении* властью. Если при этом используются коммуникативные действия, то есть дискурс, мы имеем дело с более частным видом управления – управлением дискурсом других людей, что является одним из наиболее очевидных способов взаимосвязи дискурса и власти: люди не могут свободно говорить или писать когда, где, кому, что и как захотят, и они при этом частично или полностью контролируются властными группами, такими как государство, полиция, масс-медиа или бизнес-корпорации, заинтересованные в подавлении свободы (обычно критических) текстов и речи. Или наоборот, они могут говорить и писать так, как им позволено это делать.

Такое управление широко распространено в обществе. Лишь небольшое количество людей обладают абсолютной свободой говорить и писать то, что хотят, тогда, когда хотят, и тому, кому хотят. Существуют социальные ограничения (например, законы против клеветы или расистской пропаганды) и нормы уместности высказываний. На работе, в большинстве случаев, от людей требуется производить специфичные типы текстов. В этом смысле, управление дискурсом представляется скорее правилом, чем исключением. Для того, чтобы исследовать злоупотребление управлением дискурсом мы должны определить

его специфичные условия, такие как нарушение человеческих или социальных прав, которые будут рассмотрены далее.

Управление осуществляется не только в отношении дискурса как социальной практики, но и в отношении сознания управляемых, то есть в отношении их знания, мнений, отношений, идеологии, а также личных или социальных репрезентаций. В целом, управление сознанием является непрямым, подразумеваемым, возможным или вероятным следствием дискурса. Те, кто управляет дискурсом, могут косвенно управлять сознанием людей. А поскольку действия людей контролируются их сознанием (знаниями, отношениями, идеологией, нормами, ценностями), управление сознанием означает также косвенное управление действиями. Управляемое действие может снова оказаться дискурсивным, так что властный дискурс может косвенно влиять на другие дискурсы в интересах тех, у кого есть власть. Выше мы кратко изложили фундаментальный процесс воспроизводства власти с помощью дискурса. Рассмотрим его подробнее.

Управление контекстом: доступ

Если дискурс управляет сознанием, а сознание управляет действиями, то для властных групп важным является управлять в первую очередь дискурсом. Как они это осуществляют? Если коммуникативные события включают в себя не только «вербальные» тексты и разговоры, но и влияющий на дискурс контекст, то первым шагом в управлении дискурсом является управление его контекстом. Например, властные элиты или организации могут решать, кто, когда, где и с какими целями будет участвовать в том или ином коммуникативном событии.

Всё это говорит о том, что мы должны детально изучить способы регулирования властными группами доступа к дискурсу, что является типичным для наиболее влиятельных форм публичного дискурса, в частности – медиа-дискурса. Кто имеет доступ к производству новостей или программ и самим новостям и программам, и кто контролирует этот доступ? Кто ответственен за организацию пресс-конференций, на которые собираются журналисты? Чьи пресс-релизы читают и используют для публикации? Кого интервьюируют и цитируют? Чьи действия определяются как новости? Чьи статьи мнения или письма редактору печатают на страницах прессы? Кто может участвовать в телешоу? И в более широком смысле – чьё определение социальной и политической ситуации серьёзно принимается и воспринимается?

Во всех этих случаях мы говорим об *активном* доступе, то есть об участии в управлении содержанием и формами медиа, а не о более или менее «пассивном» доступе со стороны потребителей (даже если потребители могут активно сопротивляться медиа-сообщениям с помощью нежелательных интерпретаций). Также следует подчеркнуть, что расширенный, глобальный доступ к влиятельным медиа может привести к полному уничтожению небольших, альтернативных медиа, у которых меньше финансовых средств и технологических ресурсов. Другими словами, само понятие доступа требует более тщательного анализа, поскольку оно имеет несколько измерений. В этой книге я рассматриваю доступ как форму активного вовлечения или участия в производстве публичного дискурса, например, способы доступа к журналистам

со стороны организаций и граждан и, соответственно, их возможность повлиять на содержание медиа.

Управление дискурсом

Установив, как осуществляется управление такими параметрами, как контекст и производство дискурса, мы можем рассмотреть, как структуры самого дискурса становятся предметом управления: что (от глобальных тем до локальных значений) может или должно быть высказано, и как должно быть сформулировано (с помощью каких слов, насколько детально и точно, в каких формах предложений, насколько должна присутствовать предыстория, и т.д.)? А также, какие речевые или другие коммуникативные акты должны или могут быть наполнены такими дискурсивными значениями или формами, и как эти акты организованы в социальном взаимодействии?

Управление сознанием

При изучении каждой фазы процесса воспроизводства нам требуется осуществить детальный и глубокий социальный, когнитивный и дискурсивный анализы. Многие из уже упомянутых связей пока еще недостаточно хорошо поняты учеными. Мы только начинаем формировать знание о том, как индивиды понимают дискурс, но еще меньше мы знаем о том, как такое понимание приводит к различным «изменениям сознания»: это касается обучения, убеждения, манипуляции и внушения. «Управление сознанием» имеет отношение не только к пониманию текстов и речи, но также и к личному и социальному знанию, предыдущему опыту, личным мнениям и социальным установкам, идеологиям, ценностям и нормам и прочим факторам, играющим определенную роль в изменении сознания индивида.

Как только мы разберёмся в сложнейших когнитивных репрезентациях и процессах, мы сможем показать, например, как расистские сообщения об иммигрантах приводят к формированию или воспроизводству предубеждений и стереотипов, которые в свою очередь могут приводить к формированию системы расистских идеологий или контролироваться ими, а они, соответственно, - воспроизводить расистские тексты, что, в итоге, приводит к дискурсивной репрезентации расизма. Сегодня мы имеем общее представление обо всём этом, но детали процесса дискурсивного влияния на сознание людей нам пока непонятны.

Изучение медиа-влияния в терминах «управления сознанием» должно протекать в рамках более широкого социокогнитивного подхода, который связывает сложные структуры современного (нового) медийного ландшафта с использованием медиа и, в конечном итоге, с множеством способов влияния на сознание людей, которое оно оказывает. Безусловно, масс-медиа способствовали появлению огромного количества альтернативных СМИ, специализированных «нишевых» медиа и, в особенности, предоставили людям большие возможности за счёт интернета, мобильных телефонов и индивидуальных способов использования новостей, развлечения и прочего «контента». Предполагается, что читатели и зрители должны стать более критичными и независимыми. В то же время, очевидной является

необходимость тщательного критического анализа того, действительно ли такое разнообразие технологий, медиа, сообщений и мнений означает, что граждане являются более информированными и способными сопротивляться тонкой информационной манипуляции, которая, в свою очередь, становится всё более индивидуализированной и которая может быть направлена на поддержку доминирующих идеологий, не претерпевших больших изменений. Иллюзия свободы и разнообразия может быть одним из способов производства идеологической гегемонии, которая может служить интересам доминирующих общественных сил и не в самую последнюю очередь компаний, производящих сами технологии и медиа-контенты, создающих эту иллюзию.

Дискурс-анализ как социальный анализ

Аналогичные теоретические и эмпирические проблемы характерны для определения властных групп и организаций, которые предстают в качестве источника циклических процессов дискурсивного воспроизводства власти. Какими характеристиками должны обладать группы людей, чтобы их можно было описать как властные?

Интуитивно понятно, что к властным группам следует относить правительства, парламенты, государственные организации, полицию, военных, большие бизнес-корпорации, а также представителей некоторых профессий, например, врачей и профессоров, или же такие социальные роли, как родители. Но если властной группой можно назвать СМИ как организации и предприятия, означает ли это, что отдельно взятые репортеры обладают властью? Большинство из них наверняка станут отрицать такое утверждение, даже если они осознают, что у них всё же есть власть, которая позволяет им влиять на сознание сотен, если не миллионов людей. В этом смысле власть следует определять не как власть индивида, но как власть социальной позиции и как составную часть власти организации. Таким образом, речь идёт о необходимости осуществления более глубокого социального анализа для того, чтобы точно определить, кто и как управляет публичным дискурсом.

Аналогичные примеры мы можем обнаружить в ещё одной ключевой сфере «символической власти» - в сфере образования. Мы знаем, что учителя и учебники влияют на сознание студентов и мы вряд ли станем отрицать, что мы ожидаем от них такого влияния, если мы хотим, чтобы наши дети чему-нибудь *научились*. Однако, достаточно сложно отличить обучение, помогающее студентам с их настоящей и будущей жизни, от идеологического внушения властных групп или организаций и, соответственно, предупреждения развития у студентов критического потенциала.

И в то же время, вряд ли представляется возможным выбрать в качестве критического изучения только одного учителя или один отрывок из учебника, поскольку форма влияния может быть нелокализованной, гораздо более сложной, глобальной, противоречивой, систематичной и почти не заметной для всех вовлеченных индивидов. В действительности все – от министерства образования, разрабатывающего учебный план, от авторов, коллективов и издателей, которые выпускают учебники, и учительских комитетов, утверждающих их, до учителей, которые преподают по этим учебникам – все

они могут быть убеждены, что то, чему учат эти учебники, - полезно для детей.

Такие примеры могут быть обнаружены в различных областях общества, как то политика, право, здравоохранение, бюрократические и государственные учреждения, корпоративные бизнес-структуры, с верха и донизу, от управляющих элит до тех, кто реализует их политику, инструкции и планы.

Ещё раз: власть и доступ

В целом, когда мы «делаем» дискурс-анализ как социальный анализ, мы становимся вовлеченными в чрезвычайно сложные структуры организации, управления и власти, а дискурс в них является лишь одной из многих социальных практик, которые необходимо осмыслить. Более того, подобное критическое исследование сложных властных организаций имеет ряд специфических методологических проблем, связанных, например, с серьезными ограничениями доступа к данным. Так, мы можем критически анализировать публичный выпуск новостей или редакторскую статью, учебник или диалог в классе, политическую пропаганду партии или рекламу компании, однако мы редко можем получить доступ к своего рода «вершинам» дискурсивного взаимодействия – «кабинетным» встречам, совещаниям с редактором газеты, собраниям лидеров политической партии или дискуссиям на уровне правления бизнес-компании.

Практический опыт свидетельствует, что чем выше статус дискурса и чем он влиятельнее, тем менее публичным он является и тем менее он доступен для критического анализа – иногда это закреплено юридически, как в случае с «кабинетными» совещаниями.

Так, в интересующей меня области изучения расизма и прессы, ни один из исследователей, насколько я знаю, до сих пор не смог получить доступ к совещаниям в редакции газеты. И каждый, кто проводил полевые исследования, знает, что интервьюировать элиты всегда гораздо сложнее, чем беседовать с обычными людьми в привычной для них обстановке – людьми, которые часто бывают счастливы поговорить с вами, поскольку обычно никто не интересуется в первую очередь именно их мнением или их опытом.

Именно поэтому мы располагаем публичными данными о расизме в виде политических дебатов, новостей, учебников и программ партий, но у нас данных о том, как «кабинетные» министры, партийные лидеры, редакторы, члены совета директоров или высокопоставленные чиновники говорят и пишут в своей среде об иммигрантах и меньшинствах.

Власть как управление публичным дискурсом

В этой книге я пытаюсь показать как тесно критический социальный анализ связан с контекстуальным дискурс-анализом. Социальная власть групп (классов, организаций) традиционно трактовалась в терминах их особого доступа к специфическим материальным ресурсам (или контролю над ними), таким как капитал или земля, к символическим ресурсам, таким как знание, образование или известность, или к физической силе.

Многие формы современной власти, тем не менее, должны быть истолкованы как *символическая* власть, то есть в терминах *особого доступа к*

публичному дискурсу (или контролю над ним), следуя логике описанного выше воспроизводства. Управление публичным дискурсом – это управление сознанием аудитории, а значит, косвенно, управление тем, что желает или делает аудитория. Тому, кто может убеждать, соблазнять, внушать или манипулировать людьми, не нужно применять силу.

В этом отношении сегодняшние символические элиты – политики, журналисты, учителя, адвокаты, чиновники и все, кто имеет особый доступ к публичному дискурсу, или бизнес-менеджеры, которые косвенно управляют этим доступом (например, в качестве владельцев масс-медийных империй) – все они являются теми, кого следует назвать властными группами, поскольку они отвечают этому критерию.

Символическая власть может быть выведена из других видов власти. Так, у политиков есть доступ к публичному дискурсу, поскольку у них есть политическая власть, а профессора – поскольку у них есть ресурсы знания. Если определять власть как контроль (представителями) одной группы над другой, то такие формы политической, академической или корпоративной власти действительно становятся эффективными, если они обеспечивают особый доступ к средствам производства дискурса, а значит к управлению сознанием аудитории.

В то время, как с классической точки зрения власть определяется в терминах класса и контроля над материальными средствами производства, сегодня власть широко трактуется как управление сознанием масс, а такое управление требует контроля над публичным дискурсом во всех его семиотических измерениях.

Итак, нам предстоит выйти за пределы (обычно верных, но слишком упрощенных) слоганов популярно-критической литературы о власти политиков или медиа как «менеджеров сознания» и детально изучить, что же всё это в точности означает: как становится возможным, что специфичные общественные группы устанавливают определения (то есть ментальные модели) и управляют эмоциями относительно общественных событий, общих социокультурных знаний и здравого смысла, мнений о различных проблемах и, в наиболее фундаментальном смысле, базовых идеологий, норм, ценностей, которые организуют и управляют социальными представлениями аудитории в целом.

Переосмысливая гегемонию

Мы видим, как тесно социальный анализ связан с дискурс-анализом и как такая связь в различных отношениях требует когнитивного анализа. Мы видим, как классическое понятие гегемонии, предложенное Грамши в его *«Тюремных тетрадях»*, получает особое содержание за счет более эксплицитного анализа релевантных процессов, в частности, того, как идеологии воспроизводятся и как люди могут действовать помимо своей воли во имя интересов власти.

Обращение к дискурсивным и когнитивным средствам воспроизводства социальной власти в обществе, очевидно, означает выход за пределы привычного политэкономического или социологического макро-анализа. Политика и медиа, бесспорно, влияют друг на друга и управляют друг другом, будучи, в свою очередь, зависимыми от фундаментальных бизнес-интересов,

рынка и финансовой «целесообразности». И политэкономический, и макросоциологический анализы могут быть усилены и уточнены анализом связей и форм классового, группового и организационного управления.

Микроанализ власти

И тем не менее, дискурс-аналитики стремятся изучить эти фундаментальные отношения на более локальном, микро-уровне, например, на уровне повседневных взаимодействий, в которые вовлечены политики и журналисты, способов создания и распространения пресс-релизов, проведения пресс-конференций, стратегии ответов на критические вопросы журналистов и т.д.

Если агенты власти заинтересованы в управлении собственным имиджем в масс-медиа с целью завоевания поддержки и влияния на настроение и сознание аудитории, то им требуется управлять дискурсивными и интеракционными элементами производства публичного дискурса, такими как нормирование времени, детализация содержания и стиль пресс-релиза, бизнес-отчёт или реклама, беседа и интервью с журналистами. Детальный анализ таких организационных дискурсивных практик, направленных на управление производством публичного дискурса, позволяет нам выявить, как социальные макроструктуры связаны со структурами публичного дискурса и, в конечном итоге, как они могут повлиять на сознание аудитории в целом.

Необходимо отметить, что подобные социальные процессы воспроизводства не являются строго детерминированными. Например, несмотря на различные формы влияния со стороны государства и властных организаций, газеты как организации и журналисты как личности могут сопротивляться (до определенной степени) такому давлению и преподносить новости в соответствии с их собственными точками зрения и интересами.

То же справедливо и для аудитории новостных организаций. Конечно, люди находятся под воздействием новостей, которые они читают или смотрят, хотя бы потому что они получают и обновляют своё знание о мире. Но их понимание новостей и то, как они меняют свои мнения и оценки, зависит и от их предыдущих оценок и идеологий (разделяемых с другими членами группы), и от их собственного опыта. И именно эти личные интерпретации новостей, ментальная модель событий являются основой специфичных персональных действий индивида.

Иными словами, в контексте рассматриваемого здесь дискурсивного воспроизводства власти связь между макроструктурами социетальной власти, с одной стороны, и индивидуальным поведением – с другой, является достаточно сложной и опосредованной.

Дискурс, знание, общество...

Представленный выше краткий анализ дискурсивного воспроизводства власти направлен на выявление фундаментальных отношений трёх концептов, которые лежат в основе большей части моих исследований, - дискурса, знания и общества. Как мне представляется, любой тип КДИ должен учитывать все три измерения, даже если мы в силу каких-либо причин захотим ограничиться одним или двумя из них. Главной тенденцией критического исследования

является установление *прямой* связи между обществом – и особенно власти и доминирования – и дискурса, социальных практик и прочих феноменов.

Согласно моей теории, такой прямой связи не существует: нет никакого прямого влияния, которое социальные структуры оказывают на тексты. Скорее, субъекты социальных отношений наблюдают, переживают, интерпретируют и репрезентируют социальные структуры, например, как часть их повседневного взаимодействия или коммуникации. Именно эта (субъективная) репрезентация, эти ментальные модели специфичных событий, это знание, эти оценки и идеологии в конечном итоге влияют на дискурсы и другие социальные практики. Другими словами, личное и социальное знания всегда выступают посредником между обществом или социальными ситуациями и дискурсом. Следовательно, КДИ направлены на изучение социальных проблем в контексте триангуляции «дискурс – знание – общество». Ни одно из этих измерений не может быть понято без другого.

...а также история и культура.

Эти три измерения являются необходимыми, но не исчерпывающими. Есть еще, как минимум, два фундаментальных для КДИ измерения – *история* и *культура*, хотя я их рассматриваю как часть социального аспекта. Большинство из проблем, которые рассматриваются в этой книге – расизм, масс-медиа, политика, образование – имеют очень важное историческое измерение, анализ которого позволит более полно понять современные социальные проблемы. Расизм – это изобретение не современного мира; его история насчитывает столетия. С другой стороны, в последние десятилетия мы наблюдаем серьезные социальные изменения, касающиеся класса, гендера и этничности; многие современные общества в Европе, Северной Америке и Австралии в некоторых отношениях кардинально изменились по сравнению с тем, какими они были еще 50 лет назад. КДИ призван изучить эти изменения, в том числе в отношении дискурсного производства власти, а с другой стороны, выявить, действительно ли и насколько изменились фундаментальные отношения власти.

И наконец, это касается и культуры. Всё, что мы сказали, должно быть оценено и в аспекте культуры. Дискурсы и способы воспроизводства власти отличаются в зависимости от культуры, равно как и социальные структуры, и социальные знания, вовлеченные в процессы воспроизводства. В условиях возрастающей глобализации некоторые дискурсные жанры, вероятно, стали универсальными, как это произошло с международными новостями и даже некоторыми формами развлечений. В то же время представители различных культур могут понимать и использовать эти дискурсы по-разному в зависимости от разделяемого в их культуре знания и оценок. Это справедливо также и в отношении производства дискурса и его социальных условий, что также может иметь отличия в разных обществах и культурах. Это означает, что КДИ должны всегда учитывать культурный контекст участников дискурсного воспроизводства власти и, более того, степень влияния на дискурс кросс-культурного опыта современных обществ.

От власти к злоупотреблению властью: доминирование

Существует одно распространенное заблуждение, что власть – это нечто, что подразумевается как «плохое», и что анализ дискурса и власти по определению является «критическим» анализом. Это достаточно ограниченная трактовка власти и КДИ. Власть очевидным и тривиальным образом может быть направлена на достижение нейтрального и положительного результата, как, например, в тех случаях, когда родители и учителя обучают детей, СМИ информируют нас, политики – управляют, полиция – защищает, а врачи – лечат, при этом все используют свои особые ресурсы.

Это положение отнюдь не является отговоркой, чтобы ввести ограничивающее «но...». Напротив, общество не функционировало бы без порядка, управления, проверок, без повсеместно присутствующих легитимных властных отношений. В этом смысле, многие виды социального анализа предполагают анализ власти и связанных с ней понятий.

КДИ предполагают глубинный взгляд в социальные структуры в целом и властные отношения в частности. Мы можем изучить *злоупотребление* властью только тогда, когда мы поймем, насколько оно причиняет людям вред и как социальное неравенство производится и воспроизводится в повседневной жизни. И только в этом случае мы можем понять, как неравномерно распространена власть в обществе.

Нелегитимное использование власти

КДИ направлены скорее на критический анализ злоупотребления властью политиками, нежели на изучение легитимного использования ими власти; на изучение того, как масс-медиа дезинформируют, а не информируют; на выявление того, как эксперты и преподаватели используют свои знания, чтобы вводить в заблуждение студентов, клиентов и прочих граждан, вместо того, чтобы обучать или лечить их. Я называю такие формы злоупотребления властью «*доминированием*», понятием, которое предполагает негативное измерение неравенства, несправедливости и неравноправия, то есть всех форм *нелегитимных* действий и ситуаций.

Доминирование включает в себя различные виды злоупотребления коммуникативной властью, что является предметом особого интереса для критических дискурс-аналитиков; эти виды включают в себя, например, манипуляцию, внушение, дезинформацию. Можно назвать и другие, недискурсивные примеры доминирования, которыми полны повседневные практики, истории и новости: сексуальные притязания, семейное насилие, политическая коррупция, притеснения и насилие со стороны полиции, терроризм и антитерроризм, войны и т.д.

Я упоминаю об этих примерах, чтобы подчеркнуть, что КДИ направлены на изучение лишь небольшого (но важного) сегмента форм доминирования и неравенства. С целью разработки хорошей основы для критических дискурс-исследований мы должны дать более четкое определение злоупотребления. Как мы различаем *использование* и *злоупотребление* языком, дискурсом и коммуникацией, новостями и аргументацией, парламентскими дебатами и законами,

результатами академических исследований или профессиональными отчётами, а также многими другими жанрами и коммуникативными практиками?

Так, СМИ могут информировать нас о гражданских волнениях, но в какой-то момент эта «информация» о «бунтах» превращается в тексты, содержащие предубеждения о чёрной молодёжи, «странах третьего мира», или в классовые идеологические тексты о малоимущих гражданах. Или в какой-то момент исследование, посвященное иммиграции или повседневной жизни меньшинств, вдруг начинает подтверждать распространённые стереотипы, например, о наркомании или насилии, и игнорировать факты повседневной дискриминации меньшинств властями, полицией и символическими элитами.

В целом, изучение очевидных способов злоупотребления дискурсом, будь то неприкрытая расистская пропаганда или псевдонаука, должно быть дополнено более детальным анализом повседневных практик, в которых «хорошее» и «плохое» соседствуют в текстах.

С какого же момента, описывая повседневные дискурсивные практики, мы начинаем говорить о «злоупотреблении»? Мы уже начали описывать злоупотребление в терминах легитимности: злоупотребление властью – это *нелегитимное* использование власти. Такой анализ вскоре должен привести нас к основам социального и политического анализа. Злоупотребление властью, таким образом, означает нарушение фундаментальных норм и ценностей в интересах тех, у кого есть власть и против интересов других людей. Злоупотребление властью означает нарушение социальных и гражданских прав людей. В сфере дискурса и коммуникации к таким правам относится право быть (хорошо) образованным, хорошо информированным и т.д.

Нормативное определение легитимности, тем не менее, является очень сложным, и ее адекватный анализ составляет саму основу КДИ. Если мы планируем анализировать и критиковать доминирование, и если доминирование определяется как нелегитимное использование власти, то нам необходимо составить ясное представление о нормах, критериях и стандартах легитимности. Тогда принципиальным вопросом будет следующий: кто в первую очередь определяет, что является легитимным? В соответствии с распространённым либерально-демократическим ответом эту задачу выполняют демократически избранные представители, такие как парламент, городской совет и т.д. мы знаем из истории, что существовало большое количество расистских, сексистских и классовых законов и стандартов; так что закон как таковой не гарантирует легитимность в силу того, что мы применяем иные нормы и критерии. Это относится даже к формулированию международных прав человека, которые, как мы знаем, тоже менялись в ходе истории. Другими словами, как и все наши нормы, ценности и знания, стандарты легитимности – относительны, меняются в историческом и межкультурном аспектах, даже если мы постоянно признаем их универсальными.

Если мы говорим о легитимном использовании власти и нелегитимном злоупотреблении властью, мы должны признать, что и первое, и второе может производить легитимные формы неравенства. Это имеет отношение не только к очевидным различиям политической власти, но и ко всем случаям неравного распределения властных ресурсов, включая материальные, такие как деньги.

Важным для нас представляется то, что такое неравное распределение касается также и нематериальных, символических ресурсов власти, таких как знание и доступ к публичному дискурсу. Так, мы считаем «нормальным» неравенство между преподавателями и студентами, профессионалами и их клиентами, экспертами и неспециалистами, журналистами и их аудиторией. Ключевой вопрос в КДИ касается того, какие из подобных различий во властных ресурсах являются легитимными в соответствии с сегодняшними стандартами справедливости, равенства и международных прав человека, а какие являются свидетельством нелегитимного злоупотребления властью. Когда властные ресурсы журналистов, такие как специальное знание и информация, а также доступ к масс-медиа, используются легитимно, т.е. в целях информирования граждан, а когда происходит злоупотребление властью с целью дезинформирования, манипулирования и причинения вреда гражданам.

Мы видим, что значительная часть содержания понятия (не)легитимности дискурса сформулирована в терминах негативных ментальных *последствий* дискурсного доминирования – дезинформации, манипуляции, стереотипов и предубеждений, недостатка знания, внушения – и того, как они означают или ведут к социальному неравенству, так как подобные ментальные последствия, в свою очередь, могут влиять (делать нелегитимными) на социальные взаимоотношения, и примером тому может быть дискриминация.

Несмотря на то, что мы можем принять общую дефиницию дискурсивного доминирования в терминах негативных социальных последствий для реципиентов, спецификация точных норм и ценностей, которые делают эти негативные последствия эксплицитными, представляется очень сложной процедурой, зависящей от той или иной точки зрения.

Несложно сформулировать, почему расистские сообщения являются «плохими» - например, потому что они формируют и подтверждают расистские стереотипы и идеологии, которые, в свою очередь, являются основой расистской дискриминации, а она по определению направлена против интересов дискриминируемых и нарушает их фундаментальные права. По этим же причинам расистские сообщения или политическая пропаганда запрещены законом во многих странах.

Пример расистского сообщения

А что если газета освещает, например, мародёрство во время «бунтов», совершаемое чёрными молодыми людьми, как это случилось в Великобритании и США и о чем я пишу в своей книге «Расизм и СМИ»? Очевидно, что освещение преступных деяний представителей меньшинств не является само по себе ни проявлением расизма, ни нарушением их гражданских прав, даже если подобное «негативное» сообщение может поддерживать этнические предрассудки среди большинства белых людей. Итак, мы должны применить детальный анализ текста и контекста для того, чтобы убедиться, что то или иное сообщение является расистским. Так, в случае с нашим примером, сообщение может быть идентифицировано как более или менее расистское, если оно отвечает следующим условиям:

- если представлены негативные действия только чёрных молодых людей, а

не другой молодёжи или же полиции;

- если негативные действия чёрных молодых людей акцентированы (с помощью гипербол, метафор), а действия полиции деакцентированы (например, с помощью эвфемизмов);

- если действия особым образом выражены в «этнических» и «расовых» терминах, а не в таких, как, например, «молодёжь», «малоимущие», «мужчины» и прочих, более релевантных терминах;

- если бунты, мародёрство и насилие представлены как самостоятельные события вне социальных причин, например, как следствие частых преследований со стороны полиции или в более широком контексте бедности и дискриминации;

- если газета систематически публикует расистские материалы, а значит, вероятно, следует политике негативных сообщений о меньшинствах;

- если используются только и преимущественно «белые» источники информации, которые обвиняют чёрную молодёжь и оправдывают действия полиции.

Мы видим, что нормы, которые нарушаются, не противоречат друг другу. Напротив, составляют часть профессиональных норм адекватного освещения событий, которые требуют сбалансированной репрезентации события, объяснения их в терминах социальных причин и контекстов и функции контроля над недопущением злоупотребления властью агентами государственных силовых структур. Журналисты знают и должны знать о возможных последствиях расистских сообщений о сообществах меньшинства, а значит они должны быть очень внимательны в отношении соблюдения общих норм профессиональной журналистики. Они не должны ни закрывать глаза на преступления, совершаемые меньшинствами, ни подвергать себя самоцензуре, а лишь следовать установленным профессиональным нормам освещения Других.

Легитимная необъективность

Пример с расистским сообщением о «бунтах» является всё же достаточно однозначным, поскольку мы можем применить общие нормы и ценности профессиональной журналистики, чтобы оценить критически это сообщение. Однако существует большое количество примеров других, более или менее «плохих» или пристрастных сообщений, которые не нарушают существующие нормы и которые не приводят к негативным социальным последствиям, например, когда левацкая газета подчеркивает положительные качества «левого» кандидата на выборах и негативные качества «правого» кандидата. Такие очевидные пристрастия могут быть мотивированы, когда большинство прессы является консервативным и представляют «левых» кандидатов (более) негативно.

Аналогичным образом пресса может создавать негативные образы коррумпированных политиков, загрязняющих или дискриминирующих предприятий и т.д., и подобное освещение может быть предвзятым по отношению к оппонентам, но последствия для аудитории являются однозначно положительными.

Итак, мы можем заключить, что мы должны внимательно изучать контекст, нормы и ценности, предопределяющие ту или иную дискурсивную практику.

Тем не менее, в качестве общего эмпирического правила, мы можем говорить о нелегитимном использовании дискурсной власти, то есть о доминировании, если тот или иной дискурс или его возможные последствия систематически нарушают человеческие или гражданские права людей. В частности, к таким случаям следует отнести поддержку дискурсом различных форм социального неравенства, а также если дискурс строится в соответствии с интересами доминирующей группы и против интересов недоминирующей группы, особенно в силу того, что у последней нет доступа к публичному дискурсу.

Далее, мы должны определить частные характеристики того или иного дискурсного жанра или дискурсной практики. Мы привели пример медийной новости, но, конечно же, нам необходимо разработать критерии, аналогичные рассмотренным выше, для всех типов публичного дискурса, таких как парламентские дебаты, политическая пропаганда, реклама, корпоративные дискурсы, учебники и учебное взаимодействие, юридический, научный и бюрократический дискурсы.

Контраргумент: невозможность управлять последствиями

Ещё одной трудностью теории дискурсного доминирования является то, что она сформулирована не просто в терминах дискурсных структур, то есть структур, которыми автор может в определенной степени управлять, а значит, от которого они в определенной степени зависят, но также и в терминах (ментальных) последствий этих структур. Политики и журналисты обычно не соглашались с обвинениями в том, что они производят предвзятые тексты, утверждая, что они не влияют на то, как люди читают, понимают и интерпретируют их дискурсы.

Такой контраргумент не безоснователен, поскольку не существует причинно-следственной связи между дискурсом и его интерпретацией: из психологии понимания дискурса мы знаем, что дискурс как таковой – это один из множества факторов, влияющих на понимание и интерпретацию; к прочим факторам относятся контекст чтения, существующее знание и идеология читателя, его личная биография и настоящий опыт, его настоящие интенции и цели, его роль и статус и т.д.

Но несмотря на индивидуальную и контекстуальную зависимость, это отнюдь не означает, что дискурсы как таковые не имеют отношения к процессам социального влияния. Выработано общее представление о способах получения знания, предубеждений и идеологий, в том числе посредством дискурса. Следовательно, профессиональные авторы и организации должны представлять себе о возможных или вероятных последствиях их дискурса в отношении социальных репрезентаций их реципиентов. Например, практически не вызывает сомнений тот факт, что повторяющееся акцентирование внимания на девиантных или криминальных характеристиках представителей меньшинства создает и поддерживает *социально разделяемые* расистские установки в обществе, а не только мнения отдельно взятых фанатичных индивидов.

Также не вызывает сомнения то, что большинство наших идеологий созданы с помощью дискурсов. В этом смысле то, что не существует прямого

управления сознанием реципиентов, не является оправданием для дискурсивного манипулирования, учитывая профессиональное знание о возможных тенденциях масштабного влияния подобных практик на сознание и действия реципиентов. В действительности, элитарные группы и организации прекрасно понимают, к каким эффектам в отношении сознания аудитории приводят их «информация», реклама и пропаганда ‘information’ – иначе они бы не занимались так активно публичной коммуникацией.

Практическая значимость критических дискурс-исследований

Всё, что было сказано выше, в первую очередь относится к КДИ, которые, как нам кажется, способствуют пониманию того, какую роль играет дискурс в воспроизводстве доминирования и как злоупотребление властью приводит к социальному неравенству. Для КДИ крайне важным является то, что подобное понимание практически соотносится с подчинёнными группами. Несмотря на то, что известно множество примеров практического «применения» критических дискурс-исследований, это направление КДИ всё ещё остаётся недостаточно развитым и изученным. В связи с этим, я сформулирую несколько положений.

Посредничество и консультирование

Если политик, журналист или преподаватель утверждают, что они не знают (или не знали) о возможных негативных социальных последствиях их дискурса, то посреднические функции, очевидно, могут выполнить критические дискурс-аналитики. Они могут детально продемонстрировать, как темы, заголовки и лиды новостей, аннотации или резюме научных статей, слоганы в политическом дискурсе могут быть использованы и эксплуатированы для «определения ситуации», то есть как эти дискурсивные структуры могут быть использованы для создания высшего уровня (макро)структур ментальных моделей событий. Критические аналитики могут показать, как специфические лексические единицы используются для конструирования в этих ментальных моделях деталей событий или характеристик людей, или же как ментальные модели упрощаются до предубеждений и прочих социально разделяемых установок.

КДИ могут и должны заниматься дискурсивной подготовкой специалистов, для того чтобы показать, как публичный дискурс элитарных групп может влиять на сознание граждан и как такое влияние способствует воспроизводству социальной структуры. Понимание последствий чьего-либо дискурса (и любых публичных действий) – это одно из условий ответственности, такое же, как и наше знание о воздействии химических продуктов на окружающую среду. В таких ситуациях оправдание «Мы не знали!» (или его немецкий вариант, который был использован в качестве оправдания после второй мировой войны – «Wir haben es nicht gewusst!») уже не признается адекватным, также как и оправдания в случае загрязнения среды.

Просвещение

Просвещение граждан с помощью КДИ – это еще одна важная практика,

поскольку люди должны научиться лучше понимать цели дискурсных элит и способы дезинформирования, манипулирования и причинения вреда аудитории с помощью публичного дискурса. Так, главной социальной и практической целью КДИ является развитие стратегий дискурсивного инакомыслия и сопротивления.

Советы специалистам, профессиональные этические кодексы

Для достижения этих целей мы должны подробно изучить, какие параметры дискурса, дискурсные жанры и в каких коммуникативных контекстах вероятнее всего приводят к тем или иным социокогнитивным последствиям в отношении формирования знания, установок и идеологий. Это исследование предполагает сотрудничество дискурс-аналитиков с лингвистами, психологами, социологами, которые вносили бы свой вклад в изучение сложного дискурсно обусловленного воспроизводства процессов социального неравенства.

Несмотря на то, что обучение КДИ – это важная форма сопротивления дискурсивному доминированию, она не является достаточной. Лишь немногие газеты отказались от расистских журналистских практик в результате критического дискурс-анализа. Это относится к большинству критических исследований. Но в то же время, мы являемся свидетелями успехов феминистских и экологических движений, так что сопротивление может оказывать влияние даже на самых могущественных.

Традиционно существует один долгий путь, пролегающий через социальные институты, то есть – обучение журналистов и других специалистов главным положениям нашей концепции. У нас достаточно ясные цели в университетском преподавании: учить студентов критическому анализу текстов, преподаванию его другим студентам и развитию теорий с целью его совершенствования.

КДИ использует также менее опосредованные формы сопротивления, доказавшие свою эффективность в других областях – например, в сфере противодействия расистским и сексистским сообщениям в СМИ или в области экспертных заключений для международных организаций, обладающих определенной властью, таких как ООН или Совет Европы - и те, и другие периодически предпринимают действия, направленные против расизма.

Если мы выявляем случаи воспроизводства расизма в масс-медиа, мы можем сразу же сформулировать конкретные рекомендации, которые могут принять форму добровольных профессиональных кодексов, как это встречается во многих областях. Кодексы могут содержать в себе критерии допустимого, касающиеся деятельности редакций, репортёров, тем новостей, информационных источников и т.д. – иными словами, стандарты общих профессиональных ценностей и норм. Они могут открыто требовать запрета на использование любых нерелевантных ссылок на этническое происхождение индивидов, особенно в негативных (криминальных и т.д.) новостях. Эта норма была принята в отношении освещения «третьего мира» и исламских стран; также, неоднократно предлагалось ввести аналогичную норму в освещении гендера в СМИ.

Расизм вредит бизнесу

Помимо просветительских, исследовательских и политических стратегий, реализуемых в том числе при помощи влиятельных международных организаций, дискурсивное сопротивление, как его понимают в КДИ, включает в себя еще одну важную стратегию, затрагивающую основу неолиберальных идеологий и практик – прибыль. Мы утверждаем и доказываем, что и расистский, и сексистский дискурсы, равно как и недостаток разнообразия в целом, вредит бизнесу. В американском, европейском или австралийском обществах, становящимися все более межкультурными и принимающих в ряды своих граждан и партнеров всё большее количество неевропейцев, вряд ли было бы разумным практиковать антагонизм в отношении потенциальных клиентов с помощью расистской политики, расистских медиа-сообщений, расистского обучения и прочих дискурсивных практик. Если у граждан есть выбор между расистскими и нерасистскими газетами или телеканалами, то мы можем себе представить, что они себе выберут, особенно если они занимают открытую позицию против расизма.

Среда самих журналистов может оказаться недостаточно разнообразной. Этнически миноритарных журналистов, если их вообще берут на работу, принимают в редакции исходя из схожести их взглядов с ценностями владельца или редактора газеты, или предполагая, что они вскоре ассимилируются со своими коллегами, если они заинтересованы сохранить свою работу или приемлемые условия труда. В этом случае мощным стимулом изменения редакционной политики является разнообразие в среде читателей газеты. В целом, бизнес будет стремиться к сокращению дискриминации, если его менеджеры понимают, что о и в области набора квалифицированного персонала, и в сфере удовлетворения потребностей своей аудитории расизм является губительным для бизнеса.

Альянсы и кооперация

КДИ являются более эффективными, если основываются на стратегических альянсах с теми объединениями, некоммерческими государственными организациями, группами меньшинств или институциями, которые включены в борьбу против различных форм социального неравенства вообще и дискурсивной дискриминации в частности, например, против расистского и классового подхода в политике, медиа, образовании и науке. Возможно, это не всё поле деятельности КДИ, но этого вполне достаточно для реализации значительного количества исследовательских проектов, форм кооперации и социального действия.

Что делать?

Резюмируем, что практическая значимость КДИ связывается, главным образом, с подготовкой студентов как критически мыслящих профессионалов, с осуществлением экспертизы для влиятельных международных и любых общественных организаций, а также с разъяснением корпоративным организациям, что любая форма дискурсивной дискриминации в конечном итоге вредит бизнесу.

Представители КДИ могут осуществлять критический анализ учебников и предлагать новые издателям и управляющим структурам в образовании. Они могут вести курсы для журналистов по созданию нерасистских новостей. Они могут проводить мастер-классы для предпринимателей по нерасистскому взаимодействию с клиентами. И многое, многое другое.

В заключение еще раз повторим, что все эти важные практические задачи КДИ могут быть реализованы только при условии проведения большого количества детальных исследований ключевых дискурсных практик, особенно в сфере политики, медиа, образования и науки, то есть исследований символических и дискурсных элит и их повседневных практик и продуктов.

Перевод Е.Кожмякина

ЕГОР ПЕРЕВЕРЗЕВ
egorpereverzev@gmail.com

КРИТИКА КДА: НЕКОТОРЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ КРИТИЧЕСКОГО ДИСКУРС-АНАЛИЗА КАК НАУЧНОГО ПОДХОДА

Научные теории методы и подходы являются предметами активных трансформаций в условиях современного информационного общества. Подобные изменения могут иметь самые различные основания, когда же речь идет о новых научных подходах, претендующих на *междисциплинарность*, *кросс-дисциплинарность* или *трандисциплинарность*, то изменения сами по себе становятся неотъемлемой частью динамичного научного направления. Не стал в этом отношении исключением и Критический дискурс-анализ, который заявил о себе как о новом научно-теоретическом и прикладном направлении еще в начале девяностых годов двадцатого века. Несмотря на то, что на сегодняшний день КДА приобрел сторонников в кругу научных социально-гуманитарных дисциплин, спустя два десятилетия стали видны не только плюсы и перспективы данного направления, но и его недостатки. Говоря о недостатках, целесообразно помнить о сложной структуре современного научно-философского знания, в соответствии с которым критика подхода не всегда есть обвинение его в научной несостоятельности. Речь идет о динамике научной теории, ее становлении, кристаллизации, без которой ни одна наука не смогла бы приобрести качества достоверности, а также прикладной и теоретической ценности. В настоящей работе мы хотели бы обсудить некоторые направления критики современного Критического дискурс-анализа, а также некоторые предельные ограничения КДА, как теоретического и прикладного научного направления.

Среди целого ряда актуальных проблем КДА можно выделить три важных комплекса вопросов, с которыми неизбежно сталкивается любой исследователь, использующий теорию дискурса в своей работе. Условно классифицируем их по трем направлениям: *методология и научная объективность*, *междисциплинарность*, *неравенство*. Рассмотрим данные комплексы проблем более подробно.

КДА и проблема научной объективности

Говоря о проблеме научной объективности сторонников КДА, мы, в первую очередь имеем в виду вопросы, связанные с критической позицией ученых – аналитиков КДА, которые отбирают материал научных исследований, а также формируют методологический инструментарий исследований, заранее ориентируясь на конкретный результат. Исследователь психологического направления в критическом дискурс-анализе Майкл Биллиг отмечает фундаментальную методологическую проблему КДА: «we investigate language and yet at the same time we must use language in order to make our investigations».

(Мы изучаем язык, и, в то же время, сами пользуемся им для своих исследований – *перевод мой* – Е.П. Billig, M. 2008. – P.783-800). В этом случае возникает правомерный вопрос о том, как можно быть уверенным в том, что твой собственный язык не несет на себе отпечаток тех идеологических пропозиций, которые ты сам пытаешься обнаружить в языке других. Гюнтер Кросс замечает по этому поводу: «all signs are equally subject to critical reading, for no sign is innocent». (Все знаки языка равно подлежат критическому анализу, поскольку «нет знаков невинных» - *перевод мой, Е.П.*).

В программной работе «Multidisciplinary CDA: a plea for diversity», один из ключевых теоретиков направления, Тойн Ван Дейк открыто признает: “CDA is biased – and proud of it” (*КДА – предвзятый метод и мы гордимся этим – перевод мой* – Е.П. Wodak, R. Meyer M. 2001. – p.95). Подобный подход, по мнению многих критиков, одновременно дискредитирует КДА как научный метод, и лишает его возможности претендовать на объективность рассматриваемых им комплексных социальных процессов (См. например Billig M. 2000. P. 291-292.).

В качестве примера предположим, что нам необходимо исследовать конструирование взаимоотношений между элитами и некоторыми социальными группами в СМИ. Несмотря на то, что сама постановка вопроса предполагает выяснение того, каким образом элиты закрепляют условия доминирования в СМИ, (одновременно дискредитируя противоположную сторону), фактическое положение вещей в обществе может быть не столь однозначным. Например, в ходе исследования мы можем прийти к выводу о том, что так называемые угнетенные социальные слои различными способами «поддерживают» дискурс своего якобы подавления, и, таким образом, оказывают давление на элиты, добиваясь своих политических целей. Возможно, мы придем и к выводу о том, что существует своего рода «сговор» между элитами и верхушкой подавляемых социальных групп, возможно, выясним, что проблема заключается вообще в постановке вопроса, в особенностях некоторых социальных институтов, в каких-либо иных социальных, исторических или культурных, когнитивных и гносеологических причинах. То есть, в ходе исследования мы можем лишь предполагать, каковы будут его результаты, идти от гипотезы к подтверждению на основе научной методологии. Разумеется, в большинстве случаев КДА имеет дело с острыми социальными проблемами, существование которых не требует специальных доказательств. Было бы излишним доказывать, к примеру, что нелегальные эмигранты являются представителями незащищенных слоев населения и часто представляют собой объект нападков со стороны правых политиков, стремящихся завоевать поддержку радикально настроенных социальных слоев. В этом случае возникает правомерный вопрос о целесообразности исследования того, что нам и так уже известно. Отчасти, в этом заключается слабая сторона КДА – как утверждает Майкл Биллиг – дискурс анализ зачастую приводит нас к результатам, которые нам были известны и без него (Billig M. 2000. P. 291-292.). Несомненно, так и выходит, когда аналитики пытаются продемонстрировать с помощью КДА наличие неких конкретных социальных «гегемонов», упрощая и вульгаризируя теоретические основания дискурс-анализа. Дискурс-анализ, (в том числе и критический), базируется на понимании власти как знания, как дискурса и, в

конечном итоге, как психического феномена, основанного на подчинении субъекта и принятии им особого символического порядка. Подчинение субъекта происходит не на основе прямого принуждения (большинство современных обществ уже перешагнуло данный этап развития), а на основе формирования знания об объективности, «реальности» и неизменности некоторого символического и социального порядка. Субъект, подчиняясь власти интериоризирует ее (посредством семиотических и психических механизмов) как объективное знание о мире, как свое собственное мнение, и иногда даже как бессознательную привычку. КДА в этом случае, может являться качественным научным инструментом, позволяющим «вскрыть» такого рода знания и привычки, продемонстрировать, как дискурс формирует и поддерживает социальное неравенство, как в его глубинных структурах формируются основы расовых, этнических, гендерных, культурных, возрастных и иных предрассудков. Предполагается, что такого рода знания со временем позволят сформировать новую объективность, новые системы знаний, поддерживающие равенство во всех его многообразных формах. Уже сегодня представители смежных с КДА направлений предлагают практические инструменты воздействия на культурные и социальные дискурсы (См. например Shi, Xu. 2005).

В то же время, очевидно, что для КДА как для метода пришло время критического переосмысления своих собственных теоретико-методологических подходов и оснований. Необходимо сформировать ответ на вопрос о том, «может ли научное направление позволить себе формироваться на социальных и политических позициях» (Chilton, P. 2005. – P.19-52).

Речь идет о критике методологии, критике собственного языка, методов репрезентации и аргументации своих положений. Некоторые исследователи, кроме того, настаивают на необходимости большей решительности КДА в отношении требований к конкретным политическим изменениям. Как отмечает, к примеру, Майкл Тулан из Бирмингемского университета, КДА не следует избегать конкретных предложений и требований в отношении возможных способов изменения определенных дискурсов гегемонии и доминирования (Toolan, M. 1997. – P.83-103).

КДА и проблемы междисциплинарности

Еще до того, как КДА сформировался в качестве самостоятельного научного подхода, его основные теоретики активно заявили о необходимости объединения разрозненных гуманитарных наук для решения как научно-академических, теоретических, так и практических социальных проблем. Теоретически, унификация научных подходов стала отчасти возможна за счет того, что к концу восьмидесятых годов XX века категория дискурса внедрилась в качестве основы научных исследований в целый ряд теоретических и прикладных направлений. Уже на раннем этапе исследователем пришлось столкнуться с рядом актуальных вопросов о том какие дисциплины следует включить в единый междисциплинарный комплекс, какова концептуальная модель взаимодействия между данными дисциплинами в рамках совместных

научных исследований, каким образом можно преодолеть разрыв в научных подходах, в эпистемологических позициях, в понимании категории дискурса и т. д. (A new agenda in CDA// ed.by R. Wodak and P. Chilton. 2005. – P.3.).

В той или иной мере данные вопросы удалось решить за счет совместной работы лингвистов, антропологов, психологов, политологов над проблемами связанными с общей тематикой КДА – неравенством, предрассудками, гегемонией, доминированием и т.д. При этом, как правило, конкретная работа выполнялась представителями одного направления, а затем предлагалась для совместного обсуждения исследователям других направлений. Гораздо меньше работ было выполнено междисциплинарными командами ученых, трансдисциплинарный диалог во-многом так и не был достигнут (A new agenda in CDA// ed.by R. Wodak and P. Chilton. 2005. – P.3.). Исследователь Тео Ван Левен выделяет три базовых модели междисциплинарности: «*централистская*», «*плюралистская*», «*интеграционистская*» (Leeuwen van Theo. Three models of interdisciplinarity\\A new agenda in CDA ed. by R.Wodak and P.Chilton. – 2005.P. 3-18).

Централистская модель подразумевает такое взаимоотношение между научными направлениями, при котором каждое из них помещает свои теории методы и центральные предметы исследования в центр условного теоретического универсума. Взаимоотношения между центром и периферией сводится к обмену предметами исследования и иногда методами (как это бывает, например, в междисциплинарных исследованиях с участием социально-гуманитарных и естественных наук). Централистская модель междисциплинарности обладает преимуществами с точки зрения основательности своих методологий. Ее минус заключается в том, что при такой форме организации междисциплинарных исследований, как правило, упускаются из вида элементы, не подпадающие под методологию «ядра» исследований (Leeuwen van Theo. Three models of interdisciplinarity\\A new agenda in CDA ed. by R.Wodak and P.Chilton. – 2005.P. 3-18).

Плюралистская модель междисциплинарности подразумевает объединение дисциплин на условиях взаимного теоретико-методологического равенства. При этом каждая дисциплина рассматривается как самостоятельный элемент взаимодействия (в отличии от централистской модели, при которой «ядро» дисциплины взаимодействует с перифериями соседних дисциплин). Тем не менее, плюралистская модель подразумевает независимость своих элементов, сохранение их формальной научной «идентичности» - речь идет о решении единой научной проблемы методологиями различных отраслей. Типичным примером такой междисциплинарности является междисциплинарная научная конференция, совместный исследовательский проект или совместное издание, посвященное какой-либо общей научной проблеме. По словам Ван Левена, подобная форма междисциплинарного сотрудничества приобрела на сегодняшний день большую популярность. Тем не менее, вопрос о том, насколько плюралистская модель превосходит по эффективности сумму своих составных частей, остается открытым (Leeuwen van Theo. Three models of interdisciplinarity\\A new agenda in CDA ed. by R.Wodak and P.Chilton. – 2005.P. 3-18).

Интеграционистская модель обладает некоторыми принципиальными отличиями от двух предыдущих. Важнейшим из них является принципиальное признание того факта, что ни одна изолированная научная дисциплина не может достичь решения проблемы во всей ее возможной полноте. При таком подходе дисциплины рассматриваются как взаимозависимые, а участники исследования работают над элементами проблемы. Идея научной дисциплины низводится до конкретного набора методологических инструментов, позволяющих наилучшим образом рассмотреть тот или иной аспект проблемы (Там же). Преимуществом такой модели, по мнению Ван Левена, является возможность предельно глубокого и нового рассмотрения научных проблем. Недостатками использования такой модели могут быть методологическая «слабость», дилетантство и эклектизм (Там же). На сегодняшний день мы являемся свидетелями все более глубокой и интенсивной эскалации категории дискурса в междисциплинарном научном пространстве. При этом, парадоксальным образом не достигается важное условие междисциплинарности – фактическая интеграция прикладных методологий для решения исследовательских задач. Вместо этого исследовательское поле дискурса подвергается все большей сегментации в теоретическом пространстве социально-гуманитарных наук (См об этом Переверзев Е. 2008.). Возможные ответы на вопрос о причинах подобной ситуации затрагивают широкий круг как сугубо теоретических проблем, так и сугубо практических или даже политических вопросов. Например, теоретические основания той или иной науки могут попросту исключать возможность принятия соответствующих эпистемологических, онтологических и гносеологических позиций другой науки, по крайней мере, в отношении некоторых существенных элементов. С другой стороны, существует мнение о том, что приход к общим позициям лишает сторонников научного «сегментирования» возможности претендовать на монополию на научные истины, достигая, таким образом, своих политических целей. Наконец, нетривиальным является вопрос о целесообразности объединения разрозненных научных отраслей под эгидой дискурс-анализа. В самом деле, становление наук под эгидой легитимности математического и естественнонаучного знания было обусловлено законами исторического развития знания и являлось процессом во-многом безальтернативным. Не случайно, лингвистический поворот в социально-гуманитарном знании сопровождался сложным процессом методологического «роста» гуманитарных наук, позволившим на сегодняшний день говорить о формировании новой научной онтологии (См. об этом Макаров, М.А. 2003. – С. 16.). С другой стороны, описание двух научных онтологий (Выготского и Ньютона – в терминах М. Макарова) в терминах противостояния и взаимоисключения едва ли может быть продуктивно. Как и в проблеме междисциплинарности, основная задача состоит в создании эффективных рабочих моделей, позволяющих максимально полно использовать потенциал обеих научных парадигм при достижении исследовательских целей. Так или иначе, мы можем констатировать, что вопросы создания эффективных моделей междисциплинарного взаимодействия стоят перед современным обществом необычайно остро. В условиях колоссальных объемов информации становится

практически невозможно сформировать компетентность одновременно в нескольких научных областях. Отсюда – стремление предельно узкой научной специализации исследователей. С другой стороны, решение большинства актуальных современных научных проблем немислимо силами изолированного научного подхода.

КДА и неравенство.

Основу критического дискурс-анализа, его идейный фундамент составляет концепция *критики*. Той Ван Дейк, определяя критические позиции направления, призывает не только фокусировать исследовательское внимание на проблемах роли дискурса в продуцировании социального неравенства, но и становиться на позиции доминируемых групп, поддерживая их борьбу против и угнетения. И хотя большинство теоретиков и практиков этого направления активно стремятся воплощать его революционные идеалы, критическое рассмотрение современного состояния КДА свидетельствует о наличии в нем целого ряда кризисных тенденций.

Во-первых, само философское понимание критики как искусства разбирать, судить исследовать что-либо с целью указания на недостатки, очевидно, имеет западные исторические корни. Принципы современной научной критики формируются в Древних Греции и Риме, развиваются средневековой патристике и схоластике, приобретают свои нынешние черты в философии Канта и Маркса и окончательно формулируются в положениях Франкфуртской Школы (R. Wodak and P. Chilton. 2005. – P.XVI.). Между тем, расширяясь, КДА применяется сегодня в исследованиях социальных проблем в самых различных странах мира. В этой связи, исследователям социальных проблем сообществ, чьи системы знаний формировались на иных основаниях, необходимо обращать внимание на различия в историко-культурных основаниях этих систем. Коренные различия могут находиться в концептах, ценностях, формальных основаниях и иных элементах критических подходов. Между тем, рассматривая «западное» культурное происхождение современных научных парадигм, некоторые исследователи приходят к заключению о постколониальном характере некоторых критических научных подходов. Не избежал подобных обвинений и критический дискурс-анализ (См. например Vhabha, Н.К. 1994.). Действительно, подавляющее большинство работ по критическому дискурс-анализу написано на английском языке, более того, практически все теоретики КДА принадлежат к белой расе и являются выходцами из богатых европейских стран. Как отмечает К. Джерджен «очевидно, что семейство оснований, о котором идет речь (наука, объективность, самость, правда, смысл, мораль и сам дискурс) является продуктом западной культуры последних веков» (Цит. по Shi, Xu. 2005. – P.50). В результате западные концепты, взгляды, понимание, отношение, а также методы анализа и критики доминируют в исследовательском поле КДА. Возникает вопрос в чисто фукианском стиле о характере системы знаний современного мира, при которой некоторые идеи, высказываемые на языке некоторых стран, представителями некоторых рас и национальностей доминируют в информационном (в том числе и научном) пространстве. В то же время сходные, параллельные или оппозиционные идеи «небелого» и не

Европейско-Американского, происхождения не то чтобы замалчиваются и нивелируются, а как бы вообще не существуют. В результате, апологеты КДА могут, не замечая того, являться представителями доминирующей интеллектуальной парадигмы, продвигать американские и западноевропейские неолиберальные ценности, сплошь и рядом отличные от ценностей других культур.

Данная проблема получила в последнее время признание в междисциплинарных научных кругах и стала предметом анализа в основном в сфере постколониальных исследований и культурологического дискурс-анализа (См. например Shi, Xu. 2005; Ngugi, w.-T. 1986; Pennycook, A. 1998.). Каковы возможные пути «деколонизации» КДА и всего научного знания в целом? На этот вопрос, на сегодняшний день нет однозначного ответа. Возможными решениями проблемы могут быть подходы, связанные с исследованием доминирующих «белых», «европейских», «экономически развитых» и т.д. дискурсов непосредственно в самом критическом дискурс-анализе. Междисциплинарное обсуждение и экспликация данной проблематики несомненно позволят скорректировать теоретические подходы, избавиться от колониального шовинизма, сделать первые шаги на пути к более «терпимой» науке, настроенной на межкультурный диалог не с позиции всезнающих и сильных, а с позиции равных участников. Возможно только тогда КДА по-настоящему сможет претендовать на роль «эмансипирующего» научного направления, роль, которую он официально избрал в самом начале своего становления. Между тем на сегодняшний день, теоретики КДА сами отмечают, что научное направление, когда-то стоявшее на левом краю критического течения в современных социально-гуманитарных науках, само неизбежно движется вправо и становится «мэйнстримом», теряя свой социально-критический заряд и утрачивая потенциал для позитивных социальных изменений. Критикуя создавшуюся ситуацию, некоторые исследователи замечают, что КДА сформулировал и активно внедрил свою научную позицию в смежные отрасли. Между тем, его журналы (такие как, например известный “Discourse and Society”) и книги публикуются и распродаются многотысячными тиражами, его ведущие теоретики получают высокооплачиваемые профессорские должности на кафедрах знаменитых университетов. В итоге сфера КДА становится перспективным местом развития активных рыночных отношений. Студенты стремятся публиковать свои работы в ведущих журналах КДА для продвижения академической карьеры, преподаватели публикуют книги и сборники статей, как заметил Майкл Биллиг – «революционное критическое направление становится просто критическим направлением» (Billig M. 2000. P. 292.). КДА теряет свой критический накал.

В качестве вывода к данной работе отметим, что сформировавшийся и широко применяемый в различных отраслях современных социально-гуманитарных наук, критический дискурс-анализ демонстрирует, на сегодня, ряд кризисных черт. Рассматривая проблематику КДА в призме его современных трансформаций, а также в призме его взаимоотношений с другими направлениями междисциплинарной сферы, мы выделяем три комплекса проблем КДА как направления: *методология и научная объективность*,

междисциплинарность, неравенство.

С точки зрения методологии и научной объективности возникает проблема возможности обоснования такого научно-теоретического подхода, который опирается на политические или социальные позиции.

В отношении междисциплинарности важнейшей проблемой является выбор таких моделей междисциплинарного взаимодействия, которые обеспечили бы качественно-новые решения научных проблем, сохраняя, при этом, методологическую фундаментальность, теоретическую глубину и практическую валидность.

Что касается проблемы неравенства, то такая имеет целый ряд аспектов, среди которых проблема постколониальных оснований современного КДА, проблема научной позиции исследователей КДА всегда стоящих «по ту сторону» проблем, которые они исследуют и пытаются решать. Отдельной проблемой является стремительная популярность КДА в междисциплинарной среде, что ведет к коммерциализации этого социально-критического и в общем революционно настроенного направления.

В этой связи очевидно, что то, каким образом КДА подойдет к решению данных проблем, сыграет решающую роль в его будущем развитии и дальнейшем становлении.

Библиография

1. Bhabha, H.K. (1994). *The location of culture*. London: Routledge.
2. Billig, M. (2000). *Towards a critique of the critical*. *Discourse and society*. Vol. 11(3) (pp. 291-292).
3. Billig, M. (2008). *The language of critical discourse analysis: the case of nominalization*. *Discourse and Society*. Vol.19(6) (pp.783-800).
4. Chilton, P. (2005). *Missing links in mainstream CDA*. In R.Wodak & P.Chilton (Eds.), *A new agenda in CDA*. Amsterdam, John Benjamins Publishing Company (pp.19-52).
5. Leeuwen, van Teo (2005). *Three models of interdisciplinarity*. In R.Wodak & P.Chilton (Eds.), *A new agenda in CDA*. Amsterdam, John Benjamins Publishing Company (pp. 3-18).
6. Pennycook, A.. (1998). *English and the discourses of colonialism*. London: Routledge.
7. Shi Xu (2005). *A cultural approach to discourse*. N.Y.: Palgrave Macmillan.
8. Toolan, M. (1997). *What is critical discourse analysis and why are people saying such terrible things about it*. *Language and literature*, Vol.6(2) (pp.83-103). London: Sage.
9. Wodak, R. & Chilton, P. (Eds.) (2005). *A new agenda in CDA*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company.
10. Wodak, R. & Meyer, M. (2001). *Methods of Critical Discourse Analysis*. London: Sage.
11. Макаров, М.А. (2003). *Основы теории дискурса*. М.: Гнозис.
12. Переверзев, Е. (2008). *Социокультурная специфика современного политического дискурса КНР*. Дисс. канд. филос. наук. Белгород: изд-во БелГУ.

ЕГОР ПЕРЕВЕРЗЕВ
egorpereverzev@gmail.com

ДИСКУРСИВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Развитие идей дискурсивной психологии представляется и закономерным и парадоксальным одновременно. Так, несомненно, характерным является тот факт, что идеи дискурса и социальной конструкции человеческого поведения и человеческих убеждений не привели, например, к формированиям дискурсивной философии, социологии или лингвистики. Представляется, что поворот исследовательского внимания к социальной и языковой обусловленности психических феноменов сыграл решающую роль в развитии отрасли психологии, получившей в 80х-90х годах XX века название «дискурсивной». Как отмечает Ром Харре: «Одним из основных своих принципов дискурсивная психология рассматривает познание как совокупность символов и как набор символических инструментов. В этом смысле обыденные языки являются наиболее важными объектами посредством которых возможно исследовать человеческую психику. Дискурсивная психология полагает, что, несмотря на то, что в качестве инструмента, используемого людьми в процессе их деятельности, мозг может быть учтен в исследовании мира личностей, сами личности не могут быть описаны в качестве части мира нейронов и молекулярных процессов...» (Харре, Р. 2005, - с. 18.)

. Дискурсивная психология помещает идею интеракции в центр научно-исследовательского универсума, критически пересматривая принципы когнитивности, категоризации, социальных институтов и т.д. В результате сама психология одновременно рассматривается как интеллектуальное направление, исследующее психологические аспекты интеракции, и как часть социальной интеракции, соотносимая с полем научного, психологического дискурса. Классическая социально-когнитивная парадигма основывается на научном формализованном описании фактических психических состояний, позиционируемых как независимые феномены сознания, для которых язык является лишь инструментом описания. В отличие от нее, дискурсивная психология концентрируется на рассмотрении психических феноменов со стороны участников коммуникативного процесса в целом и интеракций в частности. Дискурсивная психология подчеркивает языковую и коммуникативную природу психических процессов. Она отрицает искусственное разделение языка и психических процессов, предлагая взамен интегративный холистический подход. Теоретики дискурсивной психологии отрицают эффективность разделения пространства психологии на психику индивидов с наличествующими феноменами и исследователя с его научным опытом и набором методологических инструментов. Подобное разделение рассматривается, как результат картезианского разделения сознания и тела в философии (Parker, I. 2005, P.4). Взамен, дискурсивная психология предлагает принципы коммуникативного, динамичного языкового конструирования психики в процессе социальных интеракций. Социально-когнитивная

психология формирует свои принципы и взгляды в соответствии с физикалистскими принципами, на основе которых она постепенно выделилась в самостоятельную науку из пространства естественных наук. Если рассмотреть историю концептуализации феноменов, с которыми работает когнитивная психология (восприятие, концепты, память, мышление и т.д.), выясняется, что конституирующие элементы этих феноменов формировались на протяжении длительного отрезка времени, и в разные времена воспринимались, оценивались и категоризировались по-разному (См. например Фуко, М. 1997).

И сегодня психические феномены во-многом рассматриваются как теоретические конструкты, - далеко не всегда удается найти для них четкие соответствия в структурах мозга и его химических, электрических и информационных процессах. Связь между структурами психики и структурами мозга во-многом остается произвольной. В качестве примера можно рассмотреть феномен личного опыта. Что значит для человека переживание от наблюдения какого-либо конкретного цвета, ощущение вкуса, восприятие звука? Возможно ли передать это ощущение с помощью формирования сколь угодно полных знаний о частоте, спектре, атомах и т.д.? Совокупность нынешних знаний о психических явлениях и процессах не дает возможности объяснения существования представления о собственном «Я», наличия личного опыта и т.д. В достаточной мере, трудно предполагать, какой будет психология будущего, когда ученым удастся пролить свет на эти и многие другие релевантные вопросы (Horgan, J. 2003.).

Дискурсивная психология формируется не как альтернативная наука, отрицающая достижения социально-когнитивной науки, а, скорее, как реакция на развитие коммуникативных теорий в ходе языкового и дискурсивного поворотов в социально-гуманитарных науках. Опираясь на принципы практичности, объяснимости, ситуативности, воплощенности и отраженности, она стремится вовлекать психологию в процессы саморефлексии, критиковать слабые места современной психологической теории, что в конечном итоге направлено на развитие качественного психологического знания в современном мире. Рассмотрим указанные принципы более подробно. Дискурсивная психология ориентирована на социальную практику как ключевой элемент формирования и изменения психологических феноменов. Мы, например, можем рассматривать, как описание психологических, материальных и социальных объектов изменяется в процессах вовлечения конкретных описаний в социальные практики, связанные с обвинениями, приглашениями, дополнениями и т.д. (Potter, J. 2005. – P.740).

Подобная концентрация на практике отличает дискурсивную психологию от традиционного социально-когнитивного подхода, изучающего восприятие, переработку информации, понимание и т.д. Предполагается, также, что практики самой психологии с необходимостью должны рассматриваться критически, поскольку практики разных видов формируют у их участников различное поведение, помещают их в рамки определенных дискурсов (например, дискурс психологического интервью или группового тренинга), предопределяя не только поведение участников, но и их речевой дискурс.

Ситуативность дискурсивно-психологического исследования раскрывается в

трех основных плоскостях. Во-первых, психические феномены не рассматриваются изолированно от процессов интеракции, в которых они проявляются. Во-вторых, речь идет о ситуативной риторике, на основе которой, так или иначе, раскрываются психические объекты и категории. В-третьих, ситуативность формируется институционально. Институциональные дискурсы формируют идентичности неразрывно связанные с ключевыми проблемами этих дискурсов (например, проблема распределения власти в политике или проблема легитимности в правовом дискурсе). Более подробно Задачей психолога является выяснение, того, как ситуативные элементы оказывают воздействие на психические феномены и процессы, формируют и изменяют их в рамках конкретных коммуникативных ситуаций. Принцип ситуативности в дискурсивной психологии неразрывно связан с принципом конструирования и воплощения психических объектов теле субъекта (ср. принцип «власти в теле» у Фуко) посредством определенного порядка «развертывания» дискурса. Изучение процессов интеракции (конверсационный анализ, исследование записей интервью) позволяет выяснить, как психические объекты «привязаны» к законам развертывания дискурсов в процессах интеракции. Иными словами – как формируется идентичность субъекта со всем множеством ее психических составляющих в процессе ситуативной реализации тех или иных дискурсов.

Дискурсивная психология отрицает принципы внутренней психики субъекта, при которой язык служит лишь инструментом передачи некоторых разделяемых смыслов, формируемых языковой компетенцией. Вместо этого, психика рассматривается, как нечто, реализуемое в процессах коммуникации в социальном поле. Как отмечает Дж. Поттер, в своих воззрениях дискурсивная психология опирается на критику идеи частного языка (поздний Л. Витгенштейн), социологию сознания Дж. Култера, а также интеракционизм Х. Сакса (Там же, с. 742). Психические феномены, следовательно, рассматриваются не как изолированные единства за пределами языка, а как элементы воплощенные и реализуемые в самом языке, неотрывном от субъекта, погруженного в пространство социальной коммуникации. Действия субъекта в данном пространстве рассматриваются не с точки зрения когнитивных состояний или процессов, а с точки зрения самого языка в структуре интеракции, детерминированной развертыванием ситуационных дискурсов.

Принципы дискурсивной психологии

Рассматривая теоретические принципы дискурсивной психологии, Джонатан Поттер выделяет три ключевых элемента: действие, ситуативность и конструктивность. Рассмотрим эти принципы подробнее. Определяя дискурс как важнейший элемент социальных действий и интеракций, дискурсивные психологи подчеркивают диалектику между социальными практиками с одной стороны и дискурсом с другой. По сути, невозможно отделить язык и дискурс от социального действия, поскольку социальное действие приобретает смысл только в системе разделяемых социальных знаний, трансформирующихся и генерирующихся посредством дискурса. Иными словами дискурс является основой любого осмысленного социального действия и воплощается в

социальных практиках – культурно и исторически трансформируемых социальных действиях, смысл и суть которых воплощена в определенных дискурсах. В качестве примера подобной связи социальной практики и дискурса рассмотрим ситуацию приветствия в армии. Воспитанный призывник, обращаясь в военкомате к офицеру, говорит «здравствуйте» или «извините, пожалуйста». В ответ на это вежливое, распространенное в гражданской среде обращение, офицер почти наверняка поправит новобранца, указав, что в военной среде принято говорить «разрешите обратиться», «здравия желаю» и т.д. Ситуация не меняется – в обоих случаях перед нами человек, к которому необходимо обратиться, однако в случае обычной встречи на улице участники находятся в обычном гражданском контексте, нормы которого определяются дискурсами определенной культуры. В случае обращения к офицеру в военкомате оба участника находятся в ситуации, где правила отношений между участниками коммуникации определяются нормами военного дискурса. В дальнейшем призывник «погружается» в военный дискурс, принимает его нормы и формирует социальные практики в соответствии с его требованиями – т.е. будет обращаться к старшему по званию в соответствии с нормами военного дискурса.

Принцип ситуативности дискурсивной психологии реализуется в трех коммуникативных плоскостях. Во-первых, дискурс последовательно ситуативен. Имеется в виду, что предыдущая фраза, сказанная в рамках какого-либо дискурса формирует контекст фразы, произносимой сейчас, а также может определять содержание фразы, которая последует за произносимой. Разумеется, речь не идет о детерминированности содержания фраз – дискурс не имеет строго принудительного характера, но при этом каждый дискурс обладает особым порядком развертывания, являясь репертуаром интерпретаций – некоторым набором возможных фраз, которые могут быть сказаны в определенной ситуации в рамках данного дискурса. В качестве примера возьмем юридический дискурс. Допустим, в ходе судебного разбирательства слово предоставляется адвокату. В рамках юридического дискурса, разворачивающегося в данном конкретном ситуативном контексте крайне маловероятна ситуация, при которой адвокат произнесет следующую фразу: «Уважаемый судья, уважаемые собравшиеся, вы не представляете, какого сома я поймал вчера на лягушку...» Фраза, сказанная судьей, «слово предоставляется...», во-многом определяет набор возможных фраз, которые адвокат произносит в данный момент речи и которые последуют далее. Любопытно, что идеи ситуативности в языке разрабатывались не только дискурсивной психологией. Бихевиоризм впервые предложил взгляд на функционирование языка с точки зрения принципа связи «стимул-реакция». В рамках такого подхода предложение рассматривалось как набор пар «стимул-реакция», где каждый ответ стимулирует развитие последовательности новых ответов (Cognitive Psychology. 2005. – P.12).

Во-вторых, дискурс ситуативен институционально. Например, в рамках дискурса СМИ, интервьюируемый и интервьюирующий приобретают новые институциональные идентичности, каждая из которых подразумевает определенное поведение в контексте интервью. В этой ситуации

институциональная идентичность не позволяет интервьюируемому не сказать интервьюирующему: «а позвольте спросить, где вы приобрели такие замечательные красные ботинки?» Подобная фраза, как правило, потребует выхода за пределы дискурса: «а давайте сменим тему» или «я сейчас задам вопрос не связанный с темой нашего разговора» и т.д.

В-третьих, дискурс ситуативен риторически. В качестве примера можно привести описание китайского города голландским журналистом из книги «Культурологический подход к дискурсу» Ши Сиу. В описании журналист сравнивает провинциальный китайский городок с Лондоном в рассказах Ч. Диккенса: серость, дым, грязь. Несмотря на то, что риторическая форма описания содержит формы литературного дискурса, фактически речь идет о дискурсе СМИ, в рамках которого описание одного места проецируется на целую страну (в данном случае Китай), которая позиционируется как грязная, серая и отсталая (Shi, Xu. 2005. P.120).

Идея конструктивности в дискурсивной психологии подразумевает главным образом то, что дискурс одновременно является и результатом конструирования и инструментом конструирования социальной реальности.

В первом случае, очевидно, что реализуемые в дискурсе системы знаний (правдивость, легитимность, разумность, право голоса и т.д.) являются производными более широкого культурно-исторического процесса. Так, например наличие у говорящего научного звания значительно «добавляет веса» его словам, мнение старших (особенно на востоке) ценится гораздо выше мнения младших – все это признаки функционирования определенных дискурсов. Подобные дискурсы формируются в ходе историко-культурного процесса и представляют собой гетерогенные структуры. Они подвергаются различного рода детерминациям и воздействиям и при этом активно конструируют социальную реальность определенным образом.

Представляя собою оппозиционное научное направление, дискурсивная психология наилучшим образом обретает свой предмет в споре со многими течениями в гуманитарных науках и в первую очередь с когнитивизмом. В отличие от когнитивизма, изучающего процессы восприятия, хранения и переработки информации, дискурсивная психология рассматривает индивидуума как гибкий дискурсивный конструкт, постоянно трансформирующийся в ходе социального взаимодействия (Potter, J., Wetherel, M. 1995.).

Уже на ранних этапах развития, когнитивная отрасль психологии была подвергнута критике за редукционизм психических феноменов к сугубо когнитивным процессам. Все множество психических феноменов конституирующих человека, его сознание и социальное поведение в контексте когнитивной науки рассматривается с точки зрения когнитивных внутренних процессов восприятия, переработки и хранения информации. Очевидно, что подобный подход позволил не только разработать эффективные модели человеческого восприятия и памяти, но и сформировать новые, отличные от бихевиористских, идеи, связанные с изучением внутреннего мира детей и взрослых, различия когнитивных структур у людей разных культур и разных социальных групп. Когнитивная психология, вкупе с когнитивной

лингвистикой и нейробиологией сформировала передовые идеи о функциях мозга, информационных процессах в мозге, а также положила начало современным естественно научным исследованиям в области человеческого сознания с точки зрения так называемых «простой» и «сложной» проблем (Roth G. 2003, pp. 33-39).

Тем не менее, когнитивная психология с ее идеями методологического редукционизма обусловила невозможность получения ответов на вопросы о психической природе и диалектике языка и поведения, дискурса и власти в ее фукианской трактовке. Когнитивная психология не отвечает на вопросы о том, каким образом формируется то или иное мнение. Например, каким образом откровенно насильственные действия учителя, направленные на подавление учеников позиционируются как необходимые и даже социально-полезные. Каким образом мнения сторонников глобализации – сотрудников крупных корпораций, политиков и ученых позиционируются как «здравые», «взвешенные», «разумные», при этом противники глобализации позиционируются как неряшливо одетая, грязная толпа преимущественно молодых маргиналов, громящих магазины и вообще не имеющих никаких вразумительных идей и т.д. Очевидно, что последние вопросы подразумевают фокусирование исследования на определенных формах интеракции и уходе от рассмотрения когнитивных составляющих тех или иных социальных феноменов.

Основаниями развития концепций социокультурных идентичностей в рамках дискурсивной психологии послужили идеи М.М. Бахтина о принципиальной диалогичности сознания (Бахтин, М.М. 1979; Бахтин, М.М. 1995.) что «психологические состояния есть социальные действия, а не сущности за пределами слов» (Витгенштейн, Л. 1994. – С. 68.).

Идентичность в дискурсивной психологии представляет собою результат позиционирования субъекта в дискурсе. Дискурс же рассматривается прежде всего как контекстуально связанное употребление языка. При этом принципиальной представляется идея о том, что «дискурсы не отражают какой-то абстрактный внешний мир, находящийся «вне» или «за пределами» человека, как это делают схемы и стереотипы в когнитивистском подходе. Скорее, дискурсы создают мир, который выглядит реальным или истинным для говорящего субъекта» (Филлипс, Л., Йоргенсен, М.В. 2004. – С. 163.). Описывая подходы к дискурсу в дискурсивной психологии, скандинавские исследователи М. Йоргенсен и Л. Филлипс трактуют его в терминах способности конструирования проживаемой нами реальности. Теоретики дискурсивной психологии Поттер и Уэзерелл рассматривают дискурс как «репертуар интерпретации». Последнее понятие вводится с целью выделить особую динамическую изменчивую природу дискурса.

Исследователь М. Макаров выделяет ряд базовых пунктов дискурсивной исследовательской парадигмы, принятой за основу теоретиками дискурсивной психологии. В качестве материала дискурс-анализа социальная психология рассматривает институционализированные письменные тексты, а также транскрибированные устные беседы. Анализ при этом предполагает широкий охват социально-коммуникативной проблематики. Социальная организация

коммуникативных процессов представляет собой основной предмет исследования, превалирующий над формально-лингвистическими структурными особенностями дискурса; исследовательское внимание сосредотачивается на знаково-символическом взаимодействии. Коммуникация при этом рассматривается преимущественно как социальное действие. Отдельным важным пунктом представляется тенденция использования теории дискурса для решения исследовательских задач когнитивного характера. Как отмечает Макаров, «дискурс-анализ (в отрасли дискурсивной психологии – Е.П.) все более явно приобретает когнитивную направленность, стремясь посредством изучения речи решать вопросы о соотношении и взаимодействии внутренних и внешних миров человека, бытия и мышления, индивидуального и социального» (Макаров, М.А. 2004. – С. 80).

Еще в середине двадцатого века, Ж. Лакан, развивая и одновременно трансформируя идеи З. Фрейда, предложил концепцию структурированности языка по образу бессознательного. Связь индивида с социумом происходит одновременно с принятием интегрированного в языке символического порядка. В процессе символической компенсации, происходящем на позднем этапе «стадии зеркала» индивид получает, по Лакану, право участия в социальном процессе за счет разделения языка, взамен, подчиняясь его властным ресурсам (Лакан, Ж. 1995.).

По мнению Луи Альтюссера, наличие идеологически сформированных когнитивных структур создает саму возможность реализации власти в обществе. Индивид, попадая в определенный социальный контекст, неосознанно «отзывается» на интегрированные в дискурсе властно-идеологические индикаторы. Данный процесс, именуемый Альтюссером «интерпелляцией», позволяет дискурсу включать инкорпорированные когнитивные структуры власти, вовлекая субъекта в отношения доминирования – подчинения в обществе. Примером интерпелляции может быть повестка в суд, окрик милиционера на улице, предоставление служебного удостоверения, требование предъявить документы и т.д. В такой ситуации субъект, как правило, реагирует автоматически, превращаясь в терминах Альтюссера из индивида в подданного (См. об этом: Althusser, L. 1996. – P. 34.).

Голландский ученый – исследователь дискурса Тойн Ван Дейк одним из первых сформировал когнитивную позицию в дискурсно-аналитической теории. Одна из идей его Теоретического подхода заключается в предполагаемом наличии соответствия между структурами дискурса и когнитивными структурами мышления. Данное соответствие делает возможным «узнавание» индивидом дискурсных структур, а также последовательное вовлечение индивида в системы социально разделяемых и трансформируемых смыслов. Ситуация когда дискурс «говорит» субъектом, возможна только при условии глубокой интегрированности структур дискурса в когнитивные структуры мышления. Примером наиболее глубокой инкорпорированности подобных структур является так называемый габитус – системы культурно-разделяемых неосознанных действий индивидов, проявляющиеся в форме жизненных привычек, неосознанно выполняемых действий и выражений (например фразы «спасибо», «извините», «разрешите», «здравствуйте» и т.д.)

Модель анализа в дискурсивной психологии.

Рассмотрим концептуальную модель дискурсивно-психологического анализа, предлагаемую в статье Джонатана Поттера «Дискурс-анализ и дискурсивная психология» (Potter, J. Discourse analysis and discursive psychology // P.M. Camic, J.E. Rhodes and L. Yardley, eds. 2003. PP.73–94.).

1. Формирование гипотезы.

В отличие от других направлений психологии, дискурсивная психология не ориентирована на формирование гипотезы в самом начале исследования. Как правило, исследователи рассматривают аналитический материал с точки зрения широкой психологической, социальной, культурной и иной проблематики. В этой связи важным начальным этапом исследования становится фокусировка научных проблем исследования, движение от общей проблематики к конкретным вопросам, связанным с данным эмпирическим материалом. По мнению Д. Поттера, формирование гипотезы не является задачей априорной, но происходит параллельно с обработкой фактического материала, его «прочтением» и транскрибированием. На данном этапе целесообразно проведение групповых обсуждений элементов интеракции, а также одновременное аналитическое комментирование транскрибируемого текста.

2. Кодирование: формирование корпуса исследовательского материала.

Исследователи дискурса, как правило, сталкиваются с проблемой колоссального объема исследовательского материала. Как отмечает Тойн Ван Дейк, зачастую один короткий отрезок требует многих дней аналитической описательной работы. Когда же речь идет о необходимости анализа относительно большого отрезка дискурса (например дискурс печатных СМИ за 1 год), задача становится почти нереализуемой в сжатых временных рамках. Дискурсивная психология прибегает к методу кодирования для редукции исследовательского материала, формируя корпус наиболее релевантных для исследования элементов. Как правило подобная редукция включает в себя поиск и выделение в текстах, аудио и видеозаписях элементов, наиболее релевантных для целей исследования, формирование исследовательского архива. С одной стороны, кодирование материала является очередной ступенью дискурсно-психологического исследования. С другой стороны, модель ДП предполагает, что при необходимости исследователь должен возвращаться к более ранним ступеням и повторять пройденные этапы. Кодирование является элементом, возвращаться к которому целесообразно по мере формирования исследовательских задач и гипотез. Гибкость исследовательской модели в ДП, необходимость систематической реверсии, возврата к первичному материалу, уточнение и фокусировка гипотез и методов исследования являются характерными чертами дискурсно-психологического исследования.

3. Анализ корпуса исследовательского материала.

В отличие от естественно-научной исследовательской парадигмы, элементы которой глубоко интегрированы не только в количественные, но и в качественные исследования в социально-гуманитарных науках, психологический анализ дискурса не предполагает наличие жесткой пошаговой аналитической стратегии. Связано это в первую очередь со спецификой объекта исследования – феноменами человеческой психики в системе

социальной коммуникации. Учитывая сложную природу исследуемого явления, анализ представляется более искусством, нежели фиксированным сводом правил. Освоение этого искусства возможно, по мнению Поттера, посредством изучения материалов дискурсных исследований и постепенной экстраполяции соответствующих дедуктивных, индуктивных и иных исследовательских принципов на фактический материал. Предполагается, что на начальном этапе анализа исследователь выясняет, может ли анализируемый материал быть соотнесен с какими-либо институциональными, ситуативными или риторическими структурами, образующими образцы социального поведения. В зависимости от возможности подобной типизации формируется дальнейшая стратегия исследования. Последовательность организации коммуникации (т.е. следование участников правилам разворачивания дискурса) рассматривается как индикатор девиантности коммуникации. Отклонения от принципа линейной последовательности должны рассматриваться с особо пристальным вниманием, а также соотноситься с проблематикой анализа и исследовательскими гипотезами. Полезным может быть привлечение сходного материала (допустим, исследуя материал интервью при принятии на работу, целесообразно привлечь сходный материал из другой компании, отрасли, страны, культуры, времени).

4. Проверка достоверности анализа.

Проверка достоверности анализа включает в себя рекурсивное исследование по двум основным направлениям. Так, с одной стороны от исследователя требуется возврат к исследовательскому материалу, пересмотр рабочих гипотез, анализ адекватности материала с точки зрения последовательности коммуникативных интеракций, наличия отклонений, альтернативных сценариев и любых неожиданных поворотов анализируемых текстов интеракций. Важнейшим элементом первого направления является также наличие или отсутствие связности в «узловых» моментах коммуникации, связки, переходы, смены ролей участников интеракции и т.д. Второе направление проверки достоверности анализа представляет собой критическую оценку самой исследовательской работы и, в первую очередь – критику прочтения кодированных текстов корпуса исследовательских материалов. В этой связи важно, чтобы элементы анализа были соотнесены с конкретным эмпирическим материалом, что делает дискурс-анализ прозрачным и открытым для критической оценки, как со стороны самих исследователей, так и со стороны будущих читателей. Исследование должно быть открыто для критического анализа со стороны читателей, разумеется, само по себе это не является гарантом его валидности, однако позволяет оценить не только теоретический уровень, но и отношение аналитика к предмету дискурс-анализа.

В качестве заключения к данной части работы отметим, что дискурсивная психология развивается в период 80х – 90х годов XX века и формируется на основе пересмотра принципиальных идей когнитивной и социальной психологии. Причиной кардинального поворота в методологии науки, послужившей возникновению дискурсивной психологии, стал дискурсивный поворот и развитие идей дискурс-анализа в социально-гуманитарной сфере. Дискурсивная психология напрямую заимствует методологию дискурс-анализа (в первую очередь критического) и определяет дискурс как репертуар

интерпретаций – т.е. как совокупность наборов возможных последовательностей высказываний в конкретных ситуативных, временных, культурных и институциональных рамках. Психика субъекта рассматривается не как совокупность изолированных когнитивных феноменов (сознание, мышление, восприятие, память и т.д.), а как сложное единство динамичных языковых конструкторов, приобретающих значение в процессах интеракции в рамках определенных дискурсов. Сам субъект мыслится не как сущность изолированных внутренних процессов, для которого язык является лишь средством передачи неких разделяемых смыслов; дискурсивная психология рассматривает субъекта через призму языка, дискурса и социальной практики. Субъект в дискурсивной психологии конструирует объекты своей идентичности в динамичных процессах социальной интеракции. Соответственно, наука, претендующая на изучение субъекта должна учитывать, прежде всего, роль языка, коммуникации, дискурсов и социальных практик в конструировании объектов индивидуальной психики.

НЕЛЬСОН ФИЛЛИПС, СИНТИЯ ХАРДИ

ЧТО ТАКОЕ ДИСКУРС-АНАЛИЗ?

Phillips, Nelson & Hardy, Cynthia. (2002) What Is Discourse Analysis? In N.Phillips and C.Hardy *Discourse Analysis: Investigating Processes Of Social Construction*. Thousand Oaks, CA: Sage. PP. 1-18.

«Её знание обо мне было настолько глубоким, её понимание меня было настолько точным, что оно скрепляло всё богатство моих идентичностей. Чтобы не сойти с ума, мы выбираем между различными, противоречивыми описаниями своего Я; и я выбрал её описание. Я принял имя, которое она дала мне, её критику и любовь, и я назвал этот дискурс самим собой»

*Salman Rushdie, The ground beneath her feet
(2000, p.510)*

Перевод эпиграфа Е.Кожмякина.

Эта книга – о дискурсе. Точнее, она о способности незавершенных, неоднозначных и противоречивых дискурсов производить социальную действительность, которую мы воспринимаем как надежную и реальную. Мы понимаем дискурс в радикальном, конститутивном ключе – в духе Рунди: объекты, составляющие социальный мир, включая наши идентичности, формируются в дискурсе. Иными словами, то, что мы говорим, и то, чем мы являемся, суть одно и то же. Однако мы не склонны разделять идею Рунди о том, что индивиды всегда обладают роскошью выбора своей идентичности, истины и реальности. Мы полагаем, что наш опыт в значительной степени предопределен множеством конфликтующих дискурсов, частью которых являемся и мы сами. Это не означает, что стратегически мы не можем сами оперировать дискурсами. Конечно, можем. Но наша способность стратегически действовать всегда ограничена дискурсами, сопровождающими наши действия, и сложными процессами социального конструирования, предшествующими им. Нашу трактовку дискурса можно сформулировать следующим образом: без дискурса не существует социальной реальности, и не поняв дискурс, мы не можем понять реальность, опыт и нас самих.

Признание важности роли дискурса в повседневной жизни – это наша отправная точка. Эта книга также о процессе изучения дискурса и о потенциале дискурсной методологии для раскрытия процессов социального конструирования, конституирующих социальную и организационную жизнь. Дискурс-анализ предлагает новые возможности эмпирических исследований, которые сформировались в рамках лингвистического поворота за последние 20 лет в социальных и гуманитарных науках. В то время, как иные качественные методы располагают хорошо разработанными подходами к интерпретации социальной реальности и смыслов, которые содержатся в ней, дискурс-анализ идет несколько дальше, охватывая сферу последовательной социально-

конструктивистской эпистемологии (Berger and Luckmann, 1967; Gergen, 1999). Он обращает внимание на процессы, в которых и с помощью которых конструируется и поддерживается социальная реальность. Он также включает в себя академический проект как таковой: акцентируя рефлексивность, он как бы напоминает читателям, что, используя язык, производя тексты и выстраивая дискурсы, исследователи и исследовательские группы являются частью конструктивных эффектов дискурса.

Эта книга была написана по трем причинам. Во-первых, мы находим дискурс-анализ перспективной теоретической базой изучения социальной реальности. Наша книга представляет собой попытку прояснения того вклада, который дискурс-анализ вносит в изучение индивидов, организаций и общества. Во-вторых, дискурс-анализ проявил себя как достаточно эффективный метод в ряде эмпирических дисциплин, которые активно используют его на протяжении последних 10 лет. Мы хотим заинтересовать исследователей в применении этого подхода и надеемся, что наш обзор поспособствует этому. В-третьих, мы приложили немало усилий в последние 10 лет к тому, что применить дискурс-анализ к различным исследовательским контекстам. В этой книге мы хотели бы предостеречь других исследователей от столкновения с теми трудностями, с которыми столкнулись мы. Предлагая общую схему понимания различных форм дискурс-анализа и применяя ее к эмпирическому изучению организационных, интерорганизационных и социетальных феноменов, мы хотим предостеречь исследователей от «изобретения велосипеда».

1. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ДИСКУРС-АНАЛИЗА

В литературе встречается большое количество определений дискурса и дискурс-анализа. Так, ван Дейк во введении к 700-страничному двухтомному изданию о дискурсе (1997a, 1997b) утверждает, что вся работа представляет собой «развернутый ответ» на казалось бы простой вопрос «Что такое дискурс?». Несмотря на сложность поставленной задачи, нам, тем не менее, нужна некая общая идея того, к чему мы обращаемся, используя «дискурс-анализ» и связанные с ним термины. Мы также должны различать дискурс-анализ и прочие количественные методы, объясняющие смысл социальных феноменов. В этом разделе мы рассматриваем некоторые из важных понятий, связанных с дискурс-анализом. Мы также рассматриваем статус дискурс-анализа как, скорее, методологию, нежели метод – то есть как эпистемологию, объясняющую способы познания социального мира, а также как систему методов, необходимых для изучения этого. Итак, мы ограничиваем дискурс-анализ от иных качественных исследовательских методов, таких как этнографические (Erickson & Stull, 1997; Schwartzmann, 1993), этнометодологические (Coulon, 1995), конверсационный анализ (Psathas, 1995), нарративный анализ (Czarniawska, 1998; Riessmann, 1993).

Определение основных понятий

В самом общем смысле дискурс имеет отношение к актуальным практикам говорения и письма (Woodilla, 1998). Мы используем этот термин более специфически: мы определяем дискурс как взаимосвязанный набор текстов, а также практик их производства, распределения и рецепции, что в совокупности формирует объекты (Parker, 1992). Например, совокупность текстов различного вида, которые составляли дискурс психиатрии, перевела идею бессознательного в ранг реальных объектов в XIX веке (Foucault, 1965). Иными словами, социальная реальность производится и становится реальной в рамках дискурсов, а социальные взаимодействия не могут быть полностью поняты без отнесения к дискурсам, в которых формируются их значения. Так, наша задача как дискурс-аналитиков – изучить связь между дискурсом и реальностью.

Дискурсы реализуются с помощью различных текстов, хотя они существуют вне конкретных текстов, которые их составляют. Тексты, таким образом, могут рассматриваться как дискурсные «единства» и материальные воплощения дискурса (Chalaby, 1996). Тексты могут приобретать различные формы, включая письменные тексты, устные слова, изображения, символы, артефакты и т.д. (Grant, Keenoy & Oswick, 1998).

«Тексты представляют собой места проявления комплексов социальных значений произведенные в конкретной исторической ситуации, которые фиксируют фрагментарные истории как участников производства текста, так и институций, вовлеченных в игру, фрагментарные истории как языка, так и социальной системы, и эта фрагментарность связана с структурированием отношений власти между участниками» (Kress, 1995).

Тексты не обладают смыслами сами по себе; они приобретают смысл только в процессе взаимодействия с другими текстами, дискурсами, с которыми они связаны, способами их производства, «рассеивания» и потребления. Дискурс-анализ направлен на изучение того, как тексты *приобретают* значение в этих процессах, а также их роли в конструировании социальной реальности в процессе создания значений (Phillips & Brown, 1993).

Итак, дискурс-анализ направлен на изучение конструктивных эффектов дискурса в рамках структурированного и систематического исследования текстов (Hardy, 2001). Тем не менее, дискурсные практики осуществляются не в вакууме, а дискурсы не «обладают» значениями. Напротив, дискурсы коллективно разделяемы и социальны, рождаясь из взаимодействия между социальными группами и сложными социетальными структурами, в которые интегрированы дискурсы. Соответственно, если мы хотим понять дискурс и его эффекты, мы должны также понять контекст, в котором он возникает (Scherzer, 1987; Van Dijk, 1997a).

«Дискурс не может быть произведен вне контекста и не может быть понят без рассмотрения контекста...Одни дискурсы всегда связаны с другими, ранее произведенными дискурсами, а также с теми, которые производятся в тот же момент и будут произведены после» (Fairclough & Wodak,

Таким образом, наш подход к изучению дискурса является «трехаспектным» (Fairclough, 1992), в том смысле, что он направлен на анализ текстов в рамках дискурсов, локализуя их в историческом и социальном контексте, в связи с чем мы вынуждены прибегать к изучению конкретных акторов, отношений и практик, характеризующих предмет исследования.

Рассмотрим конкретный пример. Для того, чтобы с дискурс-аналитической точки зрения понять, почему конкретный человек является беженцем, мы должны понять как такие дискурсы убежища, иммиграции, гуманитаризма, суверенитета и другие способствуют наделению понятия «беженец» определенными значениями. Чтобы понять, как эти дискурсы эволюционировали в течение времени, мы можем рассмотреть такие тексты, как мультипликационные фильмы, газетные статьи и международные конвенции. Мы должны также изучить социальный контекст – войны, природные катастрофы, судебные решения, международные соглашения, современное правительство, политические события в других странах – для того, чтобы определить степень их вовлеченности в изучаемые дискурсные события. Это взаимодействие между текстом, дискурсом и контекстом поможет нам понять не только то, как конкретный человек стал беженцем, но и как конструируется и переживается более широкая реальность миграционной политики и процедур установления статуса беженца.

В целом, интерес к связи между дискурсом и социальной реальностью обязывает нас изучать конкретные тексты как проявления дискурсов, но мы не можем найти дискурсы в самих – отдельно взятых – текстах. Стало быть, мы должны изучать совокупности текстов, которые интегрируют и производят дискурсы (Parker, 1992). Мы не можем просто фокусировать наше внимание на одном тексте; напротив, мы должны анализировать комплексы текстов, поскольку речь идет о связи между текстами, изменениях в текстах, новых текстуальных формах, новых системах распространения текстов, что в целом конституирует дискурс во времени. Равным образом, мы должны учитывать социальный контекст, в котором существуют тексты и производятся дискурсы. Именно изучение связи между дискурсами и конституируемой ими социальной реальностью делает дискурс-анализ сильным методом исследования социальных феноменов.

Дискурс-анализ как метод и методология

Причина попыток дискурс-аналитиков связать текст, дискурс и контекст связана с тем, что дискурс-анализ представляет собой не столько метод, сколько методологию, базирующуюся на прочной социально-конструктивистской точке зрения на социальную реальность (Gergen, 1999). Дискурс-аналитические подходы разделяют интерес к конструктивным эффектам языка и являются рефлексивными – а также интерпретативными – способами анализа (Parker & Burman, 1993). В этом смысле дискурс-анализ не просто представляет собой комплекс техник структурированного качественного исследования текстов; он базируется на ряде допущений о конструктивных эффектах языка.

«(Дискурс-анализ) не является просто методом; он представляет собой подход к изучению природы языка в связи с центральными концептами социальных наук. Точнее, мы рассматриваем дискурс-анализ как совокупность взаимосвязанных подходов к изучению дискурса – подходов, которые предполагают не только практики сбора и обработки информации, но и ряд метатеоретических и теоретических допущений, а также систему принципов и методов исследования» (Wood & Kroger, 2000, p.X.).

Дискурс-анализ разделяет интерес всех качественных подходов к процессам означивания социальной жизни (Winch, 1958), но он также направлен на более глубокое изучение неоднозначного статуса значения. Традиционные качественные подходы часто принимают социальный мир как само собой разумеющийся и направлены на выявление смысла этого мира для участников. Дискурс-анализ, в свою очередь, связан с попытками изучения того, как создаются социально произведенные идеи и объекты, составляющие социальный мир, и как они поддерживаются и актуализируются во временном аспекте. В то время как другие качественные методологии работают на понимание и интерпретацию социальной реальности как данности, дискурс-анализ направлен на изучение способов ее производства. В этом заключается основная задача дискурс-анализа: он изучает, как язык конструирует феномены, а не как он отражает или раскрывает их. Иными словами, в дискурс-анализе принято рассматривать дискурс как конститутив социального мира, а не путь к нему, и исходить из того, что мир не может быть познан независимо от познания дискурса.

Итак, то, что принципиально отличает дискурс-анализ, - это его прочные связи с социально-конструктивистской точкой зрения, а также то, как он ориентирован на изучение связей между текстом, дискурсом и контекстом. Несмотря на то, что исследования значительно отличаются между собой в зависимости от степени комбинирования текста и контекста, дискурс-анализ предполагает, что невозможно отделить дискурс от его широкого контекста, и располагает различными инструментами анализа текстов как выражения дискурсов, в которые они интегрированы. Это отличает дискурс-анализ от иных видов качественного исследования. Например, такие подходы, как нарративный или разговорный анализы традиционно изучают письменные и устные тексты. Они принимают контекст во внимание для того, чтобы определить значения, но обычно не рассматривают связь с более широкими дискурсами или комплексами текстов, которые конституируют значения. Несмотря на то, что эти подходы уделяют большое внимание тому, как конструируются нарративы и разговоры, они в меньшей степени уделяют внимание конструированию более широкой социальной реальности. Равным образом этнографы часто преследуют цель раскрытия значения социальной реальности для участников, но в меньшей степени интересуются тем, как социальная реальность становится возможной благодаря конструктивным эффектам

различных дискурсов и связанных с ними текстов. Этнометодология фокусируется на генеративных правилах, которые делают возможными социальные взаимоотношения, но ее фокус – на наблюдении за действиями, а не на изучении текстов. В Примере 1.1. мы рассмотрим количественные и качественные подходы к изучению феномена и сравним их с тем, как его исследовали бы дискурс-аналитики.

Пример 1.1. Анализ глобализации

Количественные исследования глобализации основываются на сборе информации о степени очевидности глобализационных процессов в определённых ситуациях. Исследователи собирают статистические данные об иностранных прямых инвестициях, количестве стратегических союзов с иностранными компаниями, решениях Всемирной Торговой Организации, применении технологий в развивающихся странах, размере и характере торговых потоков, индикаторах доминирования глобальной поп-культуры. Такие исследования связывают степень глобализации, выраженную в указанных количественных показателях, с конкретными измерениями, такими как рентабельность, бедность, демографические тенденции и т.д. Этот подход рассматривает концепт глобализации как нечто само собой разумеющееся и направлен на выявление связей между конкретными практиками и их результатами и, как следствие, формулирование выводов о доминировании или эффективности глобализации.

Качественные исследования глобализации могут принимать различные формы. Например, в этнографии исследователь, проживающий в небольшой деревне в развивающейся стране, может изучать значение и влияние новых интернет-подключений на жителей деревни; как присутствие мультинациональных компаний влияет на жизнь семьи; или как глобальные призывы к запрету использования детского труда влияют на экономическое и социальное благосостояние. Исследователи могут также провести этнографическое исследование в индийской телефонной компании, в котором выявлялось бы, как сотрудники компании представляются по телефону звонящим людям со всего мира и какое это имеет значение для них. Можно провести нарративный анализ с целью выявления историй, которые рассказывают люди, описывая различные глобальные практики с помощью таких средств, как сюжет, нарратор и персонажи, для выявления, например, того, какое значение для них имеют новое интернет-кафе, международная организация или внезапное исчезновение зарубежного рынка. Можно также применить разговорный анализ для изучения тинэйджеров в различных странах, беседующих о значении, которое имеет для них MTV, и о том, что они считают важным в стиле одежды. Возможно также проведение интервью с ключевыми деятелями ВТО или ООН, чтобы выявить их взгляды на дифференциацию Севера и Юга и сравнить их комментарии с мнением официальных лиц в правительстве южных стран. Политический анализ может основываться на неструктурированных интервью и включенном наблюдении и быть направлен на изучение политической и культурной дислокации, вызванной поглощением маленькой местной фирмы крупной мультинациональной корпорацией, и выявление открытых и скрытых действий союзов, организаций, сотрудников, направленных на сопротивление или изменения. Все эти качественные подходы, каждый в своём ключе, направлены на изучение социальной и политической динамики, связанной с глобализационными практиками, и значения, которые эти практики имеют для индивидов, на которых они оказывают воздействие. «исследователей-качественников» в большей степени интересуют значения, а не «факты» глобализации; однако, они также рассматривают глобализацию как «данность».

Дискурсивный анализ предполагает изучение того, как стал возможен сам концепт глобализации – почему сегодня у него есть самостоятельное значение, а 60 лет назад не было. Исследователи могут изучать, как дискурс глобализации обусловлен прочими дискурсами и как он влияет на них – например, дискурс свободной торговли и либерализма, дискурс о новых технологиях, бедности и демократии, и даже дискурс о здоровье и терроризме, а также

как он создается с помощью различных текстов – от академических статей до сводки новостей на CNN. Можно также исследовать, как широкий дискурс глобализации формирует значения и смыслы разрозненных и противоречивых паттернов экономической, социальной, географической и культурной деятельности. На локальном уровне исследователи могут анализировать, как дискурс глобализации делает возможными или необходимыми некоторые практики – например, деловые операции в мультинациональных организациях, ограничения в отношении беженцев, торговые связи между странами – а также как это создает и разрушает различные идентичности. Можно также изучать, как конкретные акторы используют дискурс глобализации, чтобы легитимировать их позиции и действия. Рассмотрение различных текстов, имеющих отношение к глобализации, и анализ их связи с широким экономическим, социальным и политическим контекстами и со специфичными практиками позволяет дискурс-аналитикам сделать выводы о самом понятии глобализации, о его условности и незавершенности, но в то же время и о взаимодействии дискурсов, текстов и практик, создающих определенную реальность.

Таблица 1.1. – Виды данных и традиции в дискурс-анализе

Виды данных в дискурс-анализе	Традиции в дискурс-анализе
■ Интервью	■ Конверсационный анализ
■ Фокус-группы	■ Фукодианский анализ
■ Документы и архивы	■ Критический дискурс-анализ
■ Естественные разговоры	■ Критическая лингвистика
■ Политические выступления	■ Дискурсивная психология
■ Газетные статьи	■ Бахтианские исследования
■ Мультипликационные фильмы	■ Интеракциональная лингвистика
■ Романы	■ Этнография разговора

Источник: Wetherell, M. (2001) Debates in discourse research. In M.Wetherell, S.Taylor, and S.J.Yates (Eds.), *Discourse theory and practice: A reader* (p.38). Thousand Oaks, CA: Sage.

Тем не менее, важно отметить, что некоторые традиционные качественные подходы могут быть представлены в дискурс-анализе. Например, конверсационный анализ и нарративный анализ могут быть использованы, чтобы связать «микрособытия» с более объемными дискурсами и показать, как нарративы и разговоры конструируют социальный опыт (например, O'Connor, 1995; Stokoe, 1998; van Dijk, 1993). Так же, этнографические методы всегда были важным элементом дискурс-аналитических исследований, в ходе которых выявляется взаимодействие дискурсов в конкретных практиках (например, Covalevski, Dirsmith, Heian & Sajay, 1998; Fletcher, 1998). Контент-анализ, понимаемый не как механический подсчет, но как более интерпретативная форма исследования, может быть использован для выявления связи содержания текста с более широкими дискурсивными контекстами. Например, Эллинсон (Ellingson, 1995) провел контент-аналитическое исследование газетных материалов и редакционных статей, идентифицируя темы и риторические стратегии в их связи с адресантом и аудиторией; Холмс (Holmes, 1998) провел контент-анализ женских речей в их связи с властью и статусом. Несмотря на то, что философия, лежащая в основе дискурс-анализа, отличает его от других видов анализа, границы между ним и другими качественными методами зачастую стирается в ситуациях конкретных исследований. Дискурс-аналитики прибегают к использованию широкого спектра интерпретативных техник – от микроанализа индивидуальных высказываний до макроанализа корпуса текстов;

как показывает Таблица 1.1., дискурс-анализ заимствует многое из традиционных качественных методов.

То, что делает исследовательскую технику дискурсной, - это не метод как таковой, а *использование* метода для достижения целей интерпретативного анализа определенного вида текста в аспекте понимания дискурса и его роли в конституировании социальной реальности. В силу того, что многие качественные техники используются в дискурс-аналитической онтологии и эпистемологии, они могут трактоваться как дискурсные методы.

Необходимо упомянуть еще об одной характеристике дискурс-анализа: дискурс-аналитические методы являются неизбежно рефлексивными, поскольку последовательная социально-конструктивистская эпистемология, на которой они основаны, распространяется также и на действия академических исследователей. Академический дискурс также конституирует определенную реальность, и мы постоянно вынуждены обращать внимание на нашу роль в конституировании категорий и границ, производящих реальность определенного рода (Marcus, 1994). В то время, как другие подходы принимают аналитические категории в качестве само собой разумеющихся и связывают с ними данные, дискурс-аналитики обращают внимание на социально сконструированную природу самих исследовательских категорий.

«Задачей дискурс-анализа является не применение категорий к речи участников, а, скорее, идентификация способов, которыми участники сами активно конструируют и используют категории в своей речи. Более того, любая категоризация является условной; анализ предполагает постоянную рефлексию по процессам категоризации в которые включены как участники, так и аналитик». (Wood & Kroger, 2000. pp. 29-30)

Даже обоснованная теория, которая направлена на формулирование категорий на основе эмпирических наблюдений, не проблематизирует их так, как это делает дискурс-анализ. Она признает необходимость «прочтения» исследователем данных (это необходимо для работы с протоколами исследования). Дискурс-аналитики, в свою очередь, ориентированы на со-конструирование теоретических категорий на разных уровнях, включая уровень самого исследователя, предмета исследования, академического сообщества и даже общества, а также они стремятся выполнить и представить свои исследования так, чтобы учесть все эти сложные отношения (Alvesson & Sköldberg, 2000; Clegg & Hardy, 1996a; Hardy, Phillips & Clegg, 2001).

Необходимость связывать текст, контекст и дискурс, а также инкорпорировать высоко субъективное и рефлексивное использование методов ставит главный вопрос перед исследователями: как «справиться» с этой сложной системой? Мы никогда не сможем изучить все аспекты дискурса и мы неизбежно вынуждены выбирать ограниченный комплекс текстов для задач исследования. И тем не менее, мы как дискурс-аналитики должны ссылаться на более объемные дискурсные образования, признавать наличие определенных текстов

в больших комплексах текстов и учитывать трехаспектность нашего исследования. Мы также сталкиваемся с перспективами совершенствования метода в процессе применения конкретных аналитических процедур, интерпретируя и сравнивая различные значения. И, выполнив всё это в рамках исследования, мы должны обосновать наш труд в соответствии с нормами академической публикации. Именно эта сложность и неоднозначность ставит формулирует главный вызов перед дискурс-анализом – и это одна из причин, по которой мы написали эту книгу, хотя на этом этапе читатель, вероятно, все еще задается вопросом о том, для чего вообще нужен дискурс-анализ.

2. ПРИЧИНЫ ПРИМЕНЕНИЯ ДИСКУРС-АНАЛИЗА

В этом разделе мы обсудим некоторые причины применения дискурс-анализа. Если мы располагаем избытком более разработанных методологий, а также если мы сталкиваемся с описанными выше сложностями, связанными с применением дискурс-анализа, с чем связана необходимость использования дискурсной методологии в эмпирическом исследовании? Причины *не* применять дискурс-аналитический подход очевидны. Во-первых, любой новый метод требует существенных инвестиций времени и энергии в его разработку. Дискурс-анализ, безусловно, не является исключением из правил в этом отношении, особенно учитывая относительно ограниченное количество методологических работ и общепризнанных образцов, могущих послужить гидом для новичков в сфере дискурс-анализа. Во-вторых, что более важно, новые методы по определению не институционализированы. Исследователи сталкиваются с существенными препятствиями, предпринимая попытки опубликовать или представить результаты работы, которая их коллегам кажется незнакомой и которую сложно связать с существующими результатами в той или иной области. Авторы, использующие этот метод, сталкиваются с дополнительными рисками, когда необходимо оценить их работу при избрании на должность или защите диссертации, поскольку относительная редкость исследований в области дискурс-анализа затрудняет их оценку, а некомпетентные рецензенты не могут высказать мнение об их значимости. В-третьих, дискурс-анализ – это трудоёмкий и затратный в отношении времени метод. В академической культуре с ее жестким требованием соблюдения сроков и действующим принципом «публикуйся или погибни» существуют более простые и быстрые альтернативы проведения исследований.

Несмотря на эти проблемы, мы полагаем, что существует ряд весомых причин, по которым дискурс-анализ сыграет важную роль в будущем социальных наук. Эти причины перевешивают неудобства использования нового и непроверенного исследовательского метода и, на личном уровне, убедили нас применять дискурс-анализ в наших исследованиях и написать эту книгу, чтобы помочь тем, кто собирается применить этот метод.

Далее мы обратим внимание на пять причин, по которым исследователям стоит применять дискурс-анализ. Некоторые из них специфичны именно для дискурсной теории и дискурс-анализа, в то время как другие отражают объективные изменения в интересующем нас исследовательском поле – теории

организации и управления. Изменяющаяся природа «организации» привела к возрастающей потребности поиска новых способов изучения старых тем, а также эффективных способов исследования новых тем. Здесь стоит сделать одно небольшое замечание. Несмотря на то, что мы написали эту работу с целью обобщения, и что проблемы и их решения связаны с различными дисциплинами, многие из приводимых нами примеров связаны с организациями. К тому же, несмотря на то, что исследования организаций предполагает изучение индивидов и сообществ, а также собственно организаций, мотивы использования дискурс-анализа в этой сфере не отличаются от причин проведения дискурс-аналитического исследования в иных областях.

«Лингвистический поворот»

Последние 30 лет ознаменовались своего рода революцией в гуманитарных и социальных науках. Начиная с работ таких авторов в области философии языка, как Витгенштейн (1967) и Уинч (1958), общепризнанной стала идея о том, что язык – это гораздо больше, чем просто отражение реальности, и что это фактически *конститутив* социальной реальности. Эти труды сильно повлияли на таких социологов, как Бергер и Лукман (1967) и антропологов, как Гирц (1973), чьи работы создали основу конструктивистского подхода к социальным феноменам. Этот подход широко распространился в социальных науках и стал общепризнанным, в условиях, в которых многие дисциплины, говоря словами Гергена (1999, р.16), «вибрировали в сторону постмодерна» и боролись с кризисом репрезентации и легитимации (Denzin & Lincoln, 1994; Rosenau, 1992).

Признание конструктивной роли языка проблематизирует сами основы исследования, поскольку под вопрос ставятся объективность, непредвзятость, независимость исследователя, переосмысливаются принципы определения истины и знания, а вопрос о том, как функционируют вещи (“how things work”), заменяется вопросом о том, что *означают* вещи (Winch, 1958). Социальные науки занимаются не просто подсчетом – определением и измерением переменных и связей между ними, они также занимаются интерпретацией того, что означают социальные отношения, свидетельством чему являются крепкие традиции качественных методов исследования. В контексте лингвистического поворота многократно возрастают требования, предъявляемые к интерпретативным исследованиям. Мы как исследователи более не заинтересованы просто в ответе на вопрос, что означает социальный мир для населяющих его субъектов; мы заинтересованы в ответе на вопрос, как и почему социальный мир приобретает те значения, которыми он располагает. Мы также заинтересованы в ответах на вопрос о том, как мы как исследователи вовлечены в этот процесс (Clegg & Hardy, 1996a; Hardy et al., 2001). Дискурс-анализ как один из методов изучения этих в высокой степени рефлексивных процессов социального конструирования, в таком аспекте привлекает всё большее внимание (Alvesson & Kärreman, 2000a).

Поскольку лингвистический поворот коснулся многих дисциплин,

исследователи обращаются к дискурс-анализу, чтобы изучить последствия этого поворота для эмпирических исследований. Несмотря на несколько запоздалое обращение к этому подходу по сравнению с другими гуманитарными и социальными науками, исследователи в области теории организации и менеджмента также начинают придавать большое значение изучению языка (Alvesson & Kärreman, 2000a). Идея о том, что организации являются социальными конструктами и существуют преимущественно в языке (в широком смысле) становится широко распространенной. В результате исследователи стремятся обнаружить новые способы изучения этих процессов. Дискурс-анализ предлагает именно такую методологию, поскольку он основан на эксплицитной конструктивистской эпистемологии, рассматривающей язык как скорее конституирующее и конструирующее, чем рефлексивное и репрезентативное явление (Wood & Kroger, 2000).

Новые и реконцептуализированные темы исследования

Глубокие изменения в обществе привели к появлению новых тем исследования, что подчеркивает роль дискурс-анализа как жизнеспособной и полезной методологии. Так, исследования природной среды, глобализации и культуры сравнительно недавно привлекли внимание представителей различных дисциплин, эффективно применявших дискурс-анализ. В рамках более узких теорий организации и менеджмента изучение эмоций (например, Fineman, 1996; Mumby & Putnam, 1992) является одним из примеров относительно новой области, в которых применение дискурсного подхода привело к значительным результатам. Новые темы исследований формулируют новые вызовы для исследователей в отношении создания новых категорий и привлечения внимания к тому, как конструируются и поддерживаются границы. Традиционные качественные подходы могут прояснить смысл этих категорий, а количественные подходы часто предлагают обобщенные утверждения о связи между категориями, но ни разъясняют, как возникли эти категории, ни как обеспечивается их существование. Фактически, традиционные методологии часто реифицируют категории, создают иллюзию их естественности и устойчивости во времени. Дискурс-анализ, со своей стороны, предлагает такой способ анализа динамики социального конструирования, в процессе которого производятся эти категории и сохраняются границы между ними.

Многие другие предметы исследования были реконцептуализированы и сегодня требуют применения подходов, принципиально отличающихся от тех, которые были использованы ранее. Например, идентичность долгое время изучалась в ряде дисциплин, но главным образом в контексте попыток исследователя раскрыть или понять индивидуальную «правду» или сущностную идентичность (Nkomo & Cox, 1996). В последнее время, дискурсивная психология прочно обосновывается в таких дисциплинах, как психология (Condor & Antaki, 1997; Potter & Wetherell, 1987), гендерных исследованиях (Tannen, 1994), теории организации и менеджмента (Calas & Smircich, 1991; Mumby & Stohl, 1991) и теории социальных движений, а это происходит именно

вследствие необходимости понять, как идентичности конструируются на продолжительной, диалогичной и дискурсивной основе.

Воскрешение критических теорий управления

Еще одной важной причиной возросшей потребности в дискурс-анализе в теории организации и менеджмента связана с обновленным интересом к критическим теориям управления. Критика менеджериализма имеет долгую традицию в теории организации и менеджмента, связанную с ранними работами в области марксизма и наиболее радикальными прочтениями Вебера (Hardy & Clegg, 1996). Она возникает в рамках различных теоретических течений, таких как теория трудовой деятельности (Braverman, 1974; Burawoy, 1979; Edwards, 1979), работ по проблеме власти (Clegg, 1975; Hardy, 1985; Lukes, 1974), исследований в области культуры и идеологии (Smircich, 1983; Willmott, 1993) и многих других. Распространение постмодернизма в теориях организации и менеджмента закономерно усилило эту линию теоретизирования (Burrell, 1988; Cooper & Burrell, 1988). Впоследствии, интеграция постмодернистских и постструктуралистских взглядов вернуло к жизни критические теории управления и привлекло внимание исследований к воскрешенной повестке дня этих теорий (Alvesson & Deetz, 2000; Alvesson & Willmott, 1992a, 1992b; Fournier & Grey, 2000).

Большинство обновленных исследовательских тенденций сфокусировались на взаимодействии между критической и постмодернистской теориями (Alvesson & Deetz, 1996; Mumby, 1992) и особенно на связи между властью и значением – на способах интеграции знания в динамику власти. Основываясь преимущественно на работах Фуко, исследователи обращают внимание на то, как процессы социального конструирования приводят к созданию социальной реальности, которая воспринимается как сама собой разумеющаяся и приводит к доминированию одних индивидов над другими (например, Clegg, 1989). В то же время, исследователи стремятся изучить эти политические процессы, стараясь не попасть в критическую ловушку «позиции вне» властных отношений, которые они изучают (Hardy & Clegg, 1996). Эти новые вызовы критическим теориям управления привели к потребности в новых методах, которые выявили бы процессы, от которых зависит распределение власти в организациях и в исследовании.

Этот новый и обновленный интерес к проблеме власти связывается не только с теорией организации и менеджмента. Исследователи в таких областях, как теория социальных движений, теория коммуникации, психология, гендерные исследования также обращают внимание на властные процессы. В результате, появляются благоприятные возможности для применения таких методов, как критический дискурс-анализ и критический лингвистический анализ (Fairclough, 1992, 1995; Mumby & Stohl, 1991; Parker, 1992) относительно различных предметов исследования, а не только организаций.

Развитие постбюрократических организационных форм

Еще одной причиной повышенного интереса к дискурс-анализу в теории организаций и менеджмента является изменение самих организационных и управленческих практик за последнее несколько десятилетий. Рассуждая о состоянии теории организации и менеджмента за последние 30 лет, Клегг и Харди (1996b, p.2) отмечают, что в 60-х «иерархии были нормой, персональные компьютеры еще не были изобретены, а единственным способом быстрой связи был телефон. Было просто невозможно представить себе новые технологии, которые впоследствии изменили облик организаций». Сегодня мы являемся свидетелями огромного количества новых организационных форм; широкого распространения новых информационных технологий; усиливающейся глобализации бизнеса, труда и культуры, а также сопротивления им; возрастающей роли компаний, деятельность которых основана на использовании знаний и символов.

Эти изменения в практиках привели к возросшей потребности в изучении более эфемерных аспектов организации. Всё сложнее становится изучать организации так, как если бы они были прочными и фиксированными материальными объектами, если мы знаем об их изменчивости и противоречивости. Как следствие, мы вынуждены выявлять рассказы, нарративы и символы – т.е. дискурсы – которые удерживают воедино взаимоисключающие процессы и делают их «реальными» для нас (Chia, 2000). Дискурс-анализ предлагает мощный способ изучения этих ускользающих, эфемерных феноменов, а значит представляется незаменимым, если мы хотим узнавать и сообщать об организационных и управленческих практиках.

Ограничения традиционных методов и теорий

И наконец, причиной, которая, на наш взгляд, является важной, связана с усиливающимися в социальных науках призывами к плюрализму. Представление об «одном лучшем методе» все чаще ставится под сомнение и заменяется идеей о том, что исследование выигрывает от использования различных методов и теорий (Clegg & Hardy, 1996b). Многие исследователи находят традиционные подходы слишком ограниченными и монотонными. Вместо того, чтобы использовать один и тот же метод для интенсивного изучения одного и того же феномена, более продуктивным представляется применение другого, отличающегося метода (Alvesson & Deetz, 2000). Применение нетрадиционного метода способствует обнаружению феноменов, скрытых при многократном применении традиционных методов – способы видеть являются также способами *не* видеть. Применение дискурс-аналитического подхода позволяет исследователям выстраивать и наполнять содержанием иные теоретические комплексы, предлагая новые идеи, концепты и вызовы. Стоит также отметить тот факт, что исследование мира организаций нетрадиционными способами просто гораздо интереснее. Эти способы по определению неинституционализированы, что позволяет исследователям применять творческий подход и инновации в своих исследованиях и интерпретациях.

Итак, мы видим, что дискурс-анализ вносит важный вклад в развитие

плюрализма в исследовании, а также представляет собой способ интеграции эффектов лингвистического поворота, изучения новых феноменов и практик и актуализации повестки дня критических теорий. Он может ставить новые проблемы и подвергать сомнению старые истины, но, как отмечают Клегг и Харди (1996b, p.8), «мы учимся благодаря столкновению различных подходов, многообразию и неопределенности значений, а не благодаря декламации предлагаемых стандартов, консенсуса и согласия, которые предполагают безоговорочное принятие».

Библиография

1. Alvesson, M. & Deetz, S. (1996). Critical theory and postmodern approaches in organizational studies. In S. R. Clegg, C. Hardy, & W. R. Nord (Eds). Handbook of organization studies (pp. 191-217). London: Sage.
2. Alvesson, M. & Deetz, S. (2000). Doing critical management research. London: Sage.
3. Alvesson, M. & Karreman, D. (2000a). Taking the linguistic turn in organizational research: Challenges, responses, consequences. Journal of Applied Behavioral Science. №. 136-158.
4. Alvesson, M. & Karreman, D. (2000b). Varieties of discourse: On the study of organizations through discourse analysis. Human Relations, .53, 1125-1149.
5. Alvesson, M.. & Skoldberg, K. (2000). Reflexive methodology: New vistas for qualitative research. London: Sage.
6. Alvesson, M. & Willmott, H. (1992a). On the idea of emancipation in management and organization studies. Academy of Management Review. 17. 432-164.
7. Alvesson, M.. & Willmott, H. (1992b). Critical management studies. London: Sage.
8. Berger, P L. & Luckmann, T. (1967). The social construction of reality: A treatise on the sociology of knowledge. Garden City, NY: Anchor.
9. Braverman, H. (1974). Labor and monopoly cannot New York: Monthly Review Press.
10. Burawoy, M. (1979). Manufacturing consent. Chicago: University of Chicago Press.
11. Burrell, G. (1988). Modernism. postmodernism and organizational analysis: The contribution of Michel Foucault. Organization Studies. Ч. 221-235.
12. Calas, M. B. & Smircich, L. (1991). Using the "F"- word: Feminist theories and the social consequences of organizational research. In A. Mills & P. Tancred (Eds), Gendering organizational analysis (pp. 222 - 274). London: Sage.
13. Chalaby, J. K. (1996). Beyond the prison-house of language: Discourse as a sociological concept British Journal of Sociology, 47. 684-698.
14. Chia, R. (2000). Discourse analysis as organizational analysis. Organization, 7, 513-518.
15. Clegg, S. R. (1975). Power, rule and domination. London Routledge.
16. Clegg, S. R. (1989) Frameworks of power. London: Sage.
17. Clegg, S. R. & Hardy, C. (1996a). Representations. In S. R. Clegg, C. Hardy & W. R. Nord (Eds.). Handbook of organization studies (pp. 676-708). London: Sage.
18. Condor, S. & Antaki, C. (1997). Social cognition und discourse. In T. A. van Dijk (Ed), Discourse as structure and process: Volume 2 (pp. 676-708). London: Sage.
19. Cooper, R. & Burrell, G. (1988). Modernism, postmodernism and organizational analysis: An introduction. Organization Studies. 9. 91-112.
20. Coulon, A. (1995). Ethnomethodology. Thousand Oaks. CA: Sage.
21. Covalski, M. A., Dirsmith, M. W., Heian, J. B. & Sajay, S. (1998). The calculated and the avowed: Techniques of discipline and struggles over identity in the Big Six public accounting firms. Administrative Science Quarterly. 43. 293-327.
22. Czarniawska, B. (1998). A narrative approach to organization studies. Thousand Oaks. CA: Sage.
23. Denzin, N. K. & Lincoln, Y. S. (1994). Handbook of qualitative research. London: Sage.
24. Edwards, R. (1979). Contested terrain. New York: Basic Books.
25. Ellingson, S. (1995). Understanding dialectic of discourse and collective action: Public debate

- and rioting in antebellum Cincinnati. *American Journal of Sociology*. 101. 100-144.
26. Erikson, K. & Stull, D. (1997). *Doing team ethnography*. Thousand Oaks, CA: Sage.
  27. Fairclough, N. (1992). *Discourse and social change*. Cambridge, UK: Polity Press.
  28. Fairclough, N. (1995). *Critical discourse analysis: The critical study of language*. London: Longman.
  29. Fairclough, N. & Wodak, R. (1997). *Critical discourse analysis*. In T. A. van Dijk (Ed.), *Discourse as social interaction: Volume 1* (pp. 258-284). Sage: London.
  30. Fineman, S. (1996). *Emotion and organizing*. In S. R. Clegg, C. Hardy & W. R. Nord (eds.), *Handbook of organization studies* (pp. 543-564). London: Sage.
  31. Fletcher, J. K. (1998). *Relational practice. A feminist reconstruction of work*. *Journal of Management Inquiry*. 7, 163-186.
  32. Foucault, M. (1965). *Madness and civilization: A history of insanity in the age of reason*. New York: Vintage.
  33. Foucault, M. (1972). *The archeology of knowledge*. London: Routledge.
  34. Fournier, V. & Grey, C. (2000). *At the critical moment: Conditions and prospects for critical management studies*. *Human Relations*. 53, 7-32.
  35. Geertz, C. (1973). *The interpretation of culture*. New York: Basic Books.
  36. Gergen, K. (1991). *The saturated self*. Newbury Park, CA: Sage.
  37. Gergen, K. (1999). *An invitation to social construction*. London: Sage.
  38. Grant, D., Keenoy, T. & Osrick, C. (1998). *Organizational discourse: Of diversity, dichotomy and multi-disciplinarity*. In D. Grant, T. Keenoy, & C. Osrick (Eds.), *Discourse and organization* (pp. 1-14). London: Sage.
  39. Hardy, C. (1985). *The nature of unobtrusive power*. *Journal of Management Studies*. 22. 384-399.
  40. Hardy, C. (2001). *Researching organizational discourse*. *International Studies in Management and Organization*. 71(3). 25-17.
  41. Hardy, C. & Clegg, S. R. (1996). *Some dare call it power*. In S. R. Clegg, C. Hardy. & W. R. Nord (Eds.). *Handbook of organization studies* (pp. 622-641). London: Sage.
  42. Hardy, C., Phillips, N. & Clegg, S. R. (2001). *Reflexivity in organization and management studies: A study of the production of the research "subject"*. *Human Relations*. 54, 3-32.
  43. Holmes, J. (1998). *Women's talk: the question of sociolinguistic universals*. In J. Coates (ed.), *Language and gender: A reader* (pp.461-483). Oxford, UK: Blackwell.
  44. Kress, G. (1995). *The social production of language: History and structures of domination*. In P. Freis & M. Gregory (Eds.), *Discourse in society: Systemic functional perspectives* (pp.169-191). Norwood, NJ: Ablex
  45. Lukes, S. (1974). *Power: A radical view*. London: Macmillan.
  46. Marcus, G. H. (1994). *What comes (just) after "post"?: The case of ethnography*. In N. K. Denzin & Y. S. Lincoln (Eds.), *Handbook of qualitative research* (pp. 563-574). London: Sage.
  47. Mumby, D. (1992). *Two discourses on communication. power, and the subject: Jurgen Habermas and Michel Foucault*. In G. Levine (Ed.). *Construction of the self* (pp. 81-104). New Brunswick, NJ: Rutgers University Press.
  48. Mumby, D. & Putnam, L. L. (1992). *The politics of emotion: A feminist reading of bounded rationality*. *Academy of Management Review*, 17. 465-486.
  49. Mumby, D. & Stohl, C. (1991). *Power and discourse in organization studies: Absence and the dialectic of control*. *Discourse and Society* 2. 313-322.
  50. Nkomo, S. & Cox, T. (1996). *Diverse identities in organizations*. In S. R. Clegg, C. Hardy & W. R. Nord (Eds.), *Handbook of organization studies* (pp. 338-356). London: Sage.
  51. O'Connor, E. S. (1995). *Paradoxes of participation: Tactual analysis and organizational change*. *Organization Studies*. 16, 769-503.
  52. Parker, I. (1992). *Discourse dynamics*. London: Routledge.
  53. Parker, I. & Burman, E. (1993). *Against discursive imperialism. empiricism and constructionism: Thirty-two problems with discourse analysts*. In E. Burman & I. Parker (Eds.), *Discourse analytic research* (pp. 155-172). London: Routledge.

54. Phillips, N. & Brown, J. (1993). Analyzing communication in and around organizations: A critical hermeneutic approach. *Academy of Management Journal*, 36, 1547-1576.
55. Potter, J. & Wetherell, M. (1987). *Discourse and social psychology: Beyond attitudes and behaviour*. London: Sage.
56. Psathas, G. (1995). *Conversation analysis*. Thousand Oaks, CA: Sage.
57. Riessman, C. K. (1993). *Narrative analysis*. Newbury Park, CA: Sage.
58. Rosenau, P.M. (1992). *Post-modernism and the social sciences: Insights, inroads, and intrusions*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
59. Rushdie, S. (2000). *The ground beneath her feet*. New York: Picador.
60. Sherzer, J. (1987). A discourse-centred approach to language and culture. *American Anthropologist*, 89, 295-309.
61. Smircich, L. (1983). Concepts of culture and organizational analysis. *Administrative Science Quarterly*, 28, 339-358.
62. Stokoe, E. H. (1998). Talking about gender: The conversational construction of gender categories in academic discourse. *Discourse and Society*, 9, 217-240.
63. Tannen, D. (1994). *Gender and discourse*. Oxford, UK: Oxford University Press.
64. van Dijk, T. A. (1993). Principles of critical discourse analysis. *Discourse and Society*, 8, 5-6.
65. van Dijk, T. A. (1996). Discourse, power and access. In C. R. Callas-Coulthard & M. Coulthard (Eds.), *Texts and practices* (pp.84-104). London: Routledge.
66. van Dijk, T. A. (1997a). *Discourse as structure and process: Volume 1*. London: Sage.
67. van Dijk, T. A. (1997b). *Discourse as social interaction: Volume 2*. London: Sage.
68. Willmott, H. (1993). Strength is ignorance, slavery is freedom: Managing culture in modern organizations. *Journal of management studies*, 30, 515 – 552.
69. Winch, P. (1958). *The idea of a social science*. London: Routledge & Kegan Paul.
70. Wittgenstein, L. (1967). *Philosophical investigations*. Oxford, UK: Blackwell.
71. Woodilla, J. (1998). Workplace communions: The text of organizing. In D. Grant, T. Keenoy & C. Osrick (Eds.), *Discourse and organization* (pp. 31-50). London: Sage.
72. Wood, L.A. & Kroger, R.O. (2000). *Doing discourse analysis: Methods for studying action in text and talk*. Thousand Oaks, CA: Sage.

ЕГОР ПЕРЕВЕРЗЕВ
egorpereverzev@gmail.com

СОВРЕМЕННЫЙ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДИСКУРСА

Концепция дискурса является неотъемлемой частью современных наук о человеке. Культура как важнейший аспект человеческого бытия в индивидуальном и социальном измерениях представляет собой один из основных предметов дискурсных теорий.

В определении сущности современного культурологического подхода в дискурсной теории, труднейшей задачей является эксплицирование связи между человеком, его эволюционными биологическими, социальными чертами, культурой и дискурсом. Другой важной проблемой является установление максимально четких границ направления, которое, несомненно, заимствует свои фундаментальные основания у таких наук, как философия, культурология, социолингвистика, антропология, критические теории и многих других. Обе проблемы, о которых идет речь, весьма спорны, по своему характеру. Тем не менее, некоторые направления возможных будущих решений могут быть очерчены уже сейчас.

В отношении первой проблемы, мы обратимся к работе культурантрополога Клиффорда Гирца «Интерпретация культур». В частности, Гирц утверждает, что рассмотрение культуры, как совокупности обычаев, ритуалов, поведенческих схем, ценностей и т.д., исторически сформированной людьми, не может быть продуктивным с точки зрения анализа эволюционного развития человека и общества. Напротив, как утверждает исследователь, «культура не была прибавлена, если можно так выразиться, к уже готовому или практически готовому животному, но была причастна, и притом самым существенным образом, к производству этого животного – т.е. культурные ресурсы не дополняют человеческое мышление, а являются его неотъемлемой частью» (Гирц, 2004, с.50). В этом случае, продуктивным может быть рассмотрение культуры, «не как комплексов конкретных моделей поведения – обычаев, традиций, практик, совокупностей привычек,- как это в общем и целом было принято до сих пор делать, а как набор контрольных механизмов – планов, рецептов, правил, инструкций, т.е. того, что в компьютерной инженерии называют «программами», - управляющих поведением» (Гирц, 2004, с.53). Очевидно, что подобный подход отличается от конвенциональных определений (примером конвенционального определения культуры, может быть определение Э.Б. Тэйлора, который характеризует культуру как «сложное целое, которое включает в себя знания, верования, искусства, мораль, законы, обычаи и любые иные способности и привычки, приобретаемые человеком, как членом общества» (Тэйлор, 1998, с.13).

Если же рассматривать культуру, вслед за К. Гирцем, как систему предписаний, фиксирующую круг возможных действий людей в определенных ситуациях, то подобный взгляд пересекается с идеями М. Фуко о дискурсе. Фуко

рассматривает дискурс с одной стороны как набор инструментов «сцепления» разрозненных значений, знаний, высказываний, формирующих картину мира, а с другой – как рассеивающую структуру, которая функционирует по определенным правилам и объединяет разрозненные смыслы, значения и высказывания в единые системы знаний. Разумеется, что культура, формирующаяся на основе подобных дискурсов-предписаний, рождается, поддерживается и изменяется семиотически. Дополнительным аргументом в пользу идеи о дискурсивных основаниях культур служит концепция «ключевой проблемы», лежащей в основе центральных институциональных дискурсов. Предполагается, что в основе каждого дискурса (в основном речь идет об институциональных дискурсах) лежит некая ключевая проблема, задающая векторную направленность для его смыслового «развертывания» (Кожемякин, 2008). Идея ключевой проблемы связывает воедино элементы концепции К. Гирца и М. Фуко. Завершая логически данную «связку» с точки зрения идей культурологического анализа дискурса, необходимо, на наш взгляд, упомянуть о значении идеи власти, как центрального принципа фукианской теории. Если, вслед за Фуко, рассматривать власть как центральное условие формирования и функционирования систем знания в обществе, то очевидно, что анализ дискурса может являться качественным инструментом исследования комплексной системы «субъект-культура-дискурс-власть». Дискурсивные исследования в культуре не только раскрывают характер взаимоотношений между культурой и властью, но и предлагают решения проблем, связанных с доминированием некоторых культур в мировом информационном пространстве, дискриминацией других культур, непониманием, основанном на культурных различиях и возникающей на его основе межкультурных конфликтов и неприязни. Дискурсивные исследования культуры призваны решить проблему современной межкультурной коммуникации, которая, опираясь на парадигму западных культурных ценностей, создает условия для возникновения большинства указанных проблем. Основная «политическая» цель культурологического анализа дискурса (Cultural discourse-analysis, здесь и далее КАД) – формирование теорий и методов, способствующих развитию принципов культурного «сосуществования» и гармонизации противоречивых дискурсов различных культур в процессах межкультурной коммуникации. Предполагается, что в современная культурная ситуация в мире характеризуется наличием резких форм дискурсивного антагонизма, проявляющегося практически во всех сферах культуры человечества. Указанная цель КАД, предполагает решение ряда задач, во-первых – выявление на основе методологии КАД репрессивных доминирующих дискурсов культур, направленных на дискриминацию, изолирование в любых его (исторических, идеологических, этнических, расовых или лингвистических) формах. Во-вторых КАД предполагает попытки создания альтернативных «гармонизирующих» дискурсов, потенциально направленных на укрепление различных форм диалога, сотрудничества и объединения в культурах.

На данном этапе, мы подошли к вопросу о границах культурологического дискурс-анализа. Данный вид дискурс-анализа сформировался как ответвление критического дискурс-анализа, заимствуя многое из его методологии, но при

этом формулируя свои собственные методы, предметы, цели и принципы исследования. В отличие от КДА, который стремится направить результаты своих исследований на решение проблем социальных групп, культурологический дискурс-анализ рассматривает пространство межкультурной коммуникации, выявляя доминирующие и подавляемые дискурсы различных культур с целью формирования более терпимого, свободного и эмансипированного полилога. Среди основных проблем культурологического анализа дискурса находится, таким образом, проблема современной межкультурной коммуникации, которая в ее нынешнем виде «не только не помогает сблизить разделенный мир, но, напротив, удаляет различные культуры друг от друга – *перевод мой – Е.П.*» (Shi Xu, 2005, с.5). Основной теоретик КАД, Ши Сиу (профессор Чжецзянского университета в г. Ханьчжоу в КНР) предлагает следующие базовые отличия своего направления:

1. В отличие от большинства подходов, КАД фокусируется на культурной и властной природе знания, помещая себя в «межкультурное» теоретическое пространство. Прагматической основой КАД является рефлексия, направленная на культурное сосуществование и взаимовыгодный культурный прогресс.
2. В противовес «абсолютистским» теориям дискурса, КАД подчеркивает культурные и постколониальные особенности дискурсов. КАД критически исследует механизмы производства смыслов с помощью таких дискурсов и создает теоретические основы для возможных культурных трансформаций
3. Отличаясь от универсальных априорных научных подходов, КАД формулирует стратегии, направленные на выявление и критику репрессивных дискурсов и поддержку и развитие подавляемых дискурсов в целях формирования межкультурной коммуникации нового типа.
4. КАД представляет собой гибкую систему, предмет исследований в которой может меняться в соответствии с культурной ситуацией и политическими реалиями. Примером таких предметов могут быть культурный «Другой» в западных постколониальных дискурсах, маргинализация дискурсов культур, отличных от западной, формирование дискурсов культурного взаимопонимания, свободы и толерантности – *перевод мой – Е.П.* (Shi Xu, 2005, с.7).

Итак, рассмотрим положения, на которых базируется современный культурологический анализ дискурса более подробно.

Теоретики КАД полагают, что языковое общение в целом и дискурс в частности, является неотъемлемым интегративным элементом культуры. В свою очередь, критикуя дискурсные подходы (в частности КДА), рассматривающие культуру как эпифеномен, имеющий некоторое отношение к дискурс-анализу, сторонники КАД утверждают, что культура пронизывает насквозь каждый элемент человеческого опыта, оказывая влияние на без исключения все стороны социальной жизни и интегрируясь глубоко в социальную реальность. Иными словами, по мнению исследователей КАД «Человеческая реальность – это всегда культурная реальность» (Shi Xu, 2005, с.53). В результате культура представляется не статичным единством фиксированных смыслов; каждый элемент культуры приобретает смысл лишь в процессе «проживания» культуры людьми. В процессах ежедневных жизненных практик люди «осуществляют»

культуру, производят, воспроизводят, трансформируют и приспособливают ее элементы. Возникающая в результате этого производства реальность (Я, индивидуальная, национальная, гендерная идентичность и т.д.) представляет собою, прежде всего, культурный конструкт.

Принципиальной теоретической основой КАД является отрицание идеи о том, что знак изначально содержит в себе смысл, а языковая коммуникация представляет собой инструмент для передачи смысла и, как таковая, дает возможность описания действительности с незначительными изменениями в зависимости от конкретного языка описания. Последовательно отрицаются также и подходы, связанные с онтологизацией действительности и возможностью ее субъективного познания. Исследователи КАД отмечают, что подобные подходы не могут быть адекватно использованы для решения задач, связанных с оптимизацией межкультурных коммуникативных процессов, гармонизацией и эмансипацией дискурсов. Причиной тому служит с одной стороны неспособность упомянутых концепций признать смыслообразующую роль коммуникации (в соответствии с которой язык проецирует смысл на предметы, людей, а также формирует нормы и ценности культуры) (Lee, 1992). С другой стороны, по мнению некоторых исследователей можно проследить развитие «репрезентативных» теорий через генезис западной религии и науки вплоть до философии Платона и Аристотеля в Древней Греции (Gergen, 1999). Логоцентричный репрезентативный подход, зачастую исключает, таким образом, культурные реалии других народов, претендуя на объективность и монополию на общенаучные и, следовательно, общемировые истины. Результатом таких подходов становится ситуация, при которой западные исследователи рассматривают проблемы общемирового или, напротив, локального «незападного» характера, при этом «диктуя свои истины с высоких трибун» доминирующих научных дискурсов. Очевидно, в условиях, когда отдельные страны обладают львиной долей мирового богатства, а отдельные языки доминируют в мировом информационном пространстве, мнения иных культур нивелируются, а альтернативные дискурсы признаются несостоятельными, нелепыми и абсурдными с точки зрения «истины», «науки», «исторических реалий», «общемировых ценностей» и «здравого смысла». В этих условиях КАД ставит задачу исследования дискурсного пространства, выявления скрытых условий формирования подобного рода «объективных истин». Для этого исследователи КАД принимают теоретико-методологическую позицию, в связи с которой язык в процессе коммуникации не только описывает некую реальность за его пределами, но напротив, сам является агентом трансформаций смысла, формируя и изменяя культурные значения явлений, предметов и объектов в конкретных исторических рамках. Вслед за К. Гирцем, утверждавшим, что в культурантропологии могут быть эффективны только узко сфокусированные исследования, исследователи КАД стремятся фокусировать анализ на конкретных культурных ситуациях, происходящих в определенный момент времени и имеющих фиксированный культурно-коммуникативный и языковой характер. Дискурс определяется, как «языковая коммуникация в культурном контексте» (Shi Xu, 2005, с.19), под термином «языковая коммуникация» предлагается понимать «конструирование значений

посредством (главным образом) языковых символов в конкретных культурных контекстах» (Shi Xu, 2005, с.19). Очевидно, что, придавая дискурсу столь важную роль, какой является конструирование значений, КАД неизбежно встает на позиции социального конструкционизма. Ши Сиу утверждает: «реальность не существует вне особых дискурсивных практик, посредством которых она реализуется в значимых темах, объектах обсуждения или побуждении к действию – *перевод мой – Е.П.*» (Shi Xu, 2005, с.24). Между тем, в отличие от дискурсивных теорий социоконструкционистов, КАД не стремится онтологизировать дискурс. Рассматривая связь между дискурсом и реальностью, данное направление дискурс-анализа уходит в сторону от проблем соотношения между дискурсивным и «недискурсивным» и фокусируется на проблемах семиотического конструирования людьми и обществом окружающей реальности. Повторим, что здесь речь идет не о некоем «бытии», существующем вне семиотических систем (жизнь растений и простейших животных, химические процессы в клетках, работа мозга и т.п.), а о «проговариваемой», социальной реальности, которая может быть артикулирована и сформулирована только на основе семиотических процессов, важнейшим из которых является дискурсивное конструирование смысла. Итак, КАД признает одновременно, что социальная реальность конструируется дискурсивно, и что отношения доминирования и подчинения играют важнейшую роль не только в формировании отдельных культур, но и в их взаимоотношениях в процессах межкультурной коммуникации. Из этой позиции следует, что современные системы знаний, с их позициями авторитета, правды, адекватности и здравого смысла конструируются дискурсивно в определенных временных рамках и, теоретически, могли бы быть иными. Кеннет Джерджен формулирует идею, которую можно соотнести с идеологической точкой зрения сторонников КАД:

«В сущности, любая власть – будь то ученый, интеллектуал, судья верховного суда или религиозный лидер – может быть подвергнута идеологической критике, т.е. критике эксплицирующей скрытые интересы, ценности, доктрины, которые скрываются за формально – правдивыми заявлениями. Подобная идеологическая критика показывает, что слова этих людей не отражают мир объективно, напротив, их скрытые интересы определяют выбор тех или иных утверждений... - *перевод мой – Е.П.*» (Gergen, с.22). Несмотря на то, что подобные позиции сближают теоретические платформы между КАД, КДА и другими направлениями (например, социальному конструкционизму Э. Лаклау и Ш. Муффа). Ши Сиу в своих работах подвергает КДА критике. Данная критика формулируется на трех основных позициях: критика универсализма понятия «дискурс», критика «акультурализма» и критика эксклюзивности в критическом дискурс анализе в частности, и в дискурс-анализе вообще.

Модель культурологического анализа дискурса

Рассмотрев общие теоретико-методологические основания и принципы КАД, мы переходим к описанию практической модели дискурс-анализа в данном направлении. Как и во многих других дискурсно-аналитических

течениях, аналитическая модель КАД не является строго фиксированной и представляет собой, главным образом, «мягкое» руководство по практическому анализу дискурсов культур.

Основание модели

Практический анализ культуры в КАД базируется на трех основаниях. Во-первых, подчеркивается «мягкий характер» аналитической модели КАД. Элементы стратегии и модели анализа могут трансформироваться в зависимости от конкретного материала, контекста, цели исследования, а также опыта исследователя. Во-вторых, предлагаемая модель не претендует на исчерпывающий анализ культурных дискурсов. Предполагается, что модель КАД может и должна развиваться и дополняться на основе локальных культурных интеллектуальных традиций и исследовательских методик. Данная стратегия позволяет адаптировать модель КАД к условиям конкретного анализа в уникальных культурных, географических и временных рамках. В-третьих, элементы моделей могут взаимно дополнять или заменять друг-друга, а также вступать в междисциплинарные отношения с исследовательскими моделями других научных отраслей: антропологии, истории, психологии, политологии, социологии, экономики, права и т.д.

Элементы модели

Итак, модель культурологического анализа дискурса базируется на сочетании следующих структурных элементов:

- I. *Деконструкция.* На данном этапе анализа основная стратегия направлена на выявление, экспликацию и критическое описание доминирующих культурных дискурсов - дискурсов «культурного империализма», в терминах Ши Сиу. Несмотря на то, что культурный империализм может реализовываться, посредством целого ряда практик (экономика, дипломатия, визуальные формы искусства и т.д.), КАД фокусируется на дискурсивном производстве культурного империализма. Деконструкция, как этап КАД, предполагает выполнение следующих задач.
  - a. Идентификация и характеристика дискурсов культурного империализма. Основным индикатором таких дискурсов является смысловое и эмоциональное «напряжение» вокруг знаков, соотносящихся с расой, цветом кожи, гендером, национальностью, этничностью, колониальной историей, идентичностью, религией, географическим положением, экономической ситуацией и т.д.
  - b. Анализ и критическое описание видов и форм культурного империализма в различных СМИ (повседневная речь, газеты, радио, телевидение, цифровые медиа, кино, музыка, литература, учебники, журналы и т.д.), а также в различных жанрах и стилях.
  - c. Экспликация и «распатывание» дискурсивно формируемых структур «здорового смысла». На данном этапе анализа необходимо сосредоточиться на таких знаках, как «само собой разумеющееся», «должное», «объективность», «здоровый смысл» и т.д. Кроме того, необходимо изучить все допущения, идеи, мнения, категории, определения и другие формы, посредством которых культурная иерархия и подавление воспроизводятся и поддерживаются в дискурсах. При этом необходимо помнить, что значительное количество репрессивных форм, о которых идет речь, воспроизводятся посредством

языковых – стилистических, лексических и риторических приемов. Такие формы глубоко погружены в структуру языка и требуют подробного анализа для их экспликации.

d. Демонстрация и критика имплицитных значений, умолчаний и неравенства. Культурный империализм не всегда проявляется в дискурсах эксплицитно. Как правило, его смыслы вуалируются в языковых структурах (косвенная речь, использование пассивных конструкций и т.д.). Кроме того, манипулятивные цели могут достигаться путем «замалчивания», «опущения подробностей», «отсутствия упоминания» об идеологически альтернативных мнениях и смыслах. Еще одним инструментом манипуляций может быть иерархизация знания в форме призывов к интеграции, систематизации, универсализации. Следует также обратить внимание на различные виды повторений, клише, примеров, а также информации соотнесенной с «личным опытом», воспоминаниями, аллюзиями и т.д.

II. *Трансформация.* Этап трансформации образует вторую, конструктивную часть модели КАД. На данном этапе КАД формирует собственную уникальную (в противовес всем остальным направлениям дискурс-анализа) стратегию, которая призвана быть дальнейшим шагом, следующим за выявлением форм, видов и стратегий доминирования, подавления и неравенства в дискурсах межкультурного пространства. Сущность этого шага – генерирование и продвижение новых, а также альтернативных дискурсов в пространстве межкультурной коммуникации. Дискурсов, направленных на достижение более гармоничного, солидарного, эффективного культурного сосуществования. Данная часть модели предполагает наличие следующих компонентов:

a. Исследование и реактуализация подавляемых дискурсов, идентичностей и мнений. Репрессивный характер доминирующих культурных дискурсов ведет к нехватке взаимопонимания между участниками межкультурного диалога. В этой ситуации, значительное количество современных межкультурных, межрасовых и межнациональных конфликтов разгорается в том числе и по причине «нежелания» представителей доминирующих культур «выслушивать» альтернативные мнения. В этой связи одна из основных задач аналитика КАД – эксплицитировать такие мнения, продемонстрировать их историческую, культурную и политическую основу, объяснить, почему данные мнения замалчиваются или подавляются. При этом необходимо не только твердо придерживаться презумпции права на свободный диалог со стороны всех культурных дискурсов, но и демонстрировать, как исторические, политические, экономические и иные причины влияют на нарушение этого права, как одни дискурсы становятся доминирующими, а другие лишаются своего «права голоса».

b. Создание условий для интенсификации и оптимизации межкультурной коммуникации. Условия доминирования некоторых дискурсов в пространстве межкультурного диалога поддерживаются не только на основе репрессивного подавления, но и за счет нехватки координации и совместных действий со стороны представителей культур третьего мира, агентов альтернативных (в расовом, этническом, географическом, экономическом плане) мнений. В этой связи практической задачей КАД является всемерное содействие

интенсификации и укреплению межкультурного диалога. Реализация данной задачи предполагает активное изучение культур и дискурсов, издание работ на основе КАД по проблемам межкультурной коммуникации, улучшение условий для диалога, на основе формирования эффективных коммуникативных стратегий и правил для его участников.

с. Создание и развитие дискурсов культурной солидарности, взаимного процветания и развития. Одновременно с интенсификацией и оптимизацией условий межкультурной коммуникации предполагается активное участие КАД во внедрении новых концепций, перспектив и оснований для формулирования новых альтернативных мнений, концептов и в конечном итоге новых «модусов речи», которые позволили бы людям лучше понимать друг друга и быть терпимее к иным мнениям, позициям и культурам.

d. Развитие мотивации к позитивным культурным изменениям. Несмотря на то, что сегодняшний мир разделен конфликтующими дискурсами этничности, колониализма, расизма, сексизма, сектантства и т.д., сторонники КАД утверждают, что нынешнее положение вещей может быть изменено с помощью коллективной работы и общего участия в построении более гармоничной межкультурной коммуникации, и в конечном итоге – более гармоничного и мирного мирового сообщества. Подобные трансформации потребуют усилий, связанных с изменением дискурсов самых различных сфер и социальных институтов. Однако не следует принимать нынешнее положение вещей, как «естественно данное», «нормальное», как нечто, что невозможно изменить если не сейчас, то в будущем. Несмотря на то, что подобные изменения потребуют значительных ресурсов, поддержка и развитие инициатив, направленных на достижение более гармоничного сосуществования, несомненно оправдывает себя в исторической перспективе.

Критика КАД

Каковы возможные ограничения и недостатки КАД как теоретического и практического направления? Среди множества возможных направлений критики данного течения, мы хотели бы выделить два. Во-первых – критикуя репрессивную постколониальную англо-американскую науку, КАД, тем не менее, берет у нее подавляющее большинство своих теоретических положений. Вполне вероятно, что критика дискурса, например, может быть сведена к деконструкции логоцентричной западной науки. По сути даже саму концепцию дискурса как теоретического основания теории КАД, можно свести к абсурду, если рассматривать процесс деконструкции не как критическое «прочтение» социума как текста, а как исследование глубинных противоречий внутри философских оснований современной науки, как это делал Жак Деррида. В этом случае мы можем получить «эмансипированную» науку, свободную от логоцентризма, как наследие философии и мировоззрения древних греков (Kagan). Однако будет ли деконструированная теория релевантной для изучения культур, выявления структуры отношений доминирования и подчинения в дискурсах межкультурной коммуникации - этот вопрос остается открытым. Так же открытым остается вопрос о возможных альтернативных научных теориях «не-западного», «небелого» и «не-колониального» происхождения. В этом отношении работы Ши Сиу сохраняют

изрядную долю неопределенности.

Во-вторых, критически рассматривая теорию и практику КАД, целесообразно отметить, что сторонники этого направления сохраняют некоторую тенденцию затенять важнейшие факторы недискурсивного характера, оказывающие решающее воздействие на процессы межкультурной коммуникации. Например, гиперболизируя роль внутридискурсных отношений доминирования и подчинения, теоретики КАД на наш взгляд не достаточно ясно эксплицируют роль экономических, глобализационных, информационных, военных и иных факторов и интересов, которые хотя и обладают частично-дискурсивной природой, содержат значительный недискурсивный компонент. Как, например, быть, когда существует объективная ситуация, при которой развитый «глобальный юг» обладает не только львиной долей мировых богатств, но и подавляющей военной мощью для их защиты? Как примирить, например, враждующих палестинцев и израильтян, поможет ли искусственная трансформация культурных дискурсов, когда на этих территориях ежедневно льется кровь? Поможет ли КАД в ситуациях, когда культурное непонимание и антагонизм производятся и поддерживаются искусственно, когда достижение взаимопонимание просто не является желанным для обеих сторон и каждая из них стремится к своим изолированным целям? Можно ли, наконец, разрешить ситуацию межнационального, религиозного или международного конфликта, когда некоторые силы, доминирующие в одном государстве, стремятся к разжиганию розни и ненависти, планируя военное вторжение? На все эти и многие другие вопросы еще предстоит ответить не только культурологическому анализу дискурса, но и всем смежным направлениям дискурсно-аналитической теории.

Заключение

В настоящей работе мы рассмотрели новое направление дискурс-анализа, связанное с изучением культур в процессах межкультурной коммуникации.

Культурологический анализ дискурса (сокращенно КАД), представляет собой ответвление критического анализа дискурса (КАД), однако имеет существенные отличия. Во-первых, КАД фокусирует свое внимание на критическом исследовании дискурсов, которые вызывают противоречия и непонимание в ходе межкультурного диалога. Во-вторых, КАД преодолевает проблему КАД, связанную с принадлежностью сторонников критического дискурс-анализа к доминирующим культурам и языкам. На примере КАД мы имеем научное направление, стремящееся к объединению научных подходов и стратегий исследователей-культурологов стран третьего мира, а также критикующее современный дискурс-анализ за тотализацию западной научной парадигмы и, в результате, развитие доминирующих концепций, ценностей и взглядов в научном пространстве. В-третьих, в своей аналитической модели, КАД предлагает не только «вскрывать», эксплицировать и критиковать репрессивные позиции, доминирующие дискурсы, мнения и опыт, а также язык, стилистические, риторические, лексические и иные средства, работающие на поддержание отношений доминирования и подчинения в

сфере культурных дискурсов. КАД предлагает реартикулировать культурные дискурсы, подвергнутые маргинализации, замалчиванию и иным формам подавления в межкультурном коммуникативном пространстве. Кроме того, предлагается создавать условия для достижения дискурсивных трансформаций, способствующих гармонизации и оптимизации межкультурного диалога.

Библиография

1. Гирц К. (2004) Интерпретация культур / Пер. с англ. — М.: «Российская политическая энциклопедия».
2. Кожемякин Е.А. (2008) Дискурсивный подход к изучению институциональной культуры. Белгород: Издательство БелГУ.
3. Тэйлор. Э.Б. (1998) Первобытная культура//История мировой культуры. Курс лекций. М.
4. Gergen K. (1999) An invitation to Social Construction. London: Sage Publications.
5. Kagan D. Introduction to Ancient Greek History. Open Yale Courses, University of Yale, <http://oyc.yale.edu/classics/introduction-to-ancient-greek-history> (14.03.09)
6. Lee.D. (1992) Competing discourses: Perspective and Ideology in Language. London: Longman.
7. Shi Xu. (2005) A cultural approach to discourse. Palgrave Macmillan, New York.

ЕВГЕНИЙ КОЖЕМЯКИН
dva@bel.ru

ДИСКУРСНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ КУЛЬТУРЫ

По мнению И.Т.Касавина, привлечение исследовательского внимания к дискурсной проблематике (в первую очередь – понятийно-терминологической) связано, главным образом, с индивидуализацией языковой коммуникации, «когда тексты начали избавляться от анонимности и вставал вопрос об их генезисе в процессе личного творчества» (Касавин, И.Т. 2006. - С.7), то есть в эпоху Возрождения. Этимологически термин «дискурс» восходит к латинскому «discurrere», что означает «обсуждать», «вести переговоры», и именно в таком значении он активно использовался в науке XVI-XVIII веков (Cavalcanti, B. *La retorica* (1569); Machiavelli, Niccolo. *Discorso sopra il riformar lo Stato* (1540); Descartes, Rene. *Discourse de la methode* (1637); Galilei, Galileo. *Discorsi e dimostrazioni matematiche intorno a due nuove scienze* (1638); Boyle, Robert. *A Discourse of Things above Reason* (1681); Leibniz, Gottfried Wilhelm. *Discours de Metaphysique* (1686); Rousseau, J.-J. *Discours sur les sciences et les arts* (1750)). Дискурс становится синонимом аргументированной научной речи, направленной на изучение природы вещей и общества; этот термин интерпретируют как рассудочное, целенаправленное и предметно-ориентированное обсуждение научных проблем. Иными словами, в эпоху Возрождения дискурс предстает как план выражения научного поиска и исследовательского процесса. Дискурс, что особенно важно в контексте нашей работы, увязывается с правилами, принципами и нормами рассудочной (или – рациональной) деятельности; иначе говоря, дискурс уже в Новое время трактуется как нормативное и нормирующее образование.

Несколько позже такая трактовка и такое понимание дискурса побуждает некоторых исследователей к его «догматизации»: как отмечает Касавин И.Т., «в этом контексте историческая миссия дискурса состояла в создании функционального эквивалента божественному откровению» (Касавин, И.Т. 2006. - С.7).

«Дискурсивным» стало называться такое систематическое, рассудочное, аналитическое мышление, которое последовательно делает познаваемым предмет изучения (Р. Декарт). Дискурсивное мышление полагается в противоположность синкретическому мышлению и интуиции. В работах Канта и Гегеля «дискурсивный» становится оппозицией по отношению к «интуитивному»: Кант (Кант, И. 1964. - С.68-756.) противопоставлял дискурсивную ясность понятий, достигаемую посредством рассуждений, интуитивной ясности, достигаемой посредством созерцаний; Гегель (Гегель, Г.В.Ф. 1959. - С.35.), понимая дискурсивное мышление как формальное и рассудочное, противопоставлял его спекулятивному мышлению.

Что касается формально-коммуникативной стороны, дискурс полагался как монологическое образование, имеющее такие способы выражения, как письмо, научный трактат, структурированная научная речь. Это представление возникает

вследствие следующей логики: поскольку рассудочное мышление предполагает постоянную актуализацию саморефлексии и интроспекции, дискурс «замыкается» на себе самом в том понимании, что не предполагает «внешних» речевых или мыслительных стимулов для дальнейшего саморазвития и саморазворачивания. Дискурс представляется как самодостаточное явление, хранящее в себе весь необходимый потенциал для своего воспроизводства. Именно в такой интерпретации («дискурс как монолог», «дискурс как саморефлексия», «дискурс как система») он противопоставляется разговорной речи или повседневным диалогам.

В XVIII в. понятие дискурса дополняется представлением о нем, как о преимущественно эссеистском образовании: подобное уточнение связано именно с тем, что интроспекция полагалась неотъемлемой и специфицирующей частью дискурса, а интроспекция и саморефлексия предполагают относительно свободное выражение рассуждений, сколь уж речь идет об обращении к глубинному содержанию предмета исследования и внутренним структурам исследовательского процесса. Таким образом, дискурс и научный трактат эссеистского типа сосуществуют друг с другом в качестве не просто синонимических понятий, но, скорее, как содержание и форма.

Однако, в XIX в. эссеистский стиль научной устной и письменной речи постепенно заменяется точным стилем описания. Представление о науках как о формализованной деятельности, жесткая ориентация на «натуралистское» истолкование действительности, образ истины как феномена, поддающегося количественному измерению – всё это изменяет требования к форме выражения и презентации научных результатов. Отныне наука не допускает «свободного» (пусть даже в высшей степени рассудочного и интроспективного) выражения научной мысли, каковым является дискурс в том его понимании, которое было распространено в предшествующих столетиях. Как следствие, категория дискурса либо вымещается в область эстетического, либо подвергается попыткам понятийной трансформации – в понятие дискурса привносятся формально-логические, терминологические и понятийные параметры.

Вышеупомянутое «расщепление» сферы использования термина «дискурс» крайне важно для понимания того многообразия в его дефинициях и того спектра подходов его изучения, которые возникли и интенсивно развились в двадцатом веке. Еще раз подчеркнем: в XIX веке в силу модернизации науки и исследовательского процесса понятие дискурса начинает сосуществовать одновременно в двух сферах. В области точных наук дискурсом обозначают корректное в формально-логическом отношении, систематичное и целенаправленное научное мышление, а в области эстетики и литературы (в области будущих гуманитарных наук) – интроспективное, рассудочное, «свободное» выражение мысли, не обязательно носящее научный характер. «Нормативность» сохраняется за категорией дискурса как одно из его ключевых (наряду с языковым способом существования, монологичностью, рассудочностью) свойств: в формальных и эмпирических естественных науках под нормативностью дискурса понимается система формально-логических правил и методологических принципов, в области эстетики и литературы – система риторических и эстетических фигур.

Итак, в классической парадигме под дискурсом понимается практика мышления, характеризующаяся последовательностью, логичностью и развертыванием в понятиях и суждениях. В неклассических и постнеклассических парадигмах объем этого понятия в значительной степени меняется.

В конце XIX – первой трети XX века интерес к дискурсной проблематике вновь возрастает в связи с развитием аналитической и лингвистической философии. Проблема языка занимает ключевое место в работах Г.Фреге, Ч.Пирса, Л.Витгенштейна, Ч.Морриса и других. Термин «лингвистический поворот», с помощью которого принято описывать ситуацию, сложившуюся на тот момент преимущественно в философии, имеет отношение к смещению исследовательского акцента с метафизики сознания и картезианского *cogito* на проблему языка как предельного онтологического основания мышления и деятельности. Формула «язык – царство бытия» становится знаковой для лингвистически ориентированных исследований того времени. Однако, сам термин «дискурс» не используется широко в работах философов, и его содержание не подвергается трансформациям, на наш взгляд, именно в силу активного переосмысления базовой категории – языка, который начинает трактоваться как предельное онтологическое основание мышления и деятельности.

Во второй половине XX века ситуация с дискурсной проблематикой кардинально меняется: дискурс становится одной из ключевых категорий научного анализа, а также предметом специальных исследований в области целого ряда дисциплин. С одной стороны, интенсификация и диверсификация теорий дискурса вызвана тем, что происходит «дробление» человековедческих наук на более специализированные дисциплины: появляются такие науки, как этнография, социолингвистика, социальная психология, историография, психосемантика, социальная антропология и так далее. С другой стороны, сам многоаспектный и многоуровневый предмет дискурс-анализа (то есть сам дискурс) предполагает разработку некоторой междисциплинарной методологической программы. Дискурс, перейдя из области эпистемологических в сферу онтологических категорий, начинает трактоваться не только как более или менее автономный лингвистический феномен, но как основа и условие существования любой культуры, и, следовательно, его изучение предполагает консолидацию усилий и потенциалов различных отраслей научного знания. И, наконец, в значительной степени интенсификация дискурсных исследований связана с трансформациями в лингвистических теориях, а также со становлением и развитием семиотики как специализированной области знания. В совокупности эти процессы оказали огромное влияние на развитие современных социально-гуманитарных наук, философии и культурологии, поэтому обратим на эти изменения в области лингвистики особое внимание.

Начало экспансии (а также – ре-интерпретации) термина «дискурс» в гуманитарных науках XX века связывается с работой бельгийского лингвиста Э. Бюиссанса, вышедшей в 1943 году и озаглавленной «Об абстрактном и конкретном в лингвистических фактах: речь, дискурс, язык» (Buysens, E. 1943.

Р.17-23.).

Бюиссанс расширяет классическую бинарную оппозицию «язык – речь» за счет введения нового элемента – *дискурса* – под которым понимался своего рода «проводник», «медиум» между абстрактной знаковой системой и живой речью; иными словами, в этой оппозиции дискурс трактовался как механизм актуализации языка в естественной коммуникативной ситуации, результатом чего являлось развертывание речи. Однако, вплоть до конца 60-х годов понятие «дискурс» в широком академическом употреблении не выделяется в отдельную категорию и зачастую используется в качестве синонима понятий «текст», «речь» и даже в ряде случаев понятий «коммуникация» и «язык». Этому способствует возникновение и развитие семиотики как общей теории знаковых систем и, в частности, ее успешные попытки расширить представления о языковых формах. Согласно семиотическим представлениям, формы существования языка многообразны и включают в себя как вербальные, так и невербальные репрезентации: язык проявляет себя и в графическом изображении, и в вербальном тексте, и в телесных жестах, и в иных знаковых формах.

Ролан Барт (См., например: Барт, Р. 2001.) утверждал, что семиотический проект предполагает изучение «больших значащих единиц», к которым относятся тексты и дискурс, понимаемый им как синтетическое и интегрирующее транстекстуальное образование, обладающее такими свойствами, как функциональность, процессуальность, актуальность. Транстекстуальность дискурса указывает на сложность его организации: помимо очевидных языковых элементов дискурс включает в себя, например, психологические (мотивы, интенции, потребности), социальные (роли, статусы, интеракции) и прочие элементы. Пожалуй, именно семиотическая трактовка дискурса сделала возможным понимание его как важнейшего аспекта культуры или – как важнейшей формы ее существования. В этом его понимании категория дискурса вскоре составит конкуренцию категории текста в отношении трактовки культурно-конструирующих функций.

В 70-х годах XX века происходит спецификация категории дискурса в научных исследованиях на фоне коррелирующего с ним понятия «текст»: либо дискурс интерпретируется как способ актуализации текста (в этом отношении семиологии приводят аналогии с другой логической парой – «предложение – высказывание»), либо текст и речь трактуются как аспекты дискурса. В первом случае – признавая факт первичности текста по отношению к дискурсу – изучение дискурса предполагало исследование преимущественно динамической формы существования текста, а сам анализ приобретал черты формально-функционального исследования. Во втором случае – признавая факт первичности дискурса по отношению к тексту – исследовательские проекты были ориентированы на довольно широкую предметную область – фактически в нее попадало любое действие с использованием языка и речи.

Такое парадоксальное понимание содержания понятия «дискурс» приводит к тому, что к концу 70-х годов XX века окончательно формируются и бурно развиваются несколько относительно независимых направлений и школ дискурс-анализа, среди которых наиболее влиятельными и продуктивными являются следующие: а) французская школа дискурс-анализа (М. Пешё, П.

Анри, Ж.Ж. Куртин); б) теория речевых актов (Дж. Остин, Дж. Р. Сёрль, П. Коул и др.); в) разговорный анализ (Г. Сакс, Э. Щеглов, Г. Джефферсон и др.); г) Бирмингемская школа дискурс-анализа (Дж. Синклер, М. Кулхард и др.); д) социолингвистика (Дж. Фишман, С. Эрвин-Трипп, У. Лабов и др.); е) критический дискурс-анализ (Г.А. ван Дейк, Р. Лаков и др.). Подчеркнем, что все вышперечисленные школы либо представляли и представляют собой ярко выраженные лингвистические течения (например, Бирмингемская школа или разговорный анализ), либо демонстрировали попытки интегрировать лингвистические концепции в другие науки – в философию (французская школа дискурс-анализа), в социологию (социолингвистика), в политологию и семиотику (критический дискурс-анализ) и так далее.

Лингвистические школы объединяет то, что они традиционно в качестве важнейшей структурной единицы дискурса рассматривают его тематическое ядро, топику. С точки зрения *лингвистики* организация смысла в дискурсе, а также его спецификация определяется не целью, не контекстом, не исследовательской проблемой, а непосредственно темой, которая трактуется как динамическое образование – она разворачивается в ходе дискурсивной практики. Тема в свою очередь трактуется не просто как коммуникативно-речевое образование, но как социокультурный феномен: за различными культурными ситуациями, практиками и сообществами закреплена определенная «реестр» тем. Иными словами, реализация дискурса трактуется лингвистами как формально-функциональный процесс, но обусловленный конкретными культурными условиями.

Акцент на динамической стороне дискурса, а также на первичности дискурса по отношению к тексту является одним из ключевых аспектов в трактовке дискурса в *теории коммуникации*: дискурс здесь понимается как коммуникативное действие, в ходе которого продуцируются и артикулируются тексты (См., например: Кашкин, В.Б. 2003.).

Дискурсивная проблематика, инициированная лингвистами, затронула даже область исторической эпистемологии: анализ специфики исторического дискурса был комбинирован с семиотическим подходом, что в итоге привело к разработке лингвосомиотической *концепции дискурса как нарратива* (Р.Барт, Х. Уайт, Ф. Анкерсмит). Согласно этой концепции базовыми компонентами дискурса, в частности по Уайту, являются типы сюжетопостроения (Таких типов выделяется четыре: романтический нарратив, трагедия, комедия и сатира. Основанием для такой классификации является характер архетипа, лежащего в основе повествования: это, соответственно, победа добра над злом, гибель победившего героя, эпизодические победы при невозможности конечного триумфа, триумф мира над человеком.), стратегии аргументации (Основными типами дискурсивной аргументации Уайт называет формализм, механицизм, органицизм и контекстуализм.) и идеологические импликации (к идеологическим импликациям (стратегиям) Уайт относит анархизм, радикализм, консерватизм и либерализм.). Все три компонента дискурса соотносятся между собой, специфицируя тот или иной дискурс. Однако, данный подход к анализу дискурса, несмотря на свою кажущуюся завершенность и последовательность, все же не смог выполнить роль «жесткой» структурной модели дискурса,

ограничив свои возможности изучением нарративных историко-политических текстов.

Итак, активное «рассеивание» и специализация теорий дискурса в пространстве смежных дисциплин привело к тому, что лингвистика на сегодняшний день закрепила за собой довольно узкую область исследования дискурса – это исключительно «формальная» сторона организации дискурса на языковом уровне (лексика, синтаксис, грамматика).

Дискурсная проблематика, категория дискурса и собственно дискурс-анализ получают дальнейшее развитие «за пределами» лингвистики – то есть в сфере философии, культурологии и социально-гуманитарных науках. Это развитие, безусловно, в значительной степени обусловлено вышеупомянутыми достижениями лингвистики.

В рамках философско-культурологических и социально-гуманитарных теорий дискурса так же, как и в собственно лингвистических теориях, не наблюдается сколь бы то ни было очевидного единства мнений и взглядов на природу дискурса, его параметры и основные категории. Однако, если в лингвистике такой «конфликт интерпретаций» был представлен спорами о характере детерминации связки «дискурс - текст», то в остальных науках он, скорее, является историческим следствием различных трактовок дискурса – напомним, что еще в конце XIX века последний трактовался либо как монологичное рассудочное рассуждение, либо как свободное эссеистское изложение мыслей.

Философско-культурологические теории дискурса в XX веке в основном относятся к двум направлениям. К *первому направлению* принадлежат дискурсные теории в рамках немецких школ философии языка (Более подробно см.: Соболева, М.Е. 2005.) (например, конструктивистские теории Эрлангенской школы, «философия нормального языка» А.фон Савиньи, прагматические теории Ю.Хабермаса и К.-О.Апеля, теория верификационной семантики Э.Тугендхата и другие). Их базовые положения имеют в своей основе, с одной стороны, идеи Канта о монологическом рассудочном дискурсе как форме логического познания и, с другой стороны, англо-американские теории речевых актов. Иными словами, это направление философско-культурологических теорий дискурса продолжает ту исследовательскую традицию, которая в конце XIX века постулировала дискурс как нормативное формально-логическое образование. Так, в частности Юрген Хабермас формулирует логико-этические принципы дискурса в рамках разработанной им и его учениками теории коммуникативного действия.

Хабермас предпринял попытку интеграции понятия «дискурса» в корпус категорий, фиксирующих систему социального действия. К последним традиционно относят стратегическое, нормативное, драматургическое, коммуникативное действия; при этом Хабермас считает именно коммуникативную модель действия наиболее продуктивной в отношении формирования стабильных, легитимных отношений и устойчивых личностных структур. Соответственно, дискурс, будучи разновидностью социально-ориентированной практики, «обеспечивает», поддерживает реализацию коммуникативного действия, образуя идеальную поведенческую модель. В

нормативном аспекте дискурс осуществляется при соблюдении ряда правил (например, правило полноправного участия в дискурсе всех участников или правило достижения аргументированного согласия), что задает потенциальную позитивную значимость дискурса в аспекте достижения солидарности и интеграции общества. Таким образом, дискурс мыслится как феномен культуры, как её интегрирующий механизм, а также как нормативное пространство культуры.

Ко *второму направлению* относят французские школы дискурс-анализа (например, Мишель Фуко, Жан Бодрийяр, Жак Лакан, Мишель Пешё, Поль Анри, Патрик Серио). Это направление, с одной стороны, базируется на критике рациональности Ницше и Хайдеггера, философии жизни Анри Бергсона и, с другой стороны, интегрировано в структуралистские и постструктуралистские парадигмы. Развивая другую традицию, заложенную в конце девятнадцатого века, - традицию изучения дискурса как риторического и эстетического образования, эта группа теорий в основном отождествляет дискурс с феноменом власти, полагая его исключительно в сфере социальных отношений и взаимодействий. В рамках этого направления принято отмечать две доминантные теории, радикально повлиявшие на содержание большинства дискурсных исследований: теорию дискурсивных формаций (теорию археологии и генеалогии) Мишеля Фуко (получившее в дальнейшем свое развитие в теории «автоматического анализа дискурса» Мишеля Пешё) и психоаналитическую теорию дискурса Жака Лакана. На последние две мы обратим особое внимание в следующих разделах нашей работы, рассматривая их как внесшие наиболее значительный вклад в разработку глубокой философской парадигмы дискурсных исследований. Сейчас же обратим внимание на ключевые положения других теорий и концепций французской традиции.

Жан Бодрийяр расширяет понятие дискурса, включая в него предметы обыденной жизни, поскольку они выполняют не просто бытовые, но социально-коммуникативные функции и транслируют социальные смыслы, активно участвуя в воспроизводстве социальных статусов, групп, институтов, культуры. Французский мыслитель отмечает: «...предметы являются носителями индексированных социальных значений, носителями социальной и культурной иерархии, что обнаруживается в мельчайшей из их деталей – форме, материале, цвете, сроке службы, расположении в пространстве и т.д. – то есть они конституируют некоторый код» (Бодрийяр, Ж. 2004. – С.21.). Потребление в таком контексте рассматривается Бодрийяром как, с одной стороны, условие воспроизводства культуры и, с другой стороны, как приобретение дискурсов. Обладание дискурсами, на что указывает Бодрийяр в работе «Соблазн» (Бодрийяр, Ж. 2000.), равнозначно обладанию всем символическим миром, в то время как обладание властью есть обладание только реальным миром.

Помимо включения предметного мира в поле дискурсных исследований, французские философы и культурологи прибегают также к анализу идеологических формаций. Например, Патрик Серио определяет предметную область дискурс-анализа как *«тексты»* в полном смысле этого термина произведенные в институциональных рамках, которые накладывают сильные

ограничения на акты высказывания; наделенные исторической, социальной, интеллектуальной направленностью» (Серио, П. 2001.). Подобное расширение границ дискурс-анализа предполагает анализ текстов, содержащих, поддерживающих и конструирующих определенные идеологические позиции в рамках культуры. Сам корпус текстов при этом трактуется как элемент социального института, представляющего собой условия появления тех или иных высказываний. Мы обращаем наше внимание на то, что в рамках французской традиции дискурсного анализа формулируется проблема субъекта дискурса, и примечательно, что буквально с первых крупных работ по дискурсной проблематике заявляется, что субъектом производства и распространения дискурсов выступают не индивиды, а институциональные образования – властные группы, такие как армия, церковь, медицина, государственный аппарат и т.д. Одной из главных задач этих формаций полагается определение того, что можно, а что нельзя говорить (См., например: Фуко, М. 2004; Фуко, М. 1996; Фуко, М. 2006.).

Мишель Пешё проблематизирует связь фукианской теории дискурсной формации с теорией идеологической формации Луи Альтюссера. Дискурсная формация понимается им как артикуляция, репрезентация, реализация предзаданных идеологических (социальных, социокультурных, культурных) установок коммуникантов. Идеология при этом трактуется как то, что определяет и содержание дискурса, и способы его производства. Таким образом, дискурс в теории Пешё становится своего рода идеологическим «перформансом», формой насилия над индивидом. Эта идея получает в дальнейшем развитие в трудах таких влиятельных ученых-постструктуралистов, как Жак Деррида, Юлия Кристева, Славой Жижек, сформулировавших еще одну глобальную задачу теории дискурса – выработка стратегий сопротивления идеологическому насилию дискурсов и способов элиминации негативного дискурсивного влияния.

В целом, в контексте философско-культурологических исследований «дискурсом» называют либо (а) совокупность рассуждений (логико-формализованных, понятийных, терминологических и т.д.), либо (б) любую целенаправленную речевую (коммуникативную) практику, включая сюда и невербальные единицы (жест, мимику, движение тела, несловесные знаки и символы и т.д.).

В *социально-гуманитарных науках* теории дискурса были порождены преимущественно путем «наложения» философско-культурологических и, главным образом, лингвистических концепций дискурса на предметное поле той или иной дисциплины. Это было вызвано преимущественно тем, что на рубеже 70-х годов исследователи пришли к соглашению, что анализ языка не должен ограничиваться грамматическим анализом абстрактной или идеальной языковых систем: объектом лингвоориентированных теорий должно стать актуальное использование языка в социокультурном контексте. Например, дискурсные исследования в рамках американской социальной психологии пересекаются с изучением речевой интеракции и обозначаются термином «дискурсивная психология» (М.Уэзерелл, Я.Поттер); в американской конфликтологии поле исследований кризисных коммуникативных ситуаций

создало почву для «деятельностно-ориентированных теорий дискурса» (К.Трейси); в европейской политологии критика политических отношений сопрягается с деконструктивистскими моделями языкознания и образует «критический дискурс-анализ» (Т.А.ван Дейк, Н.Фэрклоу, Э.Лаклау, Р.Водак); в сфере культурантропологии структурный анализ мифов, сказок, загадок и других форм устного творчества создал основу для исследований способов коммуникации в различных культурах – в частности, для «этнографических исследований разговора» (У.Лабов, Н.Рис, Э.Щеглофф) и «интеракциональной социолингвистики» (Дж.Гамперц, Д.Хаймс, З.Бауман); в европейской когнитивной психологии растущий интерес к проблемам семантической памяти привел к разработке когнитивных моделей понимания связного текста и дискурса (Д.Кинч, Т.А.Ван Дейк).

Если в 70-х и 80-х годах социально-гуманитарные исследования дискурса проводились более или менее независимо и автономно друг от друга, то в 90-х гг. и в начале нового тысячелетия активизируется интеграция дискурсных теорий. Отмечаются многочисленные пересечения между лингвистикой и психологией, лингвистикой и социологией, а также между политологией и этнографией, психологией и антропологией, семиотикой и политологией.

Обратимся еще раз к идеям и положениям М.М.Бахтина, поскольку они в значительной степени подготовили основу для современных дискурсных исследований и явились в своем роде основой для междисциплинарного изучения дискурса культуры.

По Бахтину культура как общение живет не только в настоящем, но и обладает определенной формой - это форма произведения, которое понимается как «форма общения индивидов» (Цит. по: Библер, В.С. 1990. – С.289), которые, осуществляя коммуникацию, «изобретают мир впервые». Говоря о диалоге как единственно возможной форме со-бытия людей и бытия культуры, Бахтин утверждал: «Чужие сознания нельзя созерцать, анализировать, определять как объекты – с ними можно только диалогически общаться. Думать о них – значит говорить с ними» (Там же, с. 146-147.). Диалог по Бахтину не есть просто общение, разговор, речевая деятельность – диалог есть взаимное самопознание и самоутверждение. Диалог понимается как единственно возможная форма со-бытия, существования культуры.

Диалогичное общение индивидов происходит благодаря специфичной составляющей общения - тексту. По утверждению М.М. Бахтина, культуру и человека можно изучать только через тексты, созданные или создаваемые ими. Текст, по Бахтину, может быть представлен в разных формах: как живая речь человека; как речь, запечатлённая на бумаге или любом другом носителе (плоскости); как любая знаковая система (иконографическая, непосредственно вещная, деятельностная и т.д.) (См.: Бахтин, М.М. 1979.).

В любой из этих форм текст может быть понят как форма существования культуры. Каждый текст опирается на предшествующие и последующие ему тексты, созданные авторами, имеющими своё миропонимание, свою картину или образ мира, и в этой своей функции текст несет смысл прошлых и последующих культур, он всегда на грани, он всегда диалогичен, так как всегда направлен к Другому.

Эта особенность текста прямо указывает на его контекстное окружение. Текст всегда направлен на Другого, в этом его коммуникативный характер. По выражению В.С. Библера, текст, понимаемый как дискурс, «живет контекстами..., все его содержание только в нем, и все его содержание - вне его, только на его границах, в его небытии как текста» (Библер, В.С. 1991. – С.76). И здесь мы вновь возвращаемся к необходимости концептуализации *дискурса* как формы культуры. Учитывая вышеизложенные идеи, отметим, что особенностью дискурса является то, что он возникает всякий раз и имеет смысл только тогда, когда предполагает наличие общения отстраненных друг от друга «автора и читателя». И в этом отношении через дискурс изобретается, создается впервые мир, или, применительно к социокультурному пространству, открывается априорная форма повседневного бытия.

И внутренний порядок смыслов, и система языка и дискурса, и картины мира установлены и закреплены в культуре. Это, в свою очередь, предполагает наличие особых легитимирующих и конвенциональных практик, в ходе которых вырабатываются принципы и правила «построения дискурса» («discourse order», Ван Дейк). Очевидно, что чем более легитимными, обязательными и устойчивыми являются эти практики, тем более специфичными будут дискурсы. Иными словами, требуется определить некоторые формы организации социокультурной реальности для того, чтобы выявить характер дискурсных практик, реализуемых в культуре. Подобные формы организации социокультурной реальности известны как институциональные, организационные, групповые, индивидуально-личностные и все они подразумевают наличие дискурса как утверждающего и «скрепляющего» феномена.

Бахтин, изучая тексты культуры, фактически сформулировал одни из ключевых положений дискурс-анализа, однако, сам термин «дискурс» не был им использован в работе.

Учитывая динамично развивающееся взаимодействие между различными отраслями знаний (как направленное на интеграцию дисциплин, так и на их дифференциацию), мы полагаем целесообразным предложить классификацию подходов к дискурс-анализу, основанную не на принадлежности к той или иной отрасли знания (впрочем, такая классификация существует и довольно широко используется в современной науке – социологические подходы, психологические, социолингвистические и т.д.). На наш взгляд, типология подходов должна основываться на различении аспектов общего объекта анализа – то есть аспектов дискурса. Мы выделяем четыре основные группы подходов к дискурс-анализу: формальные, прагматические, структурно-функциональные и критические. В определенном смысле эти четыре группы подходов отражают динамику развития дискурсной методологии, то есть соответствуют тому или иному этапу становления дискурс-анализа, которые мы рассмотрели ранее.

Формальный дискурс-анализ традиционно базируется на идеях структурной лингвистики и семиотики текста. Дискурс рассматривается как автономная сущность и рассматривается преимущественно по отношению к самому себе – к своей структуре, к своей грамматике; иными словами дискурс трактовался в узколингвистическом смысле – как текстовая единица разговорного и

письменного языка. Первым классическим примером формального анализа дискурса, по-видимому, является работа Владимира Проппа «Морфология волшебной сказки» (Пропп, В.Я. 1998.), а также структуралистские исследования мифологических систем, осуществленные К.Леви-Строссом (Леви-Стросс, К. 1983; Леви-Стросс, К. 2007.) и его последователями, семиологические исследования продуктов массовой коммуникации, проведенные Р.Бартом (См., например: Барт, Р. 2001; Барт, Р. 1989.).

Формальный анализ дискурса представляет собой, скорее лингвистический анализ языковых явлений в устной и письменной речи и соответствует первому этапу развития теории дискурса, сформированной в сфере лингвистики. Он не обладает очевидными междисциплинарными связями и не фиксирует исследовательский фокус на экстралингвистических факторах дискурса. В некоторых случаях сфера интереса включает в себя контекст «единств, превосходящих по размеру предложение» (то есть – дискурсов). Под дискурсивным контекстом же понимается «околодискурсивная среда», то есть – другие дискурсы и тексты, формальные свойства организации текста, в крайних случаях – коммуникативные позиции говорящих. Наиболее важным параметром дискурсивного контекста полагается «языковая личность», понимаемая как система языковых особенностей речевого агента. Примером актуальных тем формальных дискурсивных исследований могут быть, например, эволюция дискурсивной и коммуникативной компетентности личности (См., например: Седов, К.Ф. 2004.), «семиосоциопсихологические» процессы смыслопорождения в различных социальных ситуациях (См. работы Т.М.Дридзе.), формирование дискурсивной компетентности (См., например: Левина, Г.М. 2003.).

Появление и развитие *прагматических* подходов к изучению дискурса приходится на вторую половину 70-х годов XX века, когда исследовательский интерес привлекают экстралингвистические измерения дискурса, к которым относятся: интенции говорящего; убеждения, ценности и установки коммуникантов; цели коммуникативных действий; коммуникативные позиции адресата и адресанта; социокультурный контекст общения, который составляют предписания, ожидания, нормы, предъявляемые к организации и содержанию общения. Дискурс, как мы уже упоминали, трактуется как инструмент коммуникативного взаимодействия и решения конкретных задач в данной коммуникативной ситуации. К этой группе подходов следует отнести работы 70-х годов, которые впервые начали полностью или частично позиционировать себя как собственно дискурс-аналитические: это исследования в области повседневного дискурса (конверсационный анализ) (Лабов, Сакс, Щеглофф, Джефферсон), институциональных диалогических дискурсов (Синклэр, Кулхард). Огромное влияние на методологию и технику анализа дискурса оказывает теория речевых актов (Дж.Остин, П.Грайс, Дж.Сёрль) и феноменологическая социология (Шюц, Бергер, Лукман), благодаря которым область повседневного дискурса становится предметом научного исследования. Лингвистическое влияние на прагматические подходы достаточно ощутимо: дискурс здесь исследуется с позиций лингвистической прагматики, применяемой к анализу конкретных социальных ситуаций.

Выделим два основных философских подхода, сформулированные в

области прагматики. Первый – прагмалингвистический подход (или так называемый «радикально-прагматический подход»), который развивается последователями Грайса и иных представителей референциально-логической традиции. Этот подход фиксирует внимание на конструировании значения адресатом посредством когнитивных (или формальных) процедур. Кратко говоря, этот прагматический подход направлен на анализ процедур языкового понимания, основываясь на концепции обусловленности дискурса семантическими и прагматическими явлениями.

Второй – теория речевых актов – ориентирован, главным образом, на изучение социальной обусловленности речевого поведения. В отличие от прагмалингвистического подхода теория речевых актов рассматривает конкретное речевое поведение индивида в контексте более общих дискурсных структур, утверждая, что именно они – структуры дискурса и взаимодействия – обуславливают каждые конкретные высказывания и речевые действия.

К прагматическим теориям дискурс-анализа необходимо также отнести так называемые «дискурсивно-психологические» исследования, фокусирующие внимание на стратегиях коммуникантов в ходе беседы (См., например: Potter, J., Wetherell, M. 1987.).

Относительно ограниченный предмет анализа дискурсивной психологии – разговорный язык, в современное время расширяется до изучения способов репрезентации действительности в конкретном идеологическом и социально-культурном контексте (Я.Поттер, М.Уэзерел, Д.Эдвардс). В рамках дискурсивной психологии принято трактовать дискурс как такое актуальное использование субъектом языка, которое конструирует психическую действительность. В таком контексте дискурсивная психология, устанавливая в качестве базовой методологической формулу «я есть то, что говорится обо мне», приближается к конструктивистским теориям, которые мы рассмотрим далее. Представители дискурсивной психологии фиксируют свое внимание на контекстах (исторических, социальных, культурных) коммуникации, которые, по их мнению, «предлагают» определенные ресурсы для дискурсного конструирования психологической реальности: иначе говоря, психологическая реальность понимается как мобильное и динамическое образование вследствие того, что меняются способы, стратегии и цели ее описания в зависимости от времени, социальных условий и культурных факторов. Подобные модуляции Поттер и Уэзерел фиксируют посредством понятия «репертуары интерпретаций» (См., например: Potter, J., Wetherell, M. 1987.), то есть конкретных дискурсных средств, используемых в определенной ситуации для достижения определенных целей. Таким образом, даже конструктивистская версия, представленная дискурсивной психологией, устанавливает в качестве методологического императива «презумпцию субъекта», который волен манипулировать дискурсом в целях собственного «позиционирования» и «реидентификации» в зависимости от тех или иных условий – а это указывает на прагматический характер дискурсно-психологических концепций.

Исследовательской установкой в прагматических подходах является не только описание и анализ стратегий коммуникативного поведения, но и выявление репрессивных эффектов того или иного дискурса, трактуемых,

однако, как имеющих отношение к мотивации говорящего и целям коммуникативного поведения.

В целом, одной из отличительных особенностей прагматических теорий дискурс-анализа является постулирование субъекта как основания дискурсивных практик: иными словами, действительность не сводится к дискурсу, и лишь субъект волен оперировать дискурсом в соответствии с поставленными целями и в определенном социокультурном контексте.

Становление *структурно-функциональных* теорий дискурса связывается с изменением трактовки дискурса: содержание термина расширяется от единицы устной и письменной речи и коммуникации до социальной практики. Дискурс начинает рассматриваться не просто как языковое единство или инструмент и результат коммуникации, но как социокультурный элемент, зачастую наделяемый статусом агента наравне с субъектами коммуникации. Дискурс рассматривается как социально-семиотическое образование, самоорганизующаяся система. Соответственно, обоснование дискурса в качестве предмета изучения предполагает обнаружение его деятельного, функционального, генеративного потенциала в отношении воссоздания и создания действительности. К подобным подходам следует отнести, в первую очередь, социально-конструктивистские теории (М.Пешё, Н.Фэрклоу, К.Герген), фиксирующие свое внимание на идеологическом, культурно-деятельном и когнитивном аспектах функционирования дискурса.

Социально-конструктивистский подход базируется на следующих допущениях: знания и представления о мире представляют собой результат классификации действительности посредством категорий; «картина мира» и способы ее создания обусловлены историческим и культурным контекстом; знания возникают не только в процессе «чистой» перцепции и логического познания, но и в процессе социального взаимодействия (что в современном информационном мире является доминирующим условием «производства знаний»); социальное взаимодействие имеет дискурсивный характер и предполагает реальные социокультурные последствия.

В ряде версий структурно-функциональных теорий дискурс-анализа отношения обозначаются как то, что непосредственно влияет и предопределяет дискурсивную практику. В качестве примера уместно привести пример семейных отношений, рассмотренный Норманном Фэрклоу (Несмотря на то, что Фэрклоу относит себя к представителям критического дискурс-анализа, мы, тем не менее, возьмем на себя смелость обозначить разработанную им теорию как «функциональную» в силу явных расхождений с критическими концепциями: во-первых, Фэрклоу не «гиперболизирует» дискурсивные практики и формации, как это делают представители критического дискурс-анализа; во-вторых, целью предложенного им подхода является не негативная критика дискурсивной обусловленности социокультурной реальности в отношении тотальных репрессивных действий, а конструктивный анализ места, роли и функций дискурса в контексте той или иной социокультурной деятельности, и, в-третьих, дискурс не интерпретируется им как обширная социальная категория, а лишь как соподчиненное социальное явление.).

По мнению британского исследователя, отношения между членами семьи формируются главным образом на дискурсивной основе, в то же время сама концепция семьи представляет собою так называемый «остаточный» или частичный (“residual”) дискурс, во многом утратив свою гибкую дискурсивную природу и перейдя, таким образом в сферу недискурсивных социокультурных феноменов (Fairclough, N. 1993.).

Очевидно, что подобные «дискурсивные фрагменты» в рамках той или иной культуры представляют собою устойчивые социокультурные образования (архетипы, ценности, концепты, образы) и в то же время «материал» для построения последующих дискурсивных практик. «Формирование общества с помощью дискурса, — отмечает Фэрклоу, — происходит отнюдь не благодаря тому, что люди свободно играют с идеями. Он (дискурс – Е.К.) является следствием их социальной практики, которая глубоко внедрена в их жизнь и сориентирована на реальные, материальные социальные структуры» (Филлипс, Л., Йоргенсен, 2004. – С.102.).

Итак, в рамках функциональных подходов традиционным является рассмотрение политических, социальных, экономических - и в целом, институциональных – процессов как дискурсивных по своей функциональности. Это предполагает в основном следующую интерпретативную схему: дискурс анализируется как важнейшая форма и базовый «режим» функционирования института.

В *критическом* дискурс-анализе дискурсивными практиками обозначаются любые лингвистически опосредованные практики, которые (вос)производятся и интерпретируются социальными агентами. Исходная посылка, на первый взгляд, аналогична той, которая принята в рамках функциональных теорий, однако, в данном случае речь идет о таком свойстве социокультурных отношений, которое в своем роде устанавливает свой диктат в социальном поле. Дискурс трактуется либо как идеологический конструкт, либо как собственно идеология. Соответственно дискурс-анализ предполагает обнаружение и критический анализ отношений доминирования-подчинения, которые отражаются и закрепляются в дискурсе и продуцируются им. В ряде теорий дискурсивные отношения (в частности, дискурсивные практики) интерпретируются не просто как практики, опосредованные языком, но как властные практики, эффектом которых является «производство субъекта», «производство реальности» и управление ими.

Критический дискурс-анализ ориентирован на изучение роли дискурсивной практики в поддержании социального порядка и обеспечении социальных изменений. Соответственно, каждый акт коммуникации трактуется как дискурсивное действие, воспроизводящее общую логику социокультурных и социально-экономических процессов. Любое использование языка в социокультурном контексте (поход в магазин, беседа со знакомыми, разговор между коллегами в офисе, консультация у юриста) есть конкретное выражение абстрактных социокультурных и социально-экономических отношений. Более того, в ряде случаев признается, что сами коммуникативные события программируют структуру и динамику развития глобальных институциональных структур.

«Квинтэссенцией» версии дискурс-анализа, отрицающей недискурсивную обусловленность дискурса, на наш взгляд, следует считать теорию дискурса Эрнеста Лаклау и Шанталь Муфф, которая представлена в их совместных работах — «Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics» (1985) и «Post-Marxism without apologies» (1990). Целью своей версии дискурсного анализа авторы считают выявление и описание процессов структурирования социальной реальности, включающих в себя «работу» по фиксации за теми или иными знаками определенных значений, а также по установлению, воспроизводству и трансформации субъектных и групповых идентичностей. Обозначая данные процессы термином «артикуляция», Лаклау и Муфф поясняют, что «все структурное единство, появившееся в результате артикуляционной практики, (является) дискурсом» (Филлипс, Л., Йоргенсен, М. 2004. — С.49.).

Стоит признать, что подобные радикальные исследовательские позиции являются свидетельством, с одной стороны, «дискурсивного редукционизма» и, с другой стороны, гиперболизировано расширенного содержания понятия «дискурс».

Сравнивая эти четыре подхода к интерпретации дискурса, мы можем заключить, что дискурс в каждом из случаев интерпретации мыслится в диалектической связи с субъектом и действительностью и занимает определенное место в их иерархии.

Так, формальный подход рассматривает дискурс «как таковой» и предполагает следующую формулу интерпретации вышеупомянутой связи: «дискурс — субъект — дискурс» или «дискурс — действительность — дискурс». В рамках прагматического подхода дискурс интерпретируется как эффект или инструмент коммуникативного действия, а формулой является «субъект — действительность — дискурс» или «субъект — дискурс — действительность». Структурно-функциональный подход предполагает интерпретацию дискурса как агента или элемента социальной практики, что выражается в формуле «дискурс — субъект — действительность» или «субъект — дискурс — действительность». Критическая традиция позиционирует дискурс как тотальность, как идеологию или даже как субъекта, а формулой является «дискурс — действительность — субъект» и «дискурс — действительность — дискурс».

Оценивая современный академический статус, проблемы и перспективы дискурсных исследований в науках о культуре, мы можем утверждать, что *дискурс-анализ мыслится и продолжает мыслиться в академических кругах как новая аналитическая перспектива исследования условий производства культуры, социальных отношений, идентичности, знания*. Отличительными чертами теорий дискурса следует считать открытость, недогматичность, гибкость; эти качества, с одной стороны, демонстрируют динамичный потенциал дискурс-анализа в отношении развития, но, с другой стороны, являют собой основные пункты критики дискурсных теорий, которым вменяется непоследовательность, отсутствие прочной и единой методологической и концептуальной базы, преэминентности школ и течений и так далее.

Как полагает Т.А. ван Дейк, с середины 1980-х годов дискурсные исследования вступают в этап внутриотраслевой специализации. Возникают

специализированные теории дискурса (теория идеологического дискурса, теория этнических дискурсов, теория дискурса социальных меньшинств и прочие), а также новые интеллектуальные направления в дискурс-анализе. Дискурс-анализ пересекается со многими исследовательскими моделями и стратегиями: с социально-психологическим анализом коммуникативной компетентности, социологическим статусно-ролевым анализом, этнографическим речевым анализом, психоаналитическим исследованием и прочими. В некоторых случаях дискурсный анализ подменяет собой традиционные лингвистические исследования, в иных случаях – им обозначают любые исследовательские модели и стратегии, применяющиеся в рамках современных парадигм и теорий (например, в рамках критических социальных теорий постмодернистского толка). Это позволяет говорить не о некоем едином академическом дискурсном проекте, сколько о наборе дискурсных исследовательских практик, широко использующихся в различных отраслях социально-гуманитарного знания.

Характерной чертой современного дискурс-анализа является его междисциплинарность. Дискурс-аналитики включают всё новые и новые объекты в поле своего внимания в зависимости от специфики исследовательской сферы: в юриспруденции предметом дискурсного исследования становятся юридические документы и правовые отношения, имеющие текстуальную и диалогическую природу; в сфере масс-медиа исследовательский акцент смещается с ранее распространенного контент-анализа к более комплексному дискурсному анализу текстов средств массовой информации; в клинической психологии и психиатрии исследователи обращаются к изучению терапевтического дискурса; в социальной психологии и связях с общественностью — исследовательский фокус размещается на когнитивных и социальных аспектах коммуникации.

Мы склонны полагать, что подобное положение дел свидетельствует не о неопределенности (или отсутствии) предметного поля дискурс-анализа, а о специфичном эффекте развития двух разных традиций использования термина «дискурс» и различного понимания сущности дискурс-анализа. В связи с этим перед исследователями стоит задача как унификации понятия дискурса, так и уточнения модели дискурсного анализа.

В своей работе «Тридцать две проблемы дискурс-анализа» (1993) американские ученые Паркер и Берман (Parker, I. and Burman, E. 1993.) подробно описали и проанализировали ряд методологических трудностей, связанных с изучением дискурса и, в целом, применением дискурс-анализа как стратегического исследовательского проекта. Несмотря на некоторую претенциозность указанной работы (в значительной степени в ней представлены не столько трудности, сколько критические суждения относительно дискурс-анализа), тем не менее, она представляет собой попытку систематизировать основные барьеры, с которыми сталкиваются исследователи в ходе применения дискурс-анализа. Рассмотрим подробнее замечания Паркера и Берман, расширив их наблюдениями из личного исследовательского опыта, из опыта применения дискурс-анализа в области культурологии, философии, социологии,

психологии, а также из опыта исследований, проводимых после выхода указанной работы, то есть после 1993 года.

Во-первых, как мы уже отмечали, трудности применения дискурс-анализа связаны с многообразием дискурс-аналитических подходов. Трактовка дискурса, построение модели дискурса, выделение его параметров и индикаторов, стратегия дискурс-исследования в значительной степени зависят от подхода, от методологической «рамки», или же – от парадигмы, в контексте которой проектируется исследование. Исследования, основанные на применении дискурс-анализа, часто критикуют за такое использование размытых в терминологическом отношении понятий «дискурс», «текст», «нарратив», «тема», «рассказ», при котором они полагаются как, с одной стороны, само собой разумеющиеся, а с другой стороны как взаимозаменяемые. Значения и ситуации использования этих понятий необходимо четко обосновывать и пояснять для того, чтобы избежать недопониманий и искажения смысла.

Во-вторых, на методологическом уровне дискурс-аналитического подхода обнаруживается трудность, связанная с анализом текста и контекста, в котором он (текст) реализуется. Дилеммой в данном аспекте является то, насколько «глубоко» должен развиваться анализ актуального текста, чтобы сформировать контекстуализированную интерпретацию. В связи с этим дискурс-анализ всегда предоставляет возможность исследователю «навязать» определенные значения тексту. Такой аспект критики дискурс-анализа имеет отношение, в первую очередь, к позиции исследователя. Крайне важным становится анализ «не только того, кто читает текст, но и того, кто производит текст» (перевод наш. – Е.К.) (Parker, I., Burman, E. 1993. – P.159.).

В-третьих, достаточно часто дискурс-анализ и сама категория дискурса искусственно применяются в исследовании в силу некоторой тенденции, своего рода академической моды. Кроме того, часто признанные и распространенные критические методы, принадлежащие слабым научным теориям, становятся синонимом процедур дискурс-анализа, а это, в свою очередь, ведет к сомнению в научной значимости и ценности этого подхода. К сожалению, часто упускают из вида то, что виной этому может быть сама теория, но не дискурсный подход. Иными словами, зачастую дискурс-анализом обозначают то, что таковым по своей сути не является. Цитируем Тойна ван Дейка, одного из наиболее значительных, продуктивных и влиятельных представителей дискурсной теории и методологии: «Анализ дискурса – это научный анализ только в том случае, если он основан на более или менее эксплицитных целях, методах и теориях. Довольно часто создание «здоровых» комментариев к фрагментам текстов или речи не имеет никакого отношения к дискурс-анализу. В действительности же весь исследовательский проект должен заключаться в проникновении в суть структуры, стратегии или иных составляющих дискурса, что не может быть осуществлено с позиции наивного реципиента» (Van Dijk, T. 1997, 8(1), 5-6.) (Перевод наш. – Е.К.). Примечательно, что спустя десять лет в редакционной статье, помещенной в первом номере своего нового журнала «Discourse and communication», ван Дейк лишь усиливает свою позицию и настоятельно рекомендует всем занимающимся дискурс-анализом основывать свои исследования на твердой теоретической почве (Van Dijk, T. 1997, 8(1), 5-6..

Требование «теоретизации» дискурсных исследований объясняется также и необходимостью мета-анализа культуры, поскольку последняя представляет собой помимо прочего систему повседневных убеждений, допущений, представлений о здравом смысле, что в своей совокупности создает определенную «донаучную» когнитивную основу, предопределяющую цели, предмет, стратегии и содержание исследовательского проекта. Разработка надежной и строгой методологии в таком контексте помогает преодолеть или предотвратить влияние таких культурно-обусловленных допущений на научное исследование культуры.

В-четвертых, современные дискурсные исследования критикуют за то, что зачастую они ориентированы на воспроизводство положений научного направления или академической школы, в рамках которых они осуществляются. Конечно, это неизбежно с учетом того, что та или иная теоретическая база в социально-гуманитарных науках снабжает исследователя определенной методологией. Но с другой стороны, своего рода «эмпирической нечувствительностью» страдает та исследовательская позиция, при которой применяемый методологический подход остается за полем рефлексии исследователя, убежденно воспроизводящего положения научной теории и полагающего все свои усилия на верификацию гипотез, «форсированно» выработанных в ее рамках. Иными словами, в отношении многих современных версий дискурс-анализа вполне справедливыми являются утверждения о том, что методология конструирует предмет, а метод предопределяет результат. На наш взгляд, дискурсный подход предполагает, скорее, не верификацию гипотез, формулировка которых предопределена определенной теорией, но разработку подобных гипотез и последующее конструирование теории. В этом мы придерживаемся той точки зрения, что *дискурс-анализ представляет собой самостоятельную методологию, а не метод «на вооружении» у той или иной академической школы, методологии или подхода*, поскольку обладает рядом специфичных исследовательских принципов, исследовательских приемов, содержит специфичное знание о методе научного познания и набор более или менее четко обозначенных категорий исследования.

Дискурсный подход направлен не столько на выявление определенного содержания или аутентичного смысла текста, сколько на объяснение того, в соответствии с какими правилами, в каких условиях, при каких обстоятельствах текст становится возможным, и что при этом явилось внутренней или внешней движущей силой. В связи с этим, дискурс-исследования часто обращаются к тексту как конструкту и инструменту конструирования реальности, и изучение самой реальности или ее фрагмента представляется лишь вспомогательным направлением исследования. Таким образом, критика дискурс-анализа довольно часто связана с восприятием его как подхода, не располагающего жесткой методологией, в рамках которой мы могли бы быть удовлетворены тем, что достигли единственно возможного прочтения и понимания текста. Однако, дискурс-анализ по определению не обязательно должен быть нацелен на достижение единственно возможного прочтения текстов, поскольку имеет дело с различными репрезентациями реальности в дискурсах разного типа и жанра, с различными способами порождения и прочтения текстов в разных контекстах и

при разных обстоятельствах. Более того, в некоторых случаях (например, при осуществлении критического анализа политических, идеологических, пропагандистских текстов) подобное стремление к поиску единообразной интерпретации текста может противоречить целям исследования.

Очевидно, что преодоление всех вышеперечисленных методологических проблем и решение всех поставленных перед относительно молодой методологией задач требует от исследователей *разработки универсальной теории дискурса*, основанной на расширенной трактовке содержания понятия «дискурс» и, в целом, - *на переводе дискурс-анализа в сферу философии и теории культуры*. На наш взгляд, именно *создание прочной философско-культурологической основы позволит в полной мере решить вышеперечисленные методологические проблемы современных дискурсных исследований*.

В современной философии и теории культуры, а также в ряде социально-гуманитарных наук можно встретить со значительным количеством примеров создания строгих и однозначных теорий и методологий исследований. Мы никоим образом не оспариваем целесообразность и важность подобных попыток. Однако, то, что действительно вызывает сомнение в целесообразности – это ориентация научного поиска на то, каким *должен быть* порядок вещей (в частности, дискурса), а не на то, почему он *имеет* тот или иной вид в конкретных исторических, культурных и социальных условиях. Иными словами, речь идет о теоретически (или даже морально!) обоснованном взгляде на предмет исследования как единственно возможный способ операционализации понятий. Такой подход представляет собой процедуру, в которой важным становится не результат, а последовательность действий. Дискурс-анализ, на наш взгляд, не является подобным подходом по своему определению и в силу присущей ему междисциплинарности. Имея междисциплинарные основания, дискурсный анализ остается многоаспектным подходом, обладающим различными фокусами исследовательского внимания и способами интерпретации явлений культуры в зависимости от исследовательской позиции. Как отмечают Паркер и Берман, игнорирование многообразия исследовательских установок при их непротиворечивости может привести к стагнации академического мышления: «Дискурс-анализ не является и не должен являться «методом», на который все могли бы полагаться и который можно применить к изучению чего угодно. Различные исследовательские группы дискурс-анализа (Discourse Groups), акцентируя подобным образом свое внимание на методе, должны понимать, что они рискуют превратить сензитивные стратегии анализа дискурса в очередную бездумную эмпирическую технику» (Parker, I., Burman, E. 1993. – P.122.) (перевод наш. – Е.К.).

Итак, мы рассматриваем *дискурсную методологию* в качестве подхода, предполагающего многоаспектную интерпретацию культуры, в которой гармонично интегрируются все указанные бинарные оппозиции, раскрывается взаимодействие между дискурсной формой и содержанием культуры, а также фиксируется событийность как её атрибутивное свойство. Этот подход позволяет: интерпретировать как универсальные, так и уникальные характеристики культуры; проанализировать знаковый характер культуры в

единстве ее означающих и означаемых; рассмотреть субъекта как рефлексирующего агента культуры и как цель любого культурного проекта; определить культуру и как диалогичный процесс взаимодействия, и как «множество голосов», в котором происходит одновременное самоутверждение участников коммуникации; анализировать культуру в аспекте ее структурно-функционального и «повседневного-жизненного» устройства; рассмотреть культурные феномены как единство текста и контекста; изучить культурные практики во взаимосвязи коммуникативно-языковых, деятельностных и ментально-когнитивных феноменов. В целом, создание прочной философско-культурологической основы позволит объединить возможности и достижения указанных подходов и интегрировать в философско-культурологическое знание результаты смежных социально-гуманитарных дисциплин.

Дискурсное изучение культуры сопряжено с рядом наиболее характерных методологических проблем, к которым, на наш взгляд, относятся следующие.

Во-первых, дискурс-анализ предполагает больше, чем просто анализ содержания текстов с точки зрения их синтаксической, семантической и прочих структур. Скорее, дискурс-анализ направлен на изучение того, как конструируются сами тексты и фиксируются их значения в аспекте их социальной и исторической ситуативности с целью выявления принципов построения знания в той или иной культуре. Дискурс-анализ как исследовательский проект основан на следующем важном допущении: язык не может рассматриваться как прозрачное или ценностно-нейтральное явление. Даже если мы подвергаем анализу так называемый «естественный» язык, то нам становится очевидным, что он не имеет универсальных значений, но представляет собой совокупность частных значений, приписанных как адресантом, так и адресатом в соответствии с ситуацией, в которой язык используется. Методологической проблемой, возникающей в данном случае, является следующая: *что считать аутентичным смыслом высказываний в дискурсе – инварианты, которые содержатся в прецедентных текстах, в интенциях автора, в ожиданиях и коммуникативной компетенции адресата или в порядке самого дискурса?*

Во-вторых, дискурсное исследование ориентируется не только на изучение «концептуального аппарата» (характерного языка, тематики, текстов и т.д.) дискурса, но и на анализ границ дискурсного поля, т.е. зоны ограниченного понимания или полного непонимания. Фактически анализ дискурсных пределов понимания предполагает обнаружение межкультурных или же интеркультурных пространств, в которых заканчивается одна культура и начинается другая или где обнаруживается уникальный симбиоз культур. Эти пространства характеризуются своеобразным «смысловым разломом»; это те области человеческой деятельности, в которых привычное, нормальное и понятное перестает быть таковым. Фактически речь в данном случае идет о границах дискурса: там, где заканчивается один дискурс, начинается другой с его иерархией смыслов и значений, с его правилами «сцепления высказываний», с его условиями воспроизводства текстов. Принципиальным вопросом в данном случае является следующий: *через изучение каких параметров и их индикаторов мы можем зафиксировать «предел дискурса», то есть обнаружить его границу?*

В-третьих, дискурс-анализ подразумевает также исследование силового

характера дискурса, дискурсивной практики и дискурсивной формации, то есть той принудительной силы, которая обозначалась Мишелем Фуко как связка «власть-знание». Попадание в определенное дискурсивное пространство означает для субъектов подчинение определенным правилам речемыслительной деятельности. В связи с этим возникает еще одна важнейшая методологическая проблема дискурсивного исследования: *как следует интерпретировать позицию субъекта в дискурсе – как творчески активную (генеративно-агентивную) или как зависимую и производную (подчинительно-конструируемую)? И в связи с этим – как следует интерпретировать сам дискурс – как генеративное или как инструментальное образование?*

В-четвертых, тексты передают аспекты реальности особым образом. Тот способ, которым текст репрезентирует реальность, а также понимание как эффект текста заслуживает не меньшего исследовательского внимания, чем то, **что** описывает текст. Кроме того, как уже отмечалось выше, тексты не просто репрезентируют и отражают определенное видение реальности, они также играют огромную роль в самом конструировании и поддержке этой реальности. Существует динамическая связь между текстом и контекстом, в котором производится текст. Тексты как создают контекст, так и создаются контекстом. В любой конкретный момент времени количество возможных образов реальности гораздо больше, нежели один «аутентичный» и «правильный» текст. Тексты могут быть религиозными, научными, медицинскими, юридическими и так далее, что указывает на их дискурсивную природу. Дискурс-анализ рассматривает тексты в их социальном, культурном, политическом и историческом контекстах. Тексты также анализируются для того, чтобы обнаружить несказанное и невысказанные допущения, имплицитно пребывающие в них и придающие высказываниям саму форму. Иными словами, ключевой методологической проблемой является *вопрос об условиях – культурных, социальных, языковых и прочих – производства текстов.*

В-пятых, необходимо понимать, что дискурс-анализ представляет собой подход, а не прикладной метод. Дискурс-анализ использует «конвенциональные» техники сбора данных с целью анализа явлений культуры в определенных теоретических рамках. Носителями таких данных могут быть транскрипты интервью, газетные статьи, данные наблюдения, документы, визуальные образы. Обязательным требованием является обоснование выбора текстов, техники их отбора и прочих обязательных элементов методологии исследования. И хотя методы отбора текстов и принципы их анализа могут отличаться в зависимости от подхода в рамках дискурс-анализа, это не случай вседозволенных действий исследователя. Все подходы к дискурс-анализу должны предполагать жесткие методы и принципы «систематического и эксплицитного анализа» (ван Дейк). В связи с этим, методологическая проблема формулируется следующим образом: *каковы принципы отбора и анализа текстов в рамках дискурсивного анализа?*

И, как нам кажется, одним из главных вопросов, которые формулирует для себя дискурсивная методология как высокорerefлексивный академический проект, являются следующий: *каковы границы самого дискурс-анализа?*

Библиография

1. Buysens, E. (1943). De l'abstrait et du concret dans les faits linguistiques: la parole, le discours, la langue. *Acta Linguistica* 3.1943 (pp.17-23).
2. Fairclough, N. (1993). *Discourse and social change*. Cambridge: Policy Press.
3. Parker, I. & Burman, E. (1993). Against discursive imperialism, empiricism and construction: thirty two problems with discourse analysis. In E. Burman & I.Parker (eds.). *Discourse Analytic Research: Repertoires and Readings of Texts in Action*. London: Routledge.
4. Potter, J. & Wetherell, M. (1987). *Discourse and social psychology*. London: Sage.
5. Van Dijk, T. (1997). Editorial: analyzing discourse analysis. *Discourse and society*, 8(1), 5-6.
6. Van Dijk, T.A.. (2007). *Discourse as social interaction: a new journal to bridge two fields*. *Discourse and communication*. 1(1). P.7.
7. Барт, Р. (2001). *Мифологии*. СПб.: Изд-во Сабашниковых.
8. Бахтин, М.М. (1979). *Эстетика словесного творчества*. М.
9. Библиер, В.С. (1991). *Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика и культура*. М.
10. Библиер, В.С. (1990). *От наукоучения - к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век*. М.
11. Бодрийяр, Ж. (2004). *К критике политической экономии знака*. М.: Библион.— Русская книга
12. Бодрийяр, Ж. (2000). *Соблазн*. М.: Ad Marginem.
13. Гегель, Г.В.Ф. (1959). *Феноменология духа // Сочинения*. Т. IV. М.
14. Кант, И. *Критика чистого разума* (1964) // *Сочинения в шести томах*. Т.3. М.: "Мысль".- С.68-756.
15. Касавин, И.Т. (2006). *Дискурс-анализ как междисциплинарный метод гуманитарных наук // Эпистемология и философия науки*. Т.Х. №4.
16. Кашкин, В.Б. (2003). *Основы теории коммуникации*. Воронеж: Изд-во ВГУ.
17. Левина, Г.М. (2003). *Обучение иностранцев русскому инженерному дискурсу*. М.: Янус-К.
18. Леви-Стросс, К. (2007). *Мифологии: от меда к пеплу*. М.: FreeFly.
19. Леви-Стросс, К. (2007). *Мифологии: человек голый*. М.: FreeFly.
20. Леви-Стросс, К. (1983). *Структурная антропология*. М.
21. Пропп, В.Я. (1998). *Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки*. М.: Лабиринт.
22. Седов, К.Ф. (2004). *Дискурс и личность*. М.: Лабиринт.
23. Серно, П. (2001). *Анализ дискурса во Французской школе [Дискурс и интердискурс] // Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанов*. М.: «Академический Проект»; Екатеринбург: «Деловая книга».
24. Соболева, М.Е. (2005). *Философия как «критика языка» в Германии*. СПб.: Изд-во СПбГУ.
25. Филлипс, Л., Йоргенсен, М. (2004). *Дискурс-анализ: теория и метод*. Харьков.
26. Фуко, М. (2004). *Археология знания*. СПб.: Гуманитарная академия.
27. Фуко, М. (1996). *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности*. М.
28. Фуко, М. (2006). *Дискурс и истина*. Минск: «Прошлеи».

ГЕРМАН КОЦЫБА

ДИСЦИПЛИНИРОВАНИЕ ФУКО ДИСКУРС-АНАЛИЗ КАК СОЦИОЛОГИЯ ЗНАНИЯ

Hermann Kocyba. Die Disziplinierung Foucaults. Diskursanalyse als Wissenssoziologie, in: D. Tänzler, H. Knoblauch, H.-G. Soeffner (Hg.). Neue Perspektiven der Wissenssoziologie. Konstanz: UVK Verlagsgesellschaft, 2006. S. 135-155.

Не было недостатка в попытках произвести Фуко *posthum* в почетные социологи. Его исторические исследования по истории безумия, формированию медицинского взгляда, археологии гуманитарных наук, истории современной системы наказания или дискурсивизации сексуальности предоставили новый взгляд на функционирование социальных практик знания и открыли для дискурса гуманитарных наук своего рода «наблюдение второго уровня» (Osborne 2001: 12). Это, правда, было воспринято как нечто недостаточное прежде всего там, где Фуко интерпретировался в первую очередь как социолог или теоретик общества, полагавший, что может проанализировать механизмы социальной интеграции с помощью односторонним образом подогнанной под проблемы управления системной теории, и которого грубый бихевиоризм сбил с вопроса о нормативных основаниях общественного порядка (Honneth 1985). Социологические способы прочтения Фуко нередко руководствовались ложным допущением, будто мышление Фуко достигает своей высшей точки в «теории власти», которая в политически радикализованной и теоретически односторонней форме пытается продолжить программу «диалектики просвещения» (Хабермас 2008). Аналитическое скрещивание знания и власти, согласно которому знание означает не уничтожение отношений власти, а их дифференцирующее развертывание, истолковывались как доказательство функционалистского редукционизма, который не может ни объяснить стабильность и устойчивость анализируемых диспозитивов власти, ни обосновать нормативную критику существующих властных порядков.

Под другим знаком социологический способ прочтения распознаваем и там, где «теория дискурса» Фуко функционирует как скрытая теория общества. В области «*Governmentality Studies*» (*Governmentality Studies* (англ.) можно перевести как «исследования в области государственного управления» или «исследования правительности»). Термин «*Governmentality*» был введен Фуко для характеристики изменений в современных способах осуществлений отношений власти. См., в частности, комментарий А. Корбута к переводу статьи «Управление либеральными обществами – эффект Фуко в англоязычном мире» Ж. Донзло и К. Гордон в: Логос, № 2, 2008, С. 3-20. С. 3, Примечание 3. – *Прим. пер.*), одной из наиболее плодотворных попыток аналитически использовать и развить дальше стимулирующий потенциал Фуко (в качестве введения в немецкую дискуссию см.: Lemke 1997, а также Witzckling u. a. 2000), также существует тенденция вычитывать у Фуко новую теорию общества или альтернативную теорию социальных процессов. Это имеет место, например, там, где «истории

управления» приписывается эволюционная логика, которая «механически прогрессирует от стадии „полицейской“ через либерализм и государство благосостояния к неолиберализму» (Osborne 2001: 13). Между тем, продуктивное сопоставление Фуко с вопросами и методами социологического анализа отнюдь не предполагает прочтения Фуко как социолога (Hacking 2004).

1. Запоздалые дебаты

Сопоставление дискурса анализа и социологии знания, и прежде всего «Археологии знания» Фуко и программатике «Социологии научного знания» (ср.: Stehr/Meja 1982: 912) до сегодняшнего дня фактически не было осуществлено. Хотя в своих центральных текстах, конститутивных для периода формирования подхода лабораторных исследований и *social studies of science* (*Social studies of science* (англ.) – социальные исследования науки, междисциплинарное направление изучения научного знания как обусловленного социальным контекстом своего производства. – *Прим. пер.*), Кнорр-Цетина, Латур, Вулгар, Ло, Пинч, Бийкер и другие неоднократно ссылаются на Фуко, он даже причисляется к группе тех, кто пытается «вновь оживить социологию знания» (Knorr Cetina 1984: 281), однако ссылки остаются, как правило, весьма общими и неточными. Они скорее выполняют легитимирующую и маркетинговую функцию, чем действительно выражают интерес к сопоставлению с Фуко. Латур и Вулгар ссылаются на Фуко в связи с тезисом, согласно которому научно-исторические описания с неизбежностью являются литературными фикциями (Latour/Woolgar 1979: 107). Они приписывают ему семиотический взгляд на науку, который Фуко категорически оспорил бы: «science is a form of fiction or of discourse, like any other [...], one effect of which is the “truth effect”, which (like all other literary effects) arises from textual characteristics, such as the tense of verbs, the structure of enunciation, modalities, and so on» («Наука – это такая же разновидность литературы или дискурса, как и все прочие [...] одним из эффектов которой является „эффект истины“, обусловленный (подобно любым другим литературным эффектам) текстуальными характеристиками, такими как время глаголов, структура фраз, модальности и пр.». – *Прим. пер.*) (Latour/Woolgar 1979: 184).

Как социология научного знания, не ориентирующаяся исключительно на институциональные структуры системы науки, а делающая своим предметом само научное знание, социология знания еще и сегодня является объектом жесточенных нападок (ср.: Scharping 2001). В результате поперовско-куновских дебатов нормативный дискурс прескриптивной теории науки, определяющей с помощью формальных критериев, что является наукой, а что нет, уступил место пониманию теории науки как реконструктивного анализа развития науки. В ходе этих дебатов было проведено различие между рациональной реконструкцией научной программы исследования и эмпирической реконструкцией в смысле социально-психологического или социологического объяснения изменения убеждений (Лакатос 1978). В отношении этого ослабленного нормативизма понятия рациональной реконструкции развиваемая в рамках социологии знания «*strong programme*» (*Strong programme* (англ.) – сильная программа. См., в частности, русскую публикацию одного из представителей

«сильной программы» в социологии знания Дэвида Блура: Блур Д. Сильная программа в социологии знания / Пер. с англ. С. Гавриленко, под ред. А. Толстова // Логос № 5-6, 2002. С. 1-24.— *Прим. пер.*) анализа науки выдвигает тезис, согласно которому не только возникновение заблуждений, но и равным образом возникновение истин поддается социальному объяснению (Barnes 1977; Bloor 1976). Есть социальные процессы, в которых идеи возникают, проходят проверку и развиваются далее. Не только контекст возникновения, но и контекст обоснования научного знания имеет социальную природу.

Тем самым социология знания, согласно традиционному контрвозражению, опровергает именно те притязания научного знания на значимость, которые стремится объяснить. Лишь социология заблуждения или во всяком случае принятия-за-истину предстает легитимной из перспективы нормативной теории познания, но не социология истинного знания. Но что могло бы быть предметом социологии научного знания? Следует ли объяснять, почему некто в определенный момент времени считает истинным некое определенное понимание? Следует ли объяснять, почему некое понимание признается внутри некоего коллектива исследователей истинным? Может ли это быть обосновано объяснением причин возникновения некоего убеждения? Являются ли истинные убеждения случайным результатом социальных процессов, способных с таким же успехом привести и к тому, что некто будет считать достоверными убеждения, в действительности являющиеся ложными?

Если мы принимаем некое понимание за истинное, тогда оно, как правило, связывается с убеждением, что у нас есть веские основания полагать, что оно истинно. Для научных споров, между тем, верно то, что истина – насколько она вообще поддается определению – *ex ante* (*Ex ante* (лат.) – заранее. *Прим. пер.*) не известна, а следовательно и не может служить критерием оценки противоречивых утверждений. Таким образом, процесс развития науки характеризуется тем, что в его рамках акторы имеют дело с обнаружением и утверждением истины, без того чтобы эта истина уже имела в их распоряжении в качестве критерия оценки, пусть даже в форме критерия «правдоподобия» (ср.: Stegmüller 1971: 47 ff).

В чем заключается знание, генезис которого (а в случае *strong programme* еще и значимость) социология знания намерена объяснить, на каком уровне описания оно определимо: является ли оно пропозициональным, эксплицитным, представленным в изолированных атомах-высказываниях знанием или же это холистически структурированное имплицитное знание? Заключается ли оно в образцовых решениях проблем, в детально описуемых методах? Идет ли речь о ментальном феномене или о превосходящей индивидуальное сознание объективной реальности? Не только в научно-исторической дискуссии, но и в самой теории науки «*statement view*» (Термин «*statement view*», перевод которого на русский затруднителен, отсылает к Р. Карнапу, стороннику формально-логического подхода к анализу научного знания как установлению синтаксических связей между научными высказываниями и их сведению посредством формализованных логических процедур к некоторому классу элементарных («протокольных») предложений, образующих неопровержимый и достоверный базис знания. См., напр.,: Карнап Р. Философские основания

физики: введение в философию науки / Пер. с англ. Г. И. Рузавина. 4-е изд. Москва: Изд-во ЛКИ, 2008. – *Прим. пер.*) ставится под вопрос, вследствие чего наука в ее когнитивном ядре должна описываться как система высказываний (Stegmüller 1974). Научное исследование, работа «научных мыслительных коллективов» связана с базирующимися на письме системами записи и формами коммуникации, где можно наблюдать соседство гетерогенных форм высказываний и коммуникативных стилей (ср.: Флек 1999 а: 133). Однако наука не сводится к всего лишь высказываниям, как удручающе красноречиво показал еще Флек в своем «анализе конкретного случая» из бактериологической лаборатории в концентрационном лагере Бухенвальд (Флек 1999 б: 199).

Социологическое исследование науки претендует на слишком многое, полагая, что указанием на причины способно объяснить истинность убеждений. Объяснение причин и объяснение того, как некто приходит к истинным убеждениям, т. е. к убеждениям, которые в свете налично очевидного рассматриваются как истинные, – отнюдь не одно и то же. И наоборот, социологическое исследование науки сужает свой предмет, если совершенно игнорирует связанные с убеждениями притязания на истинность, относя их на счет теории познания. Хотя то обстоятельство, что некая личность имеет определенное убеждение, не объясняется просто-напросто тем, что данное убеждение истинно – истинность или ложность не написаны на лбу у убеждения, апелляция к очевидности остается простым заверением, – однако тот способ, посредством которого в рамках общественных практик знания устанавливается отношение к нормативной идее истины и специфическим достоверностям, является предметом эмпирического анализа исторических систем знания.

Осуществленные Фуко анализы истории гуманитарных наук отнюдь не выносят за скобки отношение исследуемых форм знания к истине. Они реконструируют отношение научных дискурсов к истине, но не в том смысле, что присваивают себе их внутреннюю перспективу и аргументируют исходя из горизонта истинности исследуемых дискурсов (Foucault 2005: 950 ff). В центре внимания – функционирование дискурсивных практик. Целью является не обоснование истин или оценка притязаний на истинность, а экспликация соответствующего горизонта истинности, на который претендует дискурсивная практика. Фуко реконструирует историческое априори специфических формаций знания и тем самым взаимную игру языковых, перцептивных, технических и социальных практик. Внутреннее отношение знания к истине подразумевает при этом не то, что утверждаемое знание истинно, а что оно стремится быть истинным, т. е. воплощает притязание, с которым оно соизмеряется и в соответствии с которым прорабатывается. Оно отсылает к полю, внутри которого нечто может пониматься как истинное или критиковаться соответственно своим собственным стандартам. Дискурсы, по крайней мере имплицитно, обнаруживают аргументативную структуру и должны обладать способностью к согласованию с состоянием дисциплины, ее методами, теоретическим горизонтом, фоновыми убеждениями (Фуко 1996 б: 65-67).

«Археология знания» Фуко взрывает традиционный горизонт эпистемологии не только вследствие того, что в образах биологии, медицины, психиатрии, лингвистики и экономики анализирует до-парадигматические «незрелые» науки (Hacking 2002: 87 ff), еще не утвердившие себя в качестве «normal science» (*Normal science* (англ.) – нормальная наука. – *Прим. пер.*) в смысле Томаса Куна. Она расширяет горизонт исторической эпистемологии и вследствие того, что исследует культуры знания, располагающиеся по ту сторону того, что признается в качестве научного знания внутри некоего общества. Дифференцирование научного и ненаучного знания является выражением исторической констелляции практик знания. Ненаучное знание также связано с притязаниями на значимость, требованиями непротиворечивости и ожиданиями убедительности. Таким образом, формы знания и практики знания, которые отчасти когнитивно несовместимы и связаны с расходящимися «практическими эвристиками» (ср.: Giesen 1982, где данная тема рассматривается из социологической перспективы), сосуществуют.

Дискурсы различаются по способу своего отношения к истине. Авторитетная экспертиза в суде, в терапии, в практике исповеди, дидактическая переработка знания для целей преподавания обнаруживают иной способ отношения к истине, нежели исследовательская коммуникация, однако также нормативно ориентированы на идею истинности. Несмотря на это внутреннее расщепление ландшафтов знания знание и вне системы науки не лишено отношения к истине. Знание является нормативным образованием, знание противостоит другому знанию. Несмотря на свое многообразие знание не произвольно, спор о конкурирующих притязаниях на значимость порождает чувства и конфликты, в своих крайних формах напоминающие реакции на нарушение коллективных норм у Дюркгейма. Знание вследствие своей претензии соотноситься с истиной нормативно, притязание знания на объективность требует, в отличие от всего лишь субъективного мнения, социального признания. «Почему заботятся об истине, причем больше, чем о самих себе? И почему заботятся о самих себе лишь посредством заботы об истине? [...] Что привело к тому, что вся западная культура вращается вокруг этого обязательства перед истиной? [...] От господства истины не ускользнуть, играя в игру, совершенно чуждую игре истины; это можно сделать, лишь играя в игру истины иначе» (Foucault 2005: 894 ff).

Проблема нормативности встает между тем не только в связи со статусом знания, но и в связи с нормативностью его предмета. «Археология знания» анализирует именно «те игры истины, в которых субъект устанавливается как объект возможного знания: что это за процессы субъективации и объективации, обуславливающие то, что субъект как субъект может стать объектом познания?» (Foucault 2005: 778). Анализируемые Фуко эпистемические формации гуманитарных наук характеризуются специфической внутренней проблематикой нормативности. Проблемы жизни, языковых правил, экономических законов связывают в каждом случае нормативные и эмпирические аспекты: речь не идет ни о чисто нормативном установлении, ни о свободной от норм фактичности. Речь идет о гибридных объектах, таких как жизнь, отсылающая к страданию, болезни и смерти, грамматика, отсылающая к

норме, экономия, отсылающая к проблеме законности. Тюрьма, наказание, сексуальность также образуют гибридные объекты между нормой и фактичностью. Фуко исследует, как они становятся предметом познания и нормирования. Дискурс жизни не является чисто естественнонаучным дискурсом, он включает в себя морально-нормативные оценки и истолкования. Вслед за Канттием Фуко подчеркивает: «И все же в познании жизни есть феномены, которые отделяют ее от всякого знания из физико-химической области, поскольку способны обнаружить свой принцип развития лишь в изучении патологических феноменов» (Foucault 2005: 954). «Жизнь и смерть не являются как таковые проблемами физики, даже если физик в своей работе рискует своей собственной жизнью или жизнью других; для него здесь речь идет о вопросах морали или политики, а не о научных вопросах» (Foucault 2005: 955 ff). В противоположность этому перед биологом стоит задача понять, что делает из жизни специфический предмет познания, он не может экстернализовать это ценностное отношение в мораль. Жизнь – не свободное от норм образование, и в столь же малой степени «науки о жизни» способны «обойтись без определенной ценностной позиции, маркирующей сохранение, регулирование, приспособление, размножение» (Foucault 2005: 955). Сквозь анализ жизни красной нитью проходит присутствие ценности и нормы (Foucault 2005: 958).

В отличие от «*strong programme*», у Фуко анализ знания не направлен на каузальное объяснение; в столь же малой степени он стремится к тому, и Фуко постоянно указывает на это, чтобы сообщить лежащий за дискурсами смысл. Эпистемически-нормативное отношение к истине является частью анализируемой позитивности, однако может стать видимым лишь благодаря когнитивной дистанции. Только когда сова Минервы улетает дальше, когда когнитивные и нормативные рамки смещаются, становятся распознаваемы контуры дискурсивной формации. Мы должны выйти за пределы ставших привычными образцов восприятия и кодов описания, чтобы суметь распознать их как частные, специфические исторические образования. Дискурсанализ не является попыткой непосредственного обнаружения бревен в собственных глазах, устранения слепого пятна в поле зрения посредством его рефлексивного удвоения. Лишь окольным путем археологически отчуждающего дискурсанализа мы можем попытаться сделать видимыми априори нашего настоящего. В этом отношении дискурсанализ ориентирован на историю истины, не рассказывающую предысторию наших сегодняшних убеждений, а по контрасту акцентирующую их специфику. Очерченный историческим априори архив событий-высказываний требует аналитической дистанции, «мы не можем описать наш собственный архив, поскольку мы говорим внутри этих правил [...] Описание архива разворачивает свои возможности [...] исходя из дискурсов, которые только что перестали быть исключительно нашими» (Фуко 1996 а: 131). Дискурсанализ отнюдь не выносит за скобки институционализированные отношения к истине; однако он может их реконструировать в их исторической специфике лишь в том случае, если описывает их не из рекурсивной перспективы сегодняшнего знания, а соотнося с их собственным горизонтом истинности.

2. По ту сторону социологии и анализа языка: новая феноменология?

Дискурсанализ – больше чем вариант текстуальной лингвистики, содержательного анализа или разговорного анализа. То обстоятельство, что «дискурс» является понятием лингвистического анализа (Harris 1952) и что Фуко долгое время воспринимался как делящий традицию Леви-Стросса «структуралист», поместивший на место сознания анализ анонимных структур языковых правил, поддерживало достаточно тесно примыкавшее к лингвистике понимание понятия дискурса (ср.: Schmitter 1989; Guilhaumou 2001). Отсылка к *«linguistic turn»* (*Linguistic turn* (англ.) – лингвистический поворот. Речь идет о так называемом «повороте к языку» (Р. Рорти) в философии, связываемому прежде всего с такими представителями аналитической философии как Г. Фреге, Б. Рассел, Л. Мур, Л. Виттгенштейн. В 1967 г. под редакцией Р. Рорти выходит сборник статей с одноименным названием (ср.: Rorty R. (ed.) *The Linguistic Turn*. Chicago: University of Chicago Press, 1967). – Прим. пер.), который закликает скорее некую расплывчатую общность всех объединенных под этикеткой «дискурсанализ» или «дискурстеория» анализов знания и языковых действий (ср.: Keller u. a. 2001 а: 53 ff), не в состоянии прояснить специфику перспективы, которая не стремится быть ни теорией общества, ни анализом языка.

Это тем более верно, что и такие авторы как Хабермас, достаточно далекие от интенций дискурсанализа, апеллируют к *«linguistic turn»*. Этот *«linguistic turn»* означает для каждого из его протагонистов всякий раз нечто свое, уже по той причине, что с ним с самого начала (ср.: Rorty 1967) связаны совершенно различные представления о языке или предмете лингвистики и анализа языка. Ориентиром выступает то логический анализ языка в традиции Фреге, то речь идет о реконструкции употребления нашего повседневного языка в традиции Дж. Е. Мура, то о том, чтобы использовать элементы языковой теории Ноама Хомского, Фердинанда де Соссюра или Романа Якобсона в анализе социальных знаковых практик. В любом случае, было бы полным недоразумением отождествлять этот *«linguistic turn»* с трансформацией философии и анализа общества в лингвистике.

Направление главного удара *«linguistic turn»* у Хабермаса относится к «философии сознания» и ее социально-теоретическим дериватам в том виде, в каком они проникли – прежде всего благодаря Макс Веберу – в дискуссию об основаниях социальных наук. Он не совпадает с *«interpretative turn»* (*Interpretative turn* (англ.) – интерпретативный поворот. Ключевой характеристикой наметившейся в конце 1970-х гг. интерпретативной парадигмы в социальных науках явилось акцентирование конститутивной взаимосвязи языка, коммуникации и социальных практик. Одним из тех, чьи работы послужили началом интерпретативного поворота, в частности в антропологии, считается Клифорд Гирц, книга которого «Интерпретация культур» вышла в 1973 г. – Прим. пер.) в социальных науках: последний частично действует еще внутри обруганной менталистской парадигмы; с другой стороны, было бы чистым произволом причислять анализ мифов Леви-Стросса к интерпретативной парадигме. Всеобщие структуры человеческого духа, которые раскрывает анализ мифов, образуют генеративную систему, доступ к которой открывает

формальный анализ различных ценностей (образцом которому служит фонология Якобсона), а не интерпретативное восстановление значений.

Дискурсанализы Фуко, так же как и анализ структур коммуникативного действия Хабермаса, занимаются, и в этом могла бы состоять общность приписываемых «*linguistic turn*» позиций, предметами, которые, так сказать, доступны для публичного восприятия и интерсубъективной проверки. Речь уже не идет о том, чтобы анализировать внутренние ментальные состояния, интерсубъективно недоступные содержания сознания, субъективные достоверности. Рациональность и сознание не раскрываются уже исключительно в саморефлексии или самоописании, а могут наблюдаться – в отличие от приватно-языковой зубной боли Витгенштейна, – так сказать, в качестве публично воспринимаемых и коммуницируемых объектов. Эта отсылка к очевидности и интуиции поддается интерсубъективной проверке. Иерархический каскад смысла – возникновение смысла во внутренней жизни сознания, затем языковая артикуляция и сообщение посредством устного слова и, наконец, его письменная запись – ставится, так сказать, с головы на ноги.

Анализы Фуко не направлены на изолированные высказывания типа «*the cat is on the mat*» (*The cat is on the mat* (англ.) – кошка сидит на коврике – излюбленная фраза многих англоязычных представителей аналитической философии, использовавшаяся для демонстрации тождественности языка и мира; последняя обеспечивалась благодаря эмпирической проверке соответствия структуры предложения и факта. – *Прим. пер.*), как это традиционно имеет место в текстах по аналитической философии языка. Они ориентированы на более сложные языковые образования, которые не анализируются с точки зрения того, следуют ли они специфическим синтаксическим правилам образования, используют ли определенный семантический репертуар или осуществляют ли они определенный речевой акт. Дискурсы не состоят из высказываний (*énoncés*) так же, как язык (в связи с понятием «*énoncé*» ср.: Prieto 1964). Но даже если смысл языковых выражений более не локализуется в сфере сознания, философия не становится вследствие этого лингвистикой, а передаваемый в языке смысл не помещается просто-напросто на место имманентности сознания.

Дискурсы не являются лингвистической единицей исследования. Предмет дискурсанализа – не выражения, которые могут образовываться на основе определенных формальных правил, а выражения, которые фактически имели место при специфических условиях. Интерес здесь представляют не синтаксические или семантические правила образования, не формальная комбинаторика, которая делает возможными определенные высказывания. Многие высказывания производятся согласно правилам, не являясь при этом частью исследуемой в соответствующем дискурсанализе совокупности высказываний: дискурсанализ интересуется то, что фактически говорилось, а не то, что могло бы быть сказано согласно определенным правилам. В этом смысле речь идет об анализе «условий существования», а не «условий возможности» (Фуко 1996 а: 117). Речь идет о том, почему определенные выражения приняли эту специфическую, а не иную форму, которая так же была бы возможна исходя из определенной системы правил.

Вместе с тем анализы Фуко воплощают специфический взгляд на знание,

анализируемое не как содержание сознания, а как дискурсивная практика (Waldenfels 1991). Когда Фуко анализирует дискурсы, то речь не идет ни о речевых актах, ни о высказываниях, ни о лингвистическом анализе, ни о логическом анализе или реконструкции нормального языка. Правда в столь же малой степени речь идет и о языковом облачении доязыкового смысла, который коренился бы в «более глубокой», «более изначальной» области. Фуко не стремится обрисовать ни теорию, ни метод понимания, скорее его цель – предпринять меры предосторожности в отношении того, чтобы понимать слишком много. Не то, как мы могли бы обнаружить истинный, более глубокий смысл, который стоит за событиями, а то, как мы могли бы избежать того, чтобы понимать слишком быстро. Согласно Гадамеру и Хайдеггеру, мы всегда истолковываем исходя из предшествующего понимания бытия, внутри некоего культурного горизонта, исходя из которого мы никогда не в состоянии постичь целое. Фуко не оспаривает эту предструктуру понимания, однако определяет ее как проблему, реакцией на которую выступает его проект «Археологии знания». Он подчеркивает конститутивную дистанцию между дискурсивной практикой дискурсанализа и анализируемыми дискурсами; его цель не состоит в актуализации погребенного смысла: «если философия есть память или возвращение к истокам, то, в таком случае все, что делаю я, никоим образом не может рассматриваться как философия; и если история мысли состоит в возвращении к жизни полуистлевших фигур, то мои попытки отнюдь не являются историей» (Фуко 1996 а: 202).

Осуществленные Фуко анализы истории безумия, тюремного наказания, сексуальности целенаправленно практикуют политику непонимания. Не следует слишком поспешно доверяться предмету исследования. И в ходе своих анализов Фуко модифицирует свою перспективу в той мере, в какой у него создается впечатление, будто он попался на удочку господствующих социальных стереотипов, будь это даже стереотипы критики. Это ведет к вновь и вновь возобновляемым усилиям обрисовать предмет исследования и характерный для него уровень формации, которые обнаруживают бесперспективность любой попытки вывести из «Археологии знания» некий набор процедурных правил. Отказ осуществлять дискурсанализ как рефлексивную самотематизацию не предусматривает возможность принципиально внешней перспективы, как если бы мы могли волевым усилием переключиться с перспективы участника на нейтральную перспективу наблюдателя. Приостановка понимания, отчуждение взгляда, практикование позитивизма чистого описания дискурсивных событий не означают возврата к якобы эпистемологически естественному состоянию, а являются результатом, так сказать, дискурсивно-археологической «*epoché*». Как вопрос каузальных взаимосвязей условий и воздействий, так и вопрос истинности высказываний заключаются в скобки, но не выносятся за них: истинностный горизонт высказываний и тот способ, с помощью которого они позволяют тематизировать свою собственную генеалогию, являются частью подлежащих описанию черт дискурсивных формаций. Намеренное непонимание, «*stop making sense*» (*Stop making sense* (англ.) – хватит придавать смысл. См. книгу Норберта Болца с одноименным названием: *Bolz N. Stop making sense!*

Wyrzburg, 1989 – *Прим. пер.*) (Bolz 1989), – разумеется, парадоксальное предприятие. Многозначительное молчание не останавливает производство смысла. Любая политика дефицита смысла только повышает его значимость. Лишь стратегия, раскрывающая комплексность множественных смысловых отношений, имеет шанс оставить позади себя смысл, коллективную единичность некоего смысла.

Признание Фуко себя сторонником «веселого позитивизма», его программная формула «чистого описания дискурсивных событий» не редко понимались совершенно превратно. Они не означают, что Фуко не допускал не предструктурированную, со своей стороны, специфически историческим априори непосредственную доступность смысла. Чистое описание означает не наивное, а в той мере основанное на предпосылках предприятие, в какой оно не стремится быть ни каузальным, ни философски-гносеологическим анализом (Косуба 1988). Единицами анализа выступают позитивности, не тематизируемые как носители указывающего на нечто другое смысла, как результат внешних социальных каузальных связей и в столь же малой степени как эффекты предсуществующей системы правил. Эти отношения значимы лишь в той мере, в какой они осязаемы и тематизируемы в самих исследуемых дискурсивных формациях: Фуко интересуется не то, как власть извне воздействует на системы знания, а как она в них становится видимой. В известном смысле речь идет о «феноменологическом позитивизме» (Мерло-Понти 1999: 17). Позитивизм означает запрет на перепрыгивание через данное, т. е. объяснение его как манифестацию смысла, каузальности или артикуляцию возможности.

Не интерпретация языкового смысла, а реконструкция горизонта, внутри которого нечто может быть схвачено как истина или кандидат в истины, составляет критическую тему дискурса анализа. Вопрос о том, истинно ли определенное высказывание, оказывается подвешенным, помещается, так сказать, в феноменологические скобки, вне какого-либо сопоставления с истинным знанием о безумии или богатствах. Тот факт, что Фуко объявляет себя веселым позитивистом, означает признание себя сторонником Ницше и его отказа от метафизического потустороннего мира идей, сущности и вечного смысла. На его место помещается анализ исторически специфических априори как диспозитивов политик истины. В страстном дистанцировании от феноменологии ощущается очарованность ею. Фуко стремится избежать предшествующей раскрытости мира, изначального доверия к вещам – можно было бы сказать: их ложной непосредственности, не для того чтобы перепрыгнуть через позитивность, событийный характер данного, а чтобы суметь всесторонне схватить ее посредством установления дистанции. Предпонимание и традиция не являются успокоительными гарантами собственного предприятия, а маркируют его границы. Таким образом, цель Фуко можно охарактеризовать как «дистанцирующее раскрытие» символических порядков (Kцгler 1992: 134).

Установление отношения к феноменологии остается крайне амбивалентным, аргументы против феноменологии могут быть описаны в частности и как заострение феноменологических воззрений – и его резкие выпады против герменевтики не смогли помешать тому, чтобы он стал главным

свидетелем по делу критической герменевтики (Dreyfus/Rabinow 1987). «Но чтобы реально освободиться от Гегеля, [...] нужно знать, что все еще гегелевского есть в том, что нам позволяет думать против Гегеля» (Фуко 1996 б: 92) – это *mutatis mutandis* (*Mutatis mutandis* (лат.) – с соответствующими изменениями. – *Прим. пер.*) могло бы быть верно и для отношения Фуко к феноменологии и герменевтике. Что же еще есть в самом мышлении, против чего направляется критика, и в какой мере эта критика продолжает это мышление, в этом мы – если Фуко прав – не можем удостовериться рефлексивным образом, т. е. в горизонте исторического априори, определяемом, в свою очередь, Фуко. Это станет возможно лишь в той мере, в какой мы выйдем за пределы сферы влияния исторического априори, характеризующего дискурсивную практику Мишеля Фуко.

3. Перформативность и рекурсивность

Несмотря на общий протест против притязания герменевтики на универсальность анализ Хабермасом коммуникативных оснований рациональности социального действия еще в меньшей степени, чем дискурсанализ Фуко можно втиснуть в анти-герменевтическую формулу «*Stop Making Sense!*». Тем не менее: связывая понимание смысла со способностью устанавливать аргументативное отношение к артикулированным в языке притязаниям на значимость, Хабермас не считает понимание вопросом лингвистической компетентности, равно как и эффектом исторического влияния взаимосвязей традиции. Понимание не является пониманием языка независимо от содержательных убеждений относительно того, что имеет место. Понимание должно проходить через игольное ушко аргументативного соотнесения (Habermas 1981 a: 169 ff): это можно было бы истолковать и как «*caveat*» (*Caveat* (англ.) – предостережение, протест. – *Прим. пер.*) в отношении слишком быстрого и слишком полного понимания.

Хабермас связывает понимание со способностью установления отношения к притязаниям на значимость (Habermas 1981 a: 65 ff). В некотором релевантном смысле теория коммуникативного действия разделяет при этом предостережения дискурсанализа в отношении герменевтической традиции, в той мере в какой понимание определяется как вхождение во всеохватывающий процесс, который у Гадамера тематизируется как слияние горизонтов. Предструктура понимания образует, таким образом, основание любых процессов понимания, в том числе и там, где она критически обращается к самой традиции. Согласно Хабермасу, любое понимание и любая традиция, напротив, предполагают в принципе возможность критики, способность сказать нет, оспорить притязания на значимость. В свою очередь, дискурсанализ Фуко не определяет себя ни как герменевтическое слияние горизонтов, ни как установление отношения к притязаниям на значимость. Он стремится установить дистанцию к предмету. Нечто становится распознаваемым тогда, когда исчезает очарованность его присутствием; анализ настоящего возможен окольным путем исторического анализа, позволяющего узнать, в какой мере актуальные диспозитивы рациональности, со своей стороны, селективны и контингентны.

Понимание выражений базируется, согласно Хабермасу, на способности к установлению обоснованного отношения к притязаниям на значимость. Это запрещает разделение вопросов о значении и значимости (Habermas 1981 a: 374). Основания, согласно его пониманию, могут быть реконструированы лишь из перформативной перспективы того, кто может установить отношение к выдвинутым притязаниям на значимость. Лишь в той мере, в какой он осознает основания, благодаря которым выражения некоего автора предстают как рациональные, интерпретатор понимает, что автор мог иметь в виду. Он не может понять семантическое содержание текста, до тех пор пока не в состоянии представить себе основания, которые автор мог бы привести при соответствующих обстоятельствах; и он не может представить себе основания, не оценивая их, не устанавливая к ним отношения.

Интересно, однако, то, что не всякое знание у Хабермаса концептуализируется согласно данной модели. Знание не ограничивается сферой того, к чему мы обоснованно можем установить отношение (Habermas 1981 b: 188 ff). В противоположность монологически ориентированной теории сознания Хабермас указывает на роль имплицитного знания, которое имеется в распоряжении у участников коммуникации в дорефлексивной форме само собой разумеющихся фоновых допущений. Это фоновое знание структурировано даже не пропозиционально, а холистически. Мы не можем по собственному желанию осознать его. Пропозиционально артикулированное знание базируется на глубоко укорененном имплицитном знании, которое в норме, т. е. вне кризисных потрясений наших повседневных допущений о нормальности, для нас просто непроблематично и как следствие не осознаваемо. Очерченная выше и основополагающая для любого понимания возможность установления отношения к выдвигаемым вместе с выражениями притязаниям на значимость связана, в свою очередь, с фоновым знанием, которое никогда произвольным образом и как целое не может быть объективировано и следовательно подвергнуто критике.

Это относящееся к жизненному миру фоновое знание, которое, если под знанием понимать поддающиеся критике притязания на значимость, в строгом смысле даже нельзя назвать знанием, образует, согласно Хабермасу, горизонт процессов взаимопонимания. Коммуникативно действующие субъекты всегда движутся внутри горизонта жизненного мира; они не могут выйти за его пределы. Жизненный мир как горизонт возможного взаимопонимания имеет другой статус, чем те когнитивные или нормативные отношения к миру, которые указывают на поддающиеся критике притязания на значимость. Хабермас характеризует его как хорошо знакомую сеть пресуппозиций, которые должны быть выполнены (но не обязательно осознаны), чтобы некое выражение являлось осмысленным. Этот жизненный мир лежит в основе любых возможных разногласий, он может быть разрушен, но не опровергнут (Habermas 1981 b: 200).

Сеть этих пресуппозиций, лежащая, в свою очередь, в основе аргументаций, не доступна теории коммуникативного действия непосредственно, но лишь в той мере, в какой подрыв фоновых допущений частично обнажает эти основания. Мировая история выполняет, так сказать, роль

этнометодологического кризисного эксперимента. Во всяком случае, целенаправленное рефлексивное представление в столь же малой степени способно сделать явными относящиеся к жизненному миру пресуппозиции, как и исторические априори дискурса анализа Фуко. Эти пресуппозиции очерчивают рамку, внутри которой мы можем устанавливать отношение к притязаниям на значимость, апеллируя к основаниям. Фуко, напротив, определяет себя как дискурс-археологического наблюдателя рамочных эффектов, которые как таковые не видимы непосредственно. В отличие от Хабермаса, он полагает, что может реконструировать отношение дискурсов к истине не через установление отношения к притязаниям на значимость исследуемых дискурсов, а посредством «нейтрализации» (Privitera 1990: 66). Лишь в этом случае мы можем сделать предметом изучения их историческое априори и исследовать, почему эти дискурсы воплощали некогда состояние наличного познания. «История наук – не обращенная назад история прогресса, не отображение пройденных этапов, точкой схождения которых была бы сегодняшняя истина. Я, скорее, хотел бы исследовать их, чтобы понять, в какой мере устаревшие сегодня понятия, установки или методы в свое время сами представляли собой опережения [...] Необходимо понять не только то, почему нечто было разрушено, но и то, как оно сначала выстраивалось» (Canguilhem 1979: 27). Согласно данному пониманию, история науки рекуррентно соотносится с соответствующим состоянием актуального познания, исходя из которого «научное мышление постоянно переоформляет свое прошлое» (Canguilhem 1979: 18). Задача научно-исторического исследования, и Фуко расширяет это воззрение, выводя его за рамки узкой сферы научного знания, – не в том, чтобы доказать ложность прежних взглядов с точки зрения сегодняшнего состояния познания – это задача научной практики, – а в том, чтобы понять, на каком основании, внутри какой рамки соотношения они некогда имели силу истинных. Кроме того, эти взгляды не должны рассматриваться как воплощение актуального притязания на значимость, к которому интерпретатор должен установить отношение: «В тех случаях, когда нечто нормативно значимое становится объектом эмпирического исследования, оно в качестве объекта лишается своего нормативного характера и рассматривается как „сущее“, а не как „значимое“» (Вебер 1990: 590). Однако к этому «сущему», становящемуся предметом эмпирического исследования, относится не только содержание соответствующих взглядов, но и предъявляемое ими притязание на значимость и его истинностный или перформативный горизонт.

Сформулированное в «Археологи знания» методологическое самозаверение Фуко использовал в качестве промежуточного баланса, исходя из которого он ставил новые вопросы. В последующем он не ограничивался расширенным включением недискурсивных факторов и институциональных практик. С помощью понятия диспозитива, означающего то же, что и распоряжение, регламент, предписание, но также и физическое размещение, например, расположение орудия, он стремился к сочленению дискурса и внешнего ему, недискурсивного. Диспозитив может пониматься предметно-материально, но также и в качестве институционального регламента. Тюрьма, как и плац для занятий строевой подготовкой, являются одновременно физическими и

институциональными образованиями. Наказание – не дискурс, но и не просто чистая добавка боли. Темница отличается от других форм интернирования, она интегрирована в дискурс, она не существует вне дискурса, нет сначала заключения в тюрьму, а затем его истолкования, так же, как нет сначала политико-правового дискурса, а затем решения преобразовать его посредством ареста. Фуко не предлагает социологию системы наказания, он не объясняет, как она фактически функционирует, каким образом стратегии остаются стабильными, как происходит социальная интеграция. С помощью избранных им и развитых в дальнейшем средств он исследует, как всё это тематизируется в дискурсах и как такое истолкование наделяется перформативным свойством, не ставя перед собой задачи объяснить затем фактическое осуществление описанной реальности исходя из дискурса.

Фуко реконструирует перформативный горизонт дискурсивных практик. Эта интернализация внешнего отношения дискурсов объединяет анализы по генеалогии гуманитарных наук с аналитикой констелляций власть/знание и изучением форм государственного управления и практик субъективации: эпистемическое или перформативное отношение к предмету тематизируется как внутреннее, а не внешнее отношение. Речь не идет об эмпирическом анализе социального генезиса институтов или исторических форм субъективности.

В отношении более поздних анализов Фуко также необходимо отметить, что процессы субъективации всегда уже предполагают то, к чему они при онтологическом способе прочтения, как кажется, лишь приводят: субъективность. Последняя может изменяться, но она не формируется изначально: артикулируемое в дискурсивных практиках формирование субъективности может представлять как произведение анонимных стратегий, это часть анализируемой дискурсивной формации, а не ее объяснение. Перформативная субъективация субъекта повторяет зеркально перевернутым образом известные из трансцендентальной философии проблемы самореференциальности, удваивающей субъекта: он предстает и как то, что познает само себя, и как то, что познается. В той мере, в какой субъективация является процессом самоформирования, который анализируется в рамках установившейся схемы действие – исполнитель действия, субъект и здесь функционирует удвоенно, как автор и как результат процесса.

Результатом осуществления картезианского сомнения оказывается субъект, отличный от того, который формируется в исповедях Аврелия Августина, а результатом диететической заботы о себе у древних греков – субъект, отличный от того, который производится техниками признания, характерными для современных методов дознания. Анализируя эти практики самотематизации, Фуко описывает социальные практики, которые имеют более высокую значимость, становясь социально действенными и за пределами своих дискурсивных эффектов. Тем не менее, анализ перформативных дискурсов не является анализом генезиса институтов, это не анализ социальных механизмов, посредством которых производятся определенные институты, определенные формы субъективности. Подобно тому, как в ходе анализа исторических дискурсов и институтов гуманитарных наук Фуко исследует их конституирующее

отношение к истине, не вступая в саму дискуссию о соответствующих притязаниях на истину, так же Фуко описывает и перформативный горизонт исторических диспозитивов управления и техник себя, разворачивающих свое воздействие в обществе, не связывая с этим притязание на социологическое объяснение институциональных изменений. Дискурсанализ реконструирует изменение общественных институтов из перспективы связанных с этим исторических практик знания, не презентуя их в качестве объяснения процессов. Социологические истолкования и объяснения являются предметом, а не задачей дискурсанализа.

Библиография

Вебер М. Смысл «свободы от оценки» в социологической и экономической науке // *Вебер М.* Избранные произведения / Пер. с нем., сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова. Москва: Прогресс, 1990. С. 547-601.

Лакатос И. История науки и ее рациональные реконструкции // Структура и развитие науки. Из бостонских исследований по философии науки. М.: Прогресс, 1978. С. 203-235.

Флек А. Возникновение и развитие научного факта: Введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива / Сост., пред., пер. с англ., нем., польс. яз., общ. ред. В. Н. Поруса. Москва: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999 а.

Флек А. Проблемы науковедения // *Флек А.* Возникновение и развитие научного факта: введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива / Сост., пред., пер. с англ., нем., польс. яз., общ. ред. В. Н. Поруса. Москва: Идея-Пресс: Дом интеллектуальной книги, 1999 б. С. 193-208.

Фуко М. Археология знания / Пер. с фр. С. Митина, Д. Стасова, под общ. ред. Бр. Левченко. Киев: Ника-Центр, 1996 а.

Фуко М. Порядок дискурса // *Фуко М.* Воля к знанию: по ту сторону власти, знания и сексуальности. Работы разных лет. / Сост., пер. с фр., коммент. и посл. С. Табачниковой; под общ. ред. А Пузыря. Москва: Касталь, 1996 б. С. 47-96.

Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций / Пер. с нем. 2-е изд., испр. Москва: Весь мир, 2008.

Barnes B. Interests and the Growth of Knowledge. London, 1977.

Bloor D. Knowledge and Social Imagery. London, 1976.

Bolz N. Stop making sense! Würzburg, 1989.

Brückling U., Krasmann S., Lemke T. (Hrsg.) Gouvernementalität der Gegenwart. Studien zur Ökonomisierung des Sozialen. Frankfurt/Main, 2000.

Bublitz H., Behrmann A., Hanke Ch., Seier A. (Hrsg.) Das Wuchern der Diskurse. Perspektiven der Diskursanalyse Foucaults. Frankfurt/Main, New York, 1999.

Canguilhem G. Wissenschaftsgeschichte und Epistemologie. Gesammelte Aufsätze. Frankfurt/Main, 1979.

Dreyfus H., Rabinow P. Michel Foucault. Jenseits von Strukturalismus und Hermeneutik. Frankfurt/Main, 1987.

Foucault M. Gesammelte Schriften, Bd. 4. Frankfurt/Main, 2005.

Giesen B. Drogenpolitik und Sozialpolitik. Zur praktischen Heuristik soziologischer

Theorie. Soziale Welt, Sonderheft 1: Soziologie und Praxis. Erfahrungen, Konflikt, Perspektiven, 1982. S. 135-157

Guilhaumon J. Geschichte und Sprachwissenschaft – Wege und Stationen (in) der „analyse du discours“ // *Keller R., Hirsland A., Schneider W., Viehauer W.* (Hrsg.) Handbuch sozialwissenschaftliche Diskursanalyse, Bd. 2: Forschungspraxis. Opladen, 2001. S. 19-65.

Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns, Bd. 1: Handlungsrationalität und gesellschaftliche Rationalisierung. Frankfurt/Main, 1981a.

Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns, Bd. 2: Zur Kritik der funktionalistischen Vernunft. Frankfurt/Main, 1981b.

Hacking I. Historical Ontology. Cambridge, 2002.

Hacking I. Between Michel Foucault and Erving Goffman: Between discourse in the abstract and face-to-face interaction // *Economy and Society*, 2004, 33, 3. S. 277-302.

Harris Z. Discourse Analysis. *Language*, 1952, 28, 1. S. 1-30.

Honneth A. Kritik der Macht. Reflexionsstufen einer kritischen Gesellschaftstheorie. Frankfurt/Main, 1985.

Keller R., Hirsland A., Schneider W., Viehauer W. (Hrsg.) Handbuch sozialwissenschaftliche Diskursanalyse, Bd. 1: Theorien und Methoden. Opladen, 2001a.

Keller R., Hirsland A., Schneider W., Viehauer W. (Hrsg.) Handbuch sozialwissenschaftliche Diskursanalyse, Bd. 2: Forschungspraxis. Opladen, 2001b.

Knorr Cetina K. Die Fabrikation von Erkenntnis. Frankfurt/Main, 1984.

Kocyba H. Eine reine Beschreibung diskursiver Ereignisse // *kultuRRRevolution* 1988, 17/18, S. 33-36.

Kogler H.-H. Die Macht des Dialogs. Kritische Hermeneutik nach Gadamer, Foucault und Rorty. Stuttgart, 1992.

Latour B., Woolgar S. Laboratory Life. The Social Construction of Scientific Facts. Beverly Hills, 1979.

Lemke T. Eine Kritik der politischen Vernunft. Foucaults Analyse der modernen Gouvernementalität. Berlin, 1997.

Osborne Th. Techniken und Subjekte: Von den „Governmentality Studies“ zu den „Studies of Governmentality“ // *Möller C., Reichert R.* (Hrsg.) Demokratie. Selbst. Arbeit. Analysen liberal-demokratischer Gesellschaften im Anschluss an Michel Foucault. Mitteilungen des Instituts für Wissenschaft und Kunst, 2001, 56. S. 12-16.

Prieto L. J. Principes de noologie. Den Haag, 1964.

Privitera W. Stilprobleme. Zur Epistemologie Michel Foucaults. Frankfurt/Main, 1990.

Rorty R. (Hrsg.) The Linguistic Turn. Recent Essays in Philosophical Method. Chicago, 1967.

Scharping M. (Hrsg.) Wissenschaftsfeinde? „Science Wars“ und die Provokation der Wissenschaftsforschung. Münster, 2001.

Schüttler P. Mentalitäten, Ideologien, Diskurse. Zur sozialgeschichtlichen Thematisierung der „dritten Ebene“ // *Ladtke A.* (Hrsg.) Alltagsgeschichte. Zur Rekonstruktion historischer Erfahrungen und Lebensweisen. Frankfurt/Main, New York, 1989.

Stegmüller W. Das Problem der Induktion: Humes Herausforderung und moderne Antworten // *Lenk H.* (Hrsg.) Neue Aspekte der Wissenschaftstheorie. Braunschweig, 1971. S. 13-74.

Stegmüller W. Theoriendynamik und logisches Verständnis // *Diederich W.* (Hrsg.) Theorien der Wissenschaftsgeschichte. Beiträge zur diachronischen Wissenschaftstheorie, Frankfurt/Main, 1974. S. 167-209.

Stebr N., Meja V. Zur gegenwärtigen Lage wissenssoziologischer Konzeptionen // *Meja V., Stebr N.* (Hrsg.) Der Streit um die Wissenssoziologie. Bd.2: Rezeption und Kritik der Wissenssoziologie, 1982. S. 893-946.

Waldenfels B. Michel Foucault. Auskehr des Denkens // *Fleischer M.* (Hrsg.) Philosophien des 20. Jahrhunderts. Darmstadt, 1991. S. 191-203.

Перевод с немецкого Татьяны Тягуновой

СЕРГЕЙ БОРИСОВ

НЕВЫСКАЗАННОЕ «ЖЕЛАНИЕ РОДИНЫ»

(рецензия на книгу И. Сандомирской «Книга о Родине. Опыт анализа дискурсивных практик»)

Всегда сложно говорить о Родине и подходя к чтению «Книги о Родине» И. Сандомирской, невольно ожидаешь приоткрытия тайны собственного безмолвствия, отсутствия слов.

При этом отдавая себе отчет, что автор должен преодолеть свое затруднение, и инструментом для этого избран дискурс-анализ, что явствует из названия («Книга о Родине. Опыт анализа дискурсивных практик»). Это означает выход за пределы «дискурсивной машины», а точнее ее деконструкция, на помощь же призывается диахрония, темпоральный разрыв персонифицированный «культурной археологией».

Уже в предисловии и далее во введении, озаглавленном «Идеологическая конструкция как идиома культуры», отмечается сущностная особенность дискурса о Родине, в противоположность другим, предназначенным для коммуникации\обмена, «язык Родины» замкнут на себя, это своеобразная «инструкция для внутреннего пользования», странный язык, противоречащий своей сути: «Язык Родины ничего не коммуницирует, а лишь выражает сам себя, являя нам Родину, но не аргументируя ее необходимость».

Это некая данность, как указывает автор, которая определяется характеристикой «непереводимость», непереводимость есть первая отличительная черта дискурса о Родине.

И, тем не менее, такая беспрецедентная в мире дискурсов замкнутость не мешает проследить ряд заимствований, или, используя «машинный» язык сценарий сборки отечественной «дискурсивной машины»: «например, в русской фразеологии Родины имеется много заимствований из патриотической риторики наполеоновской Франции и еще больше – из дискурса немецкого национального романтизма». То есть, у нас возникает надежда, что непроницаемость не столь тотальна и возможно, ряд универсальных «деталей» дискурса кочуют. Автор утверждает обратное: «... это не делает русский патриотизм более понятным для члена современной европейской культуры, не способствует прозрачности политического языка, когда Россия выступает от лица своего коллективного патриотического «мы» на международной арене». Тезис о непроницаемости незыблем и покоится на следующем положении: «Своей амбивалентностью – «подвешенным» состоянием между властью и сопротивлением - русский дискурс о Родине отличается и от культур, чья новая и новейшая история теснейшим образом связана с русскими дискурсивными практиками, например, от соответствующего польского дискурса». Оказывается дискурс о Родине есть некий уникальный «код», возникший как следствие совершенно неповторимой конфигурации истории, а точнее соотношения «противоборствующих идеологических дискурсов». Борьба власти и сопротивления ей рождает уникальность отечественного «Языка Родины». Но

только ли истории России свойственна борьба идеологий, не является ли язык всеобщим полем борьбы за власть?

На наш взгляд о том же, то есть о наличии не только уникального, но и универсального, о так называемой «переводимости» дискурса о Родине говорит и динамика этого дискурса, на которую указывает автор: «Несмотря на то, что нынешние носители русского языка и русской культуры унаследовали и присвоили риторики и идеологии Родины главным образом в их советской официально-политической редакции, этот дискурс пережил развал советской символической вселенной, и Родина вошла в новую постсоветскую эпоху на правах центральной идеологемы».

Его приспособляемость к различным конфигурациям и даже кардинальным изменениям господствующих идеологий не могут не указывать на менее жесткую зависимость от идеологии, на которой настаивает автор книги.

Далее «непереводимость» дополняется рядом других характеристик, среди которых избыточность, что сложно комментировать по причине отсутствия обоснования данного высказывания, а также сигнификативность и метафоричность: «Родина - это метафора, в которой осмысливаются и идеологизируются совершенно особенные отношения государственности (statehood) и гражданства (citizenship), это мета-троп, через оптику которого видится и конструируется коллективная идентичность и определяются границы как Своего, так и Иного. Таким образом, *непереводимость, сигнификативность ... и метафоричность* - три отличительных признака этой конструкции».

Сигнификативность связывается со сложившимися отношениями власти (здесь самое время оговориться, что речь идет не о власти вообще, а об определенной власти, т.е. власти политической) и общества, автор говорит, по сути, о непроговариваемом или умалчиваемом идеологией, ее подоплеке и изнанке, и все это конструкт идентичности (механизм ее создания). Но не слишком ли просто видеть в дискурсе Родины лишь прагматику идентичности и кодирование архаики «Мы – Они»? Возможно, что тотальная идеологизация вместила только идентичность, но оставила много другого? Отсюда и непереводимость дискурса Родины.

Метафоричность заключается в дискурсивном бытовании Родины, что не вызывает сомнения поскольку мы говорим о дискурсивных практиках.

Под названием «Цитирование и работа деятеля культуры» кроется интересный довод в пользу идеологической природы объекта исследования: «...клишированность, стереотипность, высокая степень воспроизводимости есть способ бытования Родины в коллективном языковом сознании, особенность Родины как идеологической иконы». И это свойство, по словам автора, говорит о том, что Родина есть концепт, «вещь невидимая» и интертекстуальная. Концепт есть сумма того, что можно сказать, своего рода потенция, переходящая в акт. И он, концепт, неотделим от дискурса. Здесь становится понятно, что как дискурс, дискурс о Родине закрыт, непереводим, а как концепт открыт для копирования, то есть перевода на другой язык, приватизируем другими дискурсами.

Теперь пришло время обоснования главного (раздел «Belonging: культурно-языковое конструирование близости»), необходимости Родины. Зачем она нам

нужна, очевидно, по автору, это ощущение единства, родство, контакт. Но из этого не вытекает идеология. Родство и желание, как фундамент общности, приходят к идеологии таким путем: «Отношение телесной близости (родства) и любви теперь, по закону метафоры, переносятся на мир текстов - не любых, разумеется, но идеологически правильно отобранных, отцензурованных ... Далее происходит метонимический перенос «родного» с дискурсов на инстанции, занимающиеся контролем дискурса. ... на последнем этапе тропеического генезиса, классифицирующая власть языка создает не только культурно-историческое, но и политическое «родство» - идеологическую доктрину единства народа».

Получается схема, согласно которой, чувство непосредственного родства обобщается и берется на вооружение властью, составляя основу идеологии, что и есть дискурс Родины. Но тогда основой этого дискурса стоит считать не идеологию, не власть, тем более политическую, а ощущение, желание, или некую иную витальность. Идеология есть узурпатор «слова о Родине» и политическая власть клиширует непроговариваемость чувства Родины, стремясь присвоить значимый ресурс «фасцинации» коллективного тела.

В тезисном изложении своей исследовательской программы (в разделе «фразеология и критика языка») автор, ставя вопрос о пределах идеологической «дискурсивной машины», а также роли субъекта в ней, приходит к схожему выводу: «...если речь идет о политэкономии, то в чем же интерес и в чем прибыль субъекта говорения, который вкладывает себя в обмен, производимый машиной? Речь идет о Желании, т. е., по Лакану, - о Нехватке (*la manque*), о той фундаментальной недостаточности, неполноте бытия, той пустоте в бытии, которая составляет природу субъекта. Смысл как символический продукт, производимый машиной - в данном случае, смысл Родины как продукт говорения о Родине - заполняет ... изначально зияющую рану, закрывает собой пустоту и протезирует Нехватку, как искусственный орган протезирует собой орган ампутированный...». Таким образом, стоит говорить о фундированности дискурса Родины скорее Желанием, в духе Делеза или Лакана, а не идеологией, которая сама есть производная дискурса, и именно в этом ключе следует интерпретировать «Нехватку», восполняемую субъектом. В природе желания, в не политической власти, кроется необходимость Родины, дискурс которой лишь используется политикой, клишированно, цитатно и всегда частично. Родина в прагматике идеологии всегда остается непереводаемым.

ДИАЛЕКТИКА ДИСКУРСА

<http://www.ling.lancs.ac.uk/staff/norman/2001a.doc>

Дискурс и социальные практики

Критический дискурс-анализ (или, сокращенно, КДА) базируется на идее «означивания» как несводимого к другим (irreducible) элемента всех материальных социальных процессов (Williams 1977). Мы можем рассматривать социальную жизнь как сеть взаимосвязанных социальных практик различного рода (экономических, политических, культурных, семейных и т.д.). Концепт «социальные практики» является в данном случае центральным, поскольку он позволяет преодолеть разрыв между установкой на изучение социальных структур и установкой на изучение социального действия и взаимодействия, т.е. установками, которые в равной степени необходимы в социальных исследованиях и в социальном анализе (Chouliaraki и Fairclough 1999). Под «социальной практикой» мы понимаем относительно устойчивую форму социальной деятельности (например, преподавание, телевизионные новости, семейные ужины, медицинские консультации). Каждая практика представляет собой артикуляцию разнообразных социальных элементов в рамках относительно устойчивой конфигурации, среди которых всегда имеет место дискурс. Мы можем утверждать, что каждая практика включает в себя следующие элементы:

Деятельность

Субъекты и их социальные отношения

Инструменты

Объекты

Время и место

Формы сознания

Ценности

Дискурс

Эти элементы находятся в **диалектической** взаимосвязи (Harvey 1996). Это означает, что это различные по природе, но не дискретные, не полностью самостоятельные элементы. В определенном смысле, каждый элемент «интернализует» остальные, будучи сводимым к ним. Так, например, и социальные связи, и социальные идентичности, и культурные ценности, и сознание имеют знаковую природу, но это не означает, что мы теоретизируем и исследуем, например, социальные связи так же, как и язык — у них есть существенные различия, что подразумевает исследование их в рамках различных дисциплин. (Хотя, возможно и желательно использовать междисциплинарный подход см. Fairclough 2000.)

КДА представляет собой анализ диалектических отношений между дискурсом (включающего в себя язык и иные семиотические системы, например, язык тела или визуальные изображения) и другими элементами социальных практик. Главные вопросы, на которые призван ответить КДА, касаются радикальных перемен, происходящих в современной жизни, того, какую роль играет дискурс в трансформационных процессах, а также того, какие изменения происходят в отношениях между знаковой сферой и иными социальными элементами в рамках социальных практик. Мы не можем заявить о роли дискурса в социальных практиках как о само собой разумеющейся; нам необходимо определить ее в ходе анализа. Кроме того, значение и роль дискурса может меняться в зависимости от той или иной социальной практики.

В социальных практиках дискурс имеет три плана выражения.

Во-первых, дискурс – это часть социальной деятельности в рамках социальной практики. Например, частью выполнения работы (например, работы продавца) является использование языка определенным образом; то же можно сказать и об управлении государством.

Во-вторых, дискурс выражается в репрезентациях. Социальные агенты в любой социальной практике производят репрезентации других практик, а также «рефлексивные» репрезентации их собственной практики (т.е. той, в поле которой они находятся в конкретный период). Они «реконтекстуализируют» другие практики. (Bernstein 1990, Chouliaraki & Fairclough 1999) – т.е., они инкорпорируют их в собственную практику. А это значит, что различные агенты будут репрезентировать практики различным образом в зависимости от того, как они позиционируют себя в собственной практике. Репрезентация есть процесс социального конструирования практик, включающий также рефлексивное самоконструирование – репрезентации вторгаются в социальные процессы и практики и придают им форму.

В-третьих, дискурс выражается в образах жизни, в утверждении идентичности – например, идентичность такого политического лидера, как Тони Блэр в Великобритании в определенной степени представляет собой семиотически сконструированный образ жизни.

Дискурс как часть социальной деятельности конституирует жанры, представляющие собой различные способы поведения, производства социальной жизни, имеющие семиотическую природу, например: повседневный разговор, встречи в различных типах организаций, политические и другие интервью, обзоры литературы. Дискурс в репрезентациях и саморепрезентациях в социальных практиках конституирует дискурсы (обратите внимание на различие в использовании терминов: «дискурс» как абстрактное понятие и «дискурс(ы)» как исчисляемое). Дискурсы – это различные репрезентации социальной жизни, которые по своему существу являются позиционируемыми – различные позиции социальных агентов позволяют им различным образом «видеть» и репрезентировать социальную жизнь в различных дискурсах. Например, жизнь бедных и малообеспеченных людей репрезентируется в различных дискурсах в социальных практиках правительства, политики, медицины, социальной науки, а также в различных дискурсах в рамках каждой из этих практик в зависимости от различных

социальных позиций социальных агентов. И наконец, дискурс как часть образа жизни конституирует стили – например, стиль менеджера, стиль политического лидера.

Социальные практики, взаимосвязанные определенным образом, конституируют социальный порядок – например, развивающийся неолиберальный глобальный порядок имеет отношение к социальному порядку образования в конкретном обществе и в конкретное время. Дискурсивное/семиотическое измерение социального порядка мы называем **порядком дискурса**, представляющий собой способ взаимодействия и сочетания различных жанров, дискурсов и стилей. Порядок дискурса – это социальное структурирование семиотических различий, особое социальное упорядочивание отношений на основе создания значений, таких как, различные дискурсы, жанры и стили. Один из аспектов такого упорядочивания – это доминирование: некоторые способы создания значений являются доминирующими или «мейнстримовыми» в определенном порядке дискурса, другие же являются маргинальными, или же «альтернативными». Например, может существовать доминирующий способ взаимодействия врача и пациента в Британии, но в то же время существует и множество других способов, которые могут находиться в большей или меньшей оппозиции к доминирующему. Доминирующий способ может поддерживать социальную дистанцию между врачами и пациентами, и власти врачей могут осуществлять контроль над этим способом; но существуют и другие, более «демократические» способы, при которых врачи теряют свою власть. Политическая теория «гегемонии» может быть успешно применена для анализа порядка дискурса (Fairclough 1992, Laclau & Mouffe 1985) – особое социальное структурирование семиотических различий может стать гегемоническим, частью легитимизации здравого смысла, поддерживающего отношения зависимости, но гегемония всегда будет находится в большей или меньшей степени в состоянии гегемонической борьбы. Порядок дискурса – это не закрытая, и не ригидная, а, скорее, открытая система, зависящая в большой степени от актуального взаимодействия.

Диалектика дискурса

Ранее мы уже говорили, что отношения между дискурсом и другими элементами социальных практик является диалектичным – дискурс интернализирует и интернализируется в отношении других элементов, при этом ни один из элементов не сводится к другому. Элементы социальных практик различаются, но не являются дискретными. При изучении диалектики дискурса в историческом аспекте, в аспекте социальных изменений, возникает вопрос о способах и условиях процессов интернализации. Рассмотрим концепт «экономики знания» и «общества знания». Это подразумевает качественные изменения в экономике и в обществах, предполагающие обусловленность знанием экономических и социальных процессов – изменения происходят по мере производства, обмена и операционализации знаний в экономических и социальных процессах. Конечно, знание (наука, технология) долго оставались значимыми факторами экономических и социальных изменений, но то, что

обращает на себя внимание, это невероятный рост его значимости. Важным является то, что обусловленность знанием замещается обусловленностью дискурсом: знания вырабатываются и циркулируют в виде дискурсов, а процесс, в котором дискурсы операционализируются в экономике и обществе представляет собой непосредственно диалектику дискурса.

Дискурсы содержат репрезентации настоящего и прошлого вещей, а также представления (предположения, воображения) (*imaginaries*) о том, какими вещи должны или могли бы быть. В этом смысле знания об «экономике знания» и «обществе знания» являются воображаемыми (*imaginary*), проецирующими возможные состояния или положения дел, «возможные миры». В контексте теории социальной практики они полагают (*imagine*) возможные социальные практики и сети социальных практик – возможный синтез видов деятельности, субъектов, социальных отношений, инструментов, объектов, хронотопы (Harvey 1996), ценностей, форм сознания. Эти представления могут предписывать (*enact*) актуальные социальные практики – воображаемые виды деятельности, субъекты, социальные отношения и т.д. могут стать реальными. Такое *предписание* (*enactment*) предполагает материализацию дискурсов – экономические дискурсы материализуются, например, в инструментах экономического производства, включая материальное производство (*hardware*) (заводы, машинное оборудование и т.д.) и «программное производство» (*software*) (системы управления и т.д.). Такое представление является также частично дискурсивным/семиотическим: дискурсы начинают функционировать как жанры. Представим себе, например, новые управленческие дискурсы, которые полагают (*imagine*) системы управления, основанные на принципе «работы команды», относительно неиерархичные и сетевые. Они начинают дискурсивно функционировать как новые жанры, например, жанры рабочих совещаний. Такое специфично дискурсивное предписывание встроено в производственный процесс в качестве новых способов действия и взаимодействия и даже, возможно, в качестве новых пространств совместной деятельности (например, комнаты для совещаний, конференц-залы).

Дискурсы как представления могут также распространяться в качестве новых образов жизни, новых идентичностей. Стало уже общим местом полагать, что новые экономические и социальные формации зависят от новых субъектов – например, «тэйлоризм» как система производства и управления зависит от изменений в образе жизни, идентичности рабочих (Gramsci 1971). Процесс «изменения субъекта» может рассматриваться и в рамках *навязывания* современных дискурсов – «тэйлоризм» является всего лишь примером. Навязывание (*inculcation*) – это, говоря современным языком, случай попадания людей в «свой» дискурс, при котором самопозиционирование, поступки, мысли, разговоры, самовосприятие осуществляется в рамках нового для них дискурса. Навязывание – это сложный процесс и, возможно, менее безопасный, чем предписание. Основой навязывания является риторическая логика (*rhetoical deployment*): люди могут выучивать новые дискурсы и использовать в тех или иных целях, в то же время не идентифицируя себя с ними. Одна из загадок диалектики дискурса заключается в следующем: как то, что разворачивалось как риторическая логика, приобретает «статус собственности» – как люди начинают

бессознательно позиционировать себя в рамках дискурса? Навязывание имеет и материальное выражение: дискурсы диалектически внедрены не только в стили, в способы использования языка; они также материализованы в телах, позах, жестах, телодвижениях и т.д.

Диалектический процесс не ограничивается предписанием и навязыванием. Социальная жизнь – рефлексивна; а это означает, что люди не только действуют и взаимодействуют в сетях социальных практик, они также интерпретируют и репрезентируют себе и другим то, что они делают, и эти интерпретации и репрезентации оформляют и переоформляют то, что они делают. Более того, если мы взглянем на экономические практики в современном обществе, то обнаружим, что действия людей постоянно интерпретируются и **репрезентируются** другими, в том числе различными категориями экспертов (например, консультантами по менеджменту) и академическими учёными (в том числе и дискурс-аналитиками). Это означает, что способы (взаимо)действия и образы жизни (в том числе и дискурсные аспекты, жанры и стили) репрезентируются в дискурсах, которые могут способствовать производству новых представлений, которые в свою очередь могут быть предписаны или навязаны. Круг замыкается; так развивается диалектика, вызывающая перемещения между различными социальными элементами, движения от материального к нематериальному, перемещения между дискурсами, жанрами, стилями.

Нет ничего неизбежного в той диалектике дискурса, которую мы описали. Новый дискурс может утвердиться в институте или организации, не будучи предписанным и навязанным. Он может быть предписан, но так и не навязан, и примеров тому существует огромное количество. Например, за последнее время менеджериалистские дискурсы были широко предписаны Британским вузам (например, процедуры оценки работы персонала, включая новый жанр «оценочного интервью»), однако масштабы навязывания чрезвычайно не велики – большинство академических работников не «присвоили» новые управленческие дискурсы. Мы должны признать существование как условий возможности, так и ограничений диалектики дискурса в определенных случаях. Это имеет определенное отношение к теории «социального конструктивизма» (Sayer 2000). В современных социальных науках давно уже принято полагать, что социальные общности (институты, организации, социальные агенты и т.д.) утверждаются в ходе социальных процессов, а целостное понимание этих процессов позволяет выявить эффективность дискурсов, как мы это показали выше: социальные общности в некотором смысле являются эффектом дискурсов. Социальный конструктивизм сталкивается с проблемами именно там, где возникает необходимость объяснить относительную солидарность и устойчивость социальных общностей, равно как их сопротивление изменениям. И даже такие могущественные дискурсы, как современный управленческий дискурс может столкнуться с сопротивлением, что может привести к тому, что эти дискурсы ни в коем роде не будут ни предписаны, ни навязаны. Применяя диалектическую теорию дискурса в социальных исследованиях, мы должны учитывать в каждом случае обстоятельства, которые обуславливают степень, с которой социальные общности противодействуют новым дискурсам.

Далее мы рассмотрим эту точку зрения на диалектику дискурса, обратившись к анализу языка нового капитализма.

Новый капитализм

Вот краткое описание нового капитализма, составленное Бобом Джессопом, взято с сайта, посвященному изучению языка нового капитализма (www.uoc.es/humfil/nlc/LNC-ENG/lnc-eng.html – см. также Jessop 2000).

«Капиталистический способ производства исторически характеризуется не только своими кризисными тенденциями, но и своими способностями периодически возобновлять основы своей экономической экспансии и, таким образом, ре-артикулировать и переранжировать отношения между экономическим, политическим и социальным. Свидетелями именно такого обновления мы являемся в настоящее время после кризиса послевоенного накопления, базировавшегося на доминировании атлантического фординизма. Налицо процессы реконструирования и переоценки капитализма на основе важнейших современных технологий, новых способов экономической координации и возрастающего поглощения экстраэкономических отношений логикой капиталистического накопления. Вот наиболее распространенные слова такой логики: информационное общество; экономика, основанная на знании; глобализация; подъем региональных экономик; антрепренёрские города; сетевая экономика; стратегические сообщества; управление без власти (government without governance); турбо-капитализм; сокращение времени-пространства; гибкость; трудовое пособие; обучающая экономика; корпоративная культура. Правительства различных уровней и различных политических пристрастий воспринимают за чистый факт (впрочем, это «факт», произведенный межправительственными соглашениями) то, что все должны подчиняться всеохватывающей логике глобализирующей экономики, основанной на знании. Реакции на эту всеохватывающую институциональную и операциональную логику многочисленны, но доминирующей, если не гегемонической, реакцией в англоговорящем мире является неолиберализм. Это политический проект, направленный на реструктуризацию и переоценку социальных отношений в условиях роста несоразмерных запросов глобального капитализма (Bourdieu 1998). Доминирование американских мультинациональных компаний и империалистического государства США (при поддержке интернациональных финансовых и промышленных интересов и Великобритании) сделало нео-либерализм крайне актуальным во всем мире. Нео-либерализм был внедрен на постсоциалистическом экономическом пространстве как якобы лучшее средство обеспечения быстрых системных преобразований, экономического обновления, реинтеграции в глобальную экономику. Он был принят и в большинстве англоязычных обществ с целью заменить собой дискредитировавшие себя смешанные экономики и составить конкуренцию «процветающим» странам послевоенного режима, основанного на институционализированном компромиссе между капиталом и трудом. И это действительно так, судя по неолиберальному политическому устройству наиболее корпоративистских и этатистских государств континентальной

Европы, Восточной Азии и Латинской Америки. В том или ином виде неолиберализм внедряется (если не в теории, то на практике) по всему миру как социал-демократическими, так и консервативными политическими партиями. С редкими, но важными исключениями неолиберализм стал доминировать на политической арене – и в итоге привёл к дезориентации и обезоруживанию экономических, политических и социальных сил, известных как радикально-альтернативные. Это в свою очередь способствовало прекращению публичных дебатов и ослаблению демократии.

Города, региональные и национальные образования, совершенно различные государства вплоть до сверхнациональных образований, таких как Европейский Союз были вовлечены в поддержку и регулирование процессом внедрения их экономических пространств в набирающий силу новый мировой порядок. Это лишь усилило экономическое и экстра-экономическое давление «на благо» реструктуризации и переоценки в контексте, предопределяемом якобы безличными рыночными силами. Это привело к радикальным атакам на всеобщее благосостояние как цену интернационального производства и сокращению объема социальной защиты, которую социальные государства осуществляли в отношении людей как противодействие эффектам рыночных отношений. Это также привело к росту дифференциации общества на богатых и бедных, снижению экономической безопасности и росту экономического стресса даже в отношении «новых средних» классов, а также к интенсификации эксплуатации труда. Огромнейшее внимание, уделяемое прогрессу, угрожает также и окружающей среде. Помимо прочего, эти процессы породили новый империализм, при котором интернациональные финансовые группы под руководством США и их богатых союзников навязывают реструктуризацию на менее успешные страны, в некоторых случаях с катастрофическими последствиями (например, Россия). Проблемой является не движение к возрастающей интернациональной интеграции, а совершенно конкретные способы, которыми это осуществляется, совершенно конкретные последствия (например, неравное распределение благ), которые создаются намеренно».

Язык нового капитализма

Мы уже ранее упоминали, что идея нового капитализма как основанного на знании социально-экономического порядка предполагает также, что этот порядок основан на дискурсе. Под этим мы понимаем, что язык играет более значимую роль в современных социально-экономических процессах, нежели в недавнем прошлом. Если это действительно так, то дискурс-анализ может внести важный вклад в изучение трансформаций капитализма. Значимость языка в этих трансформациях не осталось незамеченной исследователями. Бурдьё и Вакан (Bourdieu & Wacquant 2001), например, указывают на появление «новой планетарной вульгаты», «новой планетарной речи» («new planetary vulgate»), которую они характеризуют как словарь («глобализация», «гибкость», «управление», «трудопособность», «исключение» и т.д.), «наделённый перформативной властью делать сущими те реальности, которые он описывает». Это означает, что неолиберальный политический проект

устранения препятствий на пути к новому экономическому порядку является основанным на дискурсе.

Помимо указания на важность языка в социально-экономических трансформациях, Бурдьё и Вакан утверждают, что социальное исследование требует элементов дискурс-анализа. Недостаточно просто охарактеризовать «новую планетарную речь» как список слов, как словарь; необходимо анализировать тексты и взаимодействия, дабы показать, как работают эффекты, которые выделяют Бурдьё и Вакан (например, представление социально-экономических трансформаций нового капитализма и политики правительств в качестве неизбежных; репрезентация желаний в качестве фактов; репрезентация воображаемого заинтересованными политиками положения дел в качестве реального положения дел). Однако, ставка Бурдьё и Вакана на изучение эффективности неолиберального дискурса превосходит возможности социологических методов, которыми они пользуются.

Дискурс-анализ нового капитализма предполагает не только анализы текстов и взаимодействий, но и определенного рода теоретизацию диалектики дискурса в том роде, который предложили мы выше. Реструктуризация и переоценка могут быть рассмотрены не только как изменения в сети социальных практик (Джессоп), но и как реструктуризация и переоценка дискурса и порядка дискурса. Реструктуризация порядка дискурса имеет отношение к изменяющимся отношениям, изменениям в социальных сетях, перемещениям между дискурсивными элементами различных (сетей) социальных практик. Показательным примером является то, как менеджералистский дискурс колонизировал общественные институты и организации (например, вузы) – впрочем, необходимо сразу же уточнить, что это диалектический процесс колонизации/присвоения, т.е. это не только случай вхождения дискурса в новые владения, но также и целый комплекс случаев получения, присвоения, реконтекстуализации дискурса в различных локальных областях, и даже случаи крайне не предсказуемых результатов этого процесса. Переоценка порядка дискурса – это случай изменений в сети дискурсивных элементов социальных практик, присущих социальным организациям различных уровней – глобальных, региональных, национальных и локальных. Например, увеличивающееся и нарастающее рассредоточение локальных социальных практик (локальных правительств, небольших промышленных формаций, локальных масс-медиа) по всему миру и проникновение их в дискурсы, которые распространяются такими организациями, как Международный Валютный Фонд и Мировой Банк. Использование подхода Джессопа к трансформации капитализма в диалектической теории дискурса обеспечивает создание теоретической базы для исследований глобальной всепроницающей власти «новой планетарной речи», о которой говорят Бурдьё и Вакан.

Необходимо также проанализировать то, что Бурдьё и Вакан называют «перформативной властью» «новой планетарной речи», властью «делать сущими те реальности, которые она описывает». Каким образом данный дискурс предписывается через действия и взаимодействия (включая жанры) и каким образом он навязывается через образы жизни (включая стили)? Исследование этих ключевых моментов предполагает подробный

компаративный анализ организационных и институциональных изменений, как это представлено в работе Salskov-Iversen (2000), посвящённой сравнению нового колонизирующего-присваивающего дискурса «общественного менеджмента» местных властей в Британии и Мексике. См. также Iedema 1999.

Заключение

Подведём основные итоги. Во-первых, язык имеет определённое значение в современных социально-экономических трансформациях, которое, видимо, качественно отличается от того значения, которое имел язык в предшествующих трансформациях. Во-вторых, несмотря на то, что исследователи обращают внимание на роль языка, она не изучается достаточным образом, поскольку существующие теории и методы не соответствуют предмету исследования. Одним словом, есть необходимость в дискурс-анализе. В-третьих, если дискурс-анализ может внести вклад в изучение роли языка, он не должен ограничиваться только лишь уже существующими методами текстового анализа (которые сами нуждаются в радикальном переосмыслении), но должны использовать нечто наподобие диалектической теории дискурса.

Библиография

1. Bernstein, B. (1990). *The Structuring of Pedagogic Discourse*, London: Routledge.
2. Bourdieu, P. (1998). A reasoned utopia and economic fatalism, *New Left Review* 227 (pp. 25-30).
3. Bourdieu, P. & Wacquant, L. (2001). New liberal speak: notes on the new planetary vulgate, *Radical Philosophy*, 105 (pp. 2-5).
4. Chouliaraki, L. & Fairclough, N. (1999). *Discourse in Late Modernity*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
5. Fairclough, N. (1992). *Discourse and Social Change*. Cambridge: Polity Press.
6. Fairclough, N. (2000). Discourse, social theory and social research: the discourse of welfare reform, *Journal of Sociolinguistics* 4 (pp. 163-195).
7. Gramsci, A. (1971). *Selections from the Prison Notebooks*. London: Lawrence & Wishart.
8. Harvey, D. (1996). *Justice, Nature and the Geography of Difference*. Oxford: Blackwell.
9. Iedema, R. (1999). Formalizing organisational meaning, *Discourse and Society* 10(1), (pp. 49-65).
10. Jessop, R. (2000). The crisis of the national spatio-temporal fix and the ecological dominance of globalising capitalism (<http://www.lancs.ac.uk/fass/sociology/papers/jessop-crisis-of-the-national-spatio-temporal-fix.pdf>).
11. Laclau, E. & Mouffe, C. (1985). *Hegemony and Socialist Strategy*. London: Verso.
12. Salskov-Iversen, D., Hansen, H. & Bislev, S. (2000). Governmentality, globalization and local practice: transformations of a hegemonic discourse, *Alternatives* 25 (pp. 183-222).
13. Sayer, A. (2000). *Realism and Social Science*, London: Sage.
14. Williams, R. (1977). *Marxism and Literature*. Oxford.

Перевод Е.Кожмякина